

№ 1 (11) 2017

www.islamic-culture.ru

Исламская культура

Журнал для педагогов

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Маркус Сергей Владимирович,
главный редактор

Хайриддини Абдулло,
заместитель главного редактора,
руководитель отдела по духовному
воспитанию и духовной культуре
Общероссийского общественного
Движения «Таджикские трудовые
мигранты»

Рамазанов Магомед Багаудинович,
доктор педагогических наук, профессор
Дагестанского государственного
университета

Хайретдинов Дамир Зилюрович,
кандидат исторических наук, ректор МИИ,
Московского исламского института

Синельников Михаил Исаакович,
поэт, действительный член Российской
академии естественных наук и Петровской
академии, академик Академии культуры
и поэзии (Чанаккале, Турция)

Зарипов Ислам Амирович,
кандидат исторических наук,
руководитель Департамента культуры,
науки и образования ДУМ РФ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Попов Вениамин Викторович,
дипломат ранга Чрезвычайный
и Полномочный Посол, кандидат
исторических наук, директор Центра
партнерства цивилизаций Института
международных исследований
МГИМО (У), Москва

Хачукаев Эдуард Магомедович,
заместитель директора Фонда
поддержки исламской культуры,
науки и образования, советник
Российской академии
естественных наук

Резван Ефим Анатольевич,
доктор исторических наук, профессор,
главный редактор международного
журнала Manuscripta Orientalia,
заместитель директора Музея
антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамеры)
Российской академии наук, Петербург

Михайлов Юрий Анатольевич,
глава Научно-издательского центра
«Ладомир», Москва

Свидетельство о регистрации ПИ 9785-91447-159

Журнал «Исламская культура». Адрес: 129110, Россия, Москва, проспект Мира, д. 70. Тел.: 8 (499) 975-25-40.
Сайт — www.islamic-culture.ru. Страницы в соцсетях — Фейсбук, ВКонтакте «Исламская культура — журнал
для педагогов». E-mail: glavred@islamic-culture.ru
Издательский дом «Народное образование». 109341, Москва, ул. Люблинская, д. 157, корп. 2. Тел.: (495) 345-59-00.
E-mail: kushmir@narodnoe.org

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия». 428019, г. Чебоксары, пр-т Яковлева, д. 15

Содержание

Вступительное слово главного редактора 4

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Иван Арабов

Арабы до Ислама 6

Юрий Ключников

Суфийская поэзия из сборника «Караван
вечности». 2 часть 12

Аблет Камалов

Об изучении истории и современного положения
уйгуров 25

Андрей Андреев

Тысячелетняя мечеть Пекина. 40

Иван Китаев

Ислам и боевые искусства: традиция хуэйцев 44

Наиль Исмагилов

Книга-памятник каллиграфа Кавама Зульфакарова
о мавлиде 46

Сергей Маркус

Гаджи Тагиев — отец нации Азербайджана,
пример для всего мира 49

ГОТОВИМСЯ К УРОКАМ

Абдульазиз Давлетчин

Культура приветствия в Исламе 56

Марат Башаров

Проси Всевышнего — и у тебя всё получится 60

Рустам Батыр

«Женщина — Кааба/кибла мужчины» 62

Статистика

Исследовательский центр США: Ислам станет самой популярной религией до конца века 67

Джаннат Сергей Маркус

Садек-абзи. Поэма 68

НАУКА И ПЕДАГОГИКА

Никита Голобоков

Угроза культуре — тотальная электронная слежка 89

Юрий Михайлов

Почему российские имамы такие богатые?..... 93

Дамир Хайретдинов

Мусульмане России между хунвейбинами и технологической революцией 95

ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ

Академик Андрей Смирнов

Философия всегда должна быть недовольна. 112

Джамбулат Умаров

Нельзя позволить террористам ИГ уничтожить нашу историю 119

Юрий Михайлов

Мусульмане — потенциально наиболее успешная часть человечества. 122

Константин Казенин

Границы для хиджаба: почему соблюдение традиций не дело властей. 126

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

4

2017 год это прежде всего юбилейный год для размышлений о причинах и итогах двух революций (переворотов, бунтов) столетней давности — 1917 года. Практически все СМИ страны пишут об этом и выкладывают много нового архивного или «хорошо забытого» старого материала. Мы на сайте и на страницах «Исламская культура — журнал для педагогов» в Фейсбуке и ВКонтакте также стараемся показать эту тему и предложить дискуссии. Главное в нашем подходе (который диктует специфика заявленного журнала) — это вопросы веры, религии, роль Ислама, особая роль культуры.

Однако, в этом первом номере за 2017 год Вы не найдёте прямых исторических или публицистических откликов на тему 17 года. Скорее, Вы почувствуете и сами проанализиру-

ете картину века, читая, к примеру биографический очерк, написанный мною о выдающемся деятеле промышленности, культуры и благотворительности предреволюционного Азербайджана Гаджи Тагиеве и иные материалы.

И ещё: погружаясь мысленно на столетие назад, мы ищем причины, побудившие революции. И это крайне важная работа ума, которая помогает чётче оценивать современность. А нет ли вокруг нас подобных (или совсем новых) причин для деструкции, социальных и военных потрясений?

Прочитайте в одном смысловом ряду, к примеру, такие статьи этого номера, как «Арабы до Ислама» (где видно общество, явно нуждающееся в обновлении духа и нравов), и сообщение Никиты Голобокова о тотальной электронной слежке, которая стала реальностью нашей «цифровой ци-

визации» 21 века. Дамир Хайретдинов, ректор Московского исламского института, а также член нашей Редколлегии, при этом говорит о том, что часть мусульман нашего времени, по сути, идёт путём хунвейбинов. А Джамбулат Умаров, министр Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации, рассуждает о тех псевдо-джихадистах, которые уничтожают памятники Ближнего Востока, чем, по сути, лишают всё человечество памяти и истории.

Наконец, Юрий Михайлов, главный редактор научно-издательского центра «Ладомир», и также член Редколлегии нашего журнала, прекрасно видя тёмные и светлые стороны современного мусульманского социума, приходит к оптимистичному стратегическому выводу: «Мусульмане по праву претендуют на то, чтобы быть наиболее успешной частью человечества. Но этого нет по факту. И нет давным-давно. Иными словами, не налажен современный диалог с Кораном, нет актуального осмысления сунны Пророка. А отсюда и множество проблем, о которых мы постоянно слышим в новостях. Отсюда то

мракобесие, что олицетворяет собой пресловутое ДАИШ, умело выпестованное антиисламскими и ретроградными силами.

Чем больше я думаю о Коране, о той роли, которая в нём отведена человеку, тем твёрже укрепляюсь в мысли, что общество будущего, предсказанное в этой величайшей Книге, имеет черты того самого постиндустриального общества, о котором так много говорят в последние десятилетия крупнейшие социологи мира. Это общество, на порог которого человечеству предстоит ещё только взойти, но первые шаги в этом направлении уже сделаны».

Можно разделять такой оптимизм Юрия Михайлова, можно с ним спорить и не соглашаться. Но два момента бесспорны: в год Столетия потрясших и Россию и весь мир революций нельзя не думать о вновь резко меняющихся реалиях, о мусульманском факторе в этом потоке перемен.

И такое перспективное, глобальное мышление — неотъемлемая составляющая в работе каждого педагога, занимающегося вопросами исламской культуры — от детского сада до высшей школы.

*Главный редактор журнала
«Исламская культура»
Сергей Маркус,
Москва, март 2017 года*

Иван Арабов

АРАБЫ ДО ИСЛАМА

Сегодня арабские народы и их культура прежде всего ассоциируются с Исламом — последней по времени возникновения из мировых религий. Однако сами арабы существовали задолго до появления Ислама.

6

В те давние времена их территория ограничивалась Аравийским полуостровом, а сирийцы, палестинцы, египтяне, ливийцы и другие народы, сегодня являющиеся частью арабского этноса, еще не влились в него и говорили на собственных, хотя и родственных арабскому, языках. Поскольку именно в арабском обществе Ислам зародился как религиозная система, в общей культуре исламского мира имеется множество арабских элементов, но древняя арабская культура, в свою очередь, тоже претерпела глубокие изменения под влиянием Ислама. В наши дни основные сведения о том, как жили арабы в доисламский период, мы можем черпать из древнеримских и византийских письменных источников и ранней исламской литературы, рассказываю-

щей о жизни первых мусульман, начавших исповедовать свою религию в окружении арабов-язычников. Развитые державы поздней античности и раннего Средневековья: Римская и Византийская империи, Сасанидский Иран, воспринимали Аравию, сплошь покрытую знойными безводными пустынями, как полудикую и бедную землю.

Ее население римляне, византийцы и иранцы обычно представляли как вольных кочевников, перегоняющих по бескрайним пескам стада овец и верблюдов. На самом деле арабы-кочевники — бедуины, составляли меньшую часть населения Аравийского полуострова, просто в связи с тем, что им в пустынном регионе требовались широкие угодья, чтобы пасти скот, они редкими стойбища-

ми расселялись по большинству его территории.

Но большинство арабов вело оседлый образ жизни, довольно скученно населяя оазисы и долины пересыхающих рек — вади, где имелись снабжавшие их водой колодцы. Оседлые арабы занимались скотоводством на опустыненных пастбищах и земледелием на более увлажненных участках в долинах. Они разводили сады, в которых выращивали большей частью стойкую к длительной засухе финиковую пальму. Бедуины жили в переносных шатрах, оседлые арабы — в глинобитных домах. Города могли обноситься каменными стенами.

Арабы славились как бесстрашные и жестокие воины; древние римляне нередко нанимали их на службу в своих войсках. Описывается случай, когда конный отряд арабов на римской службе атаковал пешее германское войско. Германцы, как все варвары Европы, умеющие хорошо отражать конные атаки, долго и упорно держались, не подпуская арабских всадников на достаточное для перехода к рукопашной схватке расстояние. Однако в конце концов одному из воинов-арабов удалось сразить германца. Торжествуя, араб спрыгнул с лошади, приложился губами к исходящей кровью ране на теле поверженного противника и стал высасывать кровь, а затем запрокинул голову и издал громкий вой подобно волку. Германцы, увидев такую картину, решили, что перед ними оборотень и в ужасе обратились в бегство. Саму

Аравию ни римляне или византийцы, ни персы завоевать не могли, да и, вероятно, не хотели: большей частью безжизненные горячие пески, вглубь которых без надежных проводников не могло пройти войско ни одной державы, не привлекали богатые империи.

Только на юге Аравийского полуострова — в области под названием Йемен, существовало древнее государство (не путать с современным государством Йемен в той же области) с довольно богатыми торговыми городами. Однако от Римской империи, Византии и Ирана его отделяли тысячи километров безводной пустыни — Неджда, служившей ему естественной защитой от воинственных устремлений императоров. Редкие города, основанные торговцами, находились также в горных долинах западной части полуострова, где было больше оазисов и колодцев. Арабские купцы торговали верблюжьей шерстью, финиками, маслом, которые скупали у земледельцев и скотоводов и верблюжьими караванами везли на север — во владения империй, где выгодно перепродавали. Из торговцев и военных предводителей в арабских городах к началу VII в. сложилась родовая знать, которая встала во главе племен.

Арабский этнос не был консолидирован, каждое племя, из которых он состоял, управлялось по своим обычаям и отношения с другими племенами выстраивало по своему усмотрению. И сами арабы, в первую

очередь, относили себя к своему племени, а потом уже к арабам вообще. Племя обычно возводило свои корни к какому-то одному предку, а все арабы — к древнему пророку Исмаилу (Измаилу). Племя делилось на роды, тоже происходящие от одного предка, во главе родов стояли старейшины — шейхи. Во главе всего племени стоял вождь — эмир, являвшийся и военным предводителем. Суровость природных условий, отсутствие наводящей порядок единой власти приводила к распространению разбоя и грабительских войн, когда более бедные роды и племена пытались поживиться за счет грабежа более богатых. Поэтому важное место в жизни арабов занимала военная подготовка, военному искусству арабские мальчишки обучались с детства. Каждый мужчина был воином, непременно владел оружием. Основным оружием были длинные мечи, копья, лук и стрелы. Арабы сражались как конными — на лошадях и верблюдах, так и пешими. В схватке часто использовался щит против ударов врага. Тяжелый и тревожный быт заставлял общество ценить способных трудиться и сражаться членов, радоваться рождению мальчиков. В воспитании детей арабы тесно сочетали порой безмерные любовь и ласку со строгой дисциплиной и субординацией. В то же время в доисламской Аравии был широко распространен инфантицид: в голодные годы новорожденных девочек как менее полезных обществу, чем мальчики, живыми закапывали

в землю. Вообще, женщина в глубоко патриархальном древнеарабском обществе почти не обладала какими-либо правами. Если в семье рождался мальчик, устраивался большой праздник, если же рождалась девочка, семья проводила обряды скорби. Богатые люди, случалось, заводили целые гаремы из десятков жен; некоторые мужья заставляли своих жен заниматься проституцией и на вырученные средства содержали семью. Женщины ели отдельно от мужчин. Конечно, не каждый араб относился к женщинам как к презренным существам, и некоторые знатные, обладавшие умом и решительностью женщины даже могли иметь значительное влияние в обществе, но в целом отношение к слабому полу доминировало высокомерное, потребительское. Уже проповедуя Ислам, пророк Мухаммед в VII в. особо указывал, что за убийство женщины преступник тоже подлежит казни. Первобытно-патриархальный уклад жизни древних арабов выражался не только в восприятии женщины как второстепенного члена общества, но прежде всего в четкой внутривидовой субординации. Глава семьи имел полную власть над всеми домочадцами, родовые старейшины — над всеми другими членами рода. Практиковались продажа детей родителями, обмен людьми между родами. В раннее Средневековье широко распространилось патриархальное рабство (рабы находились на положении младших членов семьи, но после смерти ее главы не станови-

лись свободными, а распределялись между наследниками). Случалось, что род, не желая по обычаю кровной мести терять своего члена, убившего кого-то из другого рода, по договору с кровниками убивал одного из своих рабов: и свободный представитель рода оставался живой, и на пару рабочих рук по принципу воздаяния становилось меньше.

Одежда арабов в древности была похожа на одежду современных арабов-бедуинов, но в силу давности времени имела и определенные отличия. Нижней одеждой был изар — род длинной набедренной повязки. У богатых людей изар достигал длиной до ступней и даже до земли. На торс надевалась длинная и широкая рубаха: широкие складки одежды в характерную для аравийских пустынь жару способствовали поддержанию оптимальной температуры между телом и тканью. Для дополнительной защиты от жары во время переезда по пустыне и от свойственного пустыням ночного холода сверху надевался широкий халат. Голову арабы обвязывали чалмой, защищавшей от солнечных лучей, перегрева и впитывавшей в себя пот, не давая тому растекаться по лицу и причинять неудобство. Женщины носили также просторные длинные накидки, называемые аба. На ноги арабы надевали сандалии — жесткие подошвы на ремешках, защищавшие ноги от ожогов при передвижении по раскаленному солнцем песку.

Арабский язык относится к семитской группе афразийской семьи

языков. Языки афразийской семьи грамматически во многом построены подобно языкам индоевропейской семьи (присутствуют предлоги, окончания родительного и винительного падежа), но имеют и свои важные особенности. Например, словообразование осуществляется не прибавлением приставок или суффиксов, не сложением слов, а изменением гласных в слове. Например «катаба» в арабском языке означает «писать», отсюда «катиб — писатель», «киتاب — книга». Арабы имели свою письменность, сохранившуюся почти без изменений и до нашего времени, с некоторыми изменениями заимствованную в эпоху Арабского Халифата другими народами, исповедующими Ислам. К началу VII в. в арабской среде начался значительный культурный подъем. В большом почете было стихосложение. Самым известным поэтом доисламской Аравии является Маджнун. В религиозном отношении подавляющее большинство арабов придерживалось языческих верований. В основе их религиозных представлений лежал культ того же Бога — создателя Вселенной, что и в Иудаизме и Христианстве. Его арабы называли Аллах — от древнего семитского слова со значением «бог, божество»; подобным именем — Элях, Бога называют и некоторые древнеиудейские тексты. Однако если иудеи и христиане почитали Бога как единого, то арабы-язычники считали, что кроме Бога — Аллаха, существует еще ряд богов младшего поряд-

ка, которым они поклонялись наряду с Аллахом. Других богов арабы изображали в виде идолов, которые помещали в святилищах и проводили вокруг них религиозные обряды. Своим богам арабы приносили жертвы из скота, иногда практиковались и человеческие жертвоприношения. Например, существовал обычай принесения в жертву первого родившегося в семье ребенка мужского пола. В отличие от иудеев и христиан, арабы-язычники не верили в жизнь после смерти, а следовательно, и в посмертное наказание за грехи при жизни. Поэтому в древнеарабской среде было распространено обыкновение жить, что называется, «на всю катушку» с буйными празднествами и возлияниями, доставшейся от первобытных времен мужской половой свободой, грабительскими вылазками на территорию соседних племен. Многие обычаи древних арабов выглядят, с нашей точки зрения, развращенно, например, женщины некоторые религиозные обряды совершали в обнаженном виде. Религиозным центром всех арабов-язычников был построенный пророками Исмаилом и его отцом Ибрахимом (Авраамом) храм кубической формы — Кааба, находящийся в городе Мекка в Западной Аравии. К Каабе периодически совершали паломничество — хадж, люди со всех концов Аравии. Человека, держащегося за стену Каабы, нельзя было убить. Регулярное паломничество к Каабе, сопровождавшееся жертвами многочисленным богам и

подношениями служителям их культа, приносило очень большой доход жившему в Мекке и ее окрестностях племени курайш (курайшитов), которое фактически было самым влиятельным из арабских племен. Однако помимо приверженцев языческих верований, среди арабов встречались и иудеи, и христиане, в некоторых местах населявшие целые города. Также встречались ханифы — люди, верившие только в одного Бога — Аллаха, и отрицавшие существование других богов, но при этом не следовавшие ни иудейской, ни христианской религии. Помимо божеств, арабы верили в различных невидимых простому человеческому глазу существ. В частности, как и приверженцы монотеистических религий, они верили в служителей Аллаха — ангелов (по-арабски «маляк»), обладающих сверхъестественной силой. Окружающую среду же: пустыни, горы, долины, человеческое жилище, населяли огненные духи — джинны, способные принимать различный облик. Джиннов считали способными как помогать людям, так и вредить им. Некоторых духов наделяли большой силой и опасностью для людей, например, гулей — чудовищ-людоедов, по представлениям древних арабов, водившихся в пустыне. Враждебных людям духов арабы называли шайтанами — от древнесемитского слова со значением «враг», то же происхождение имеет перешедшее из древнееврейского языка в греческий слово «сатана».

В VII в. в Мекке пророк Мухаммед начал проповедовать Ислам, которому в очень скором будущем было суждено стать второй по числу приверженцев из мировых религий. Новая религия, предусматривающая веру только в одного Бога и строгое исполнение данных людям Богом законов, веру в жизнь после смерти и посмертное воздаяние Раем или Адом за добрые дела и грехи, в считанные десятилетия распространилась сначала в Западной Аравии, а затем и на всем Аравийском полуострове, стала распространяться и за его пределами в Сирии, Палестине, Египте, Ираке, принадлежавших тогда Византийской и Сасанидской империям. Ислам непримиримо боролся с языческими верованиями вплоть до полного их искоренения. Кроме того, он принес в арабское общество систему новых ценностей, повсюду возобладала строгость нравов, а в течение веков жившие разрозненно арабские племена на базе одной религии объединились под властью сначала Мухаммеда, затем — его преемников — халифов. Все это происходило с такой по тем временам быстротой, что в Византии и Иране вовремя не заметили, как под боком у этих двух древних империй на месте полудиких пустынь Аравии возникло новое, сильное своей сплоченностью и преданностью подданных своей религии государство — Халифат. Вторжение войск Халифата в принадлежав-

шие Византии и Ирану земли Сирии, Палестины, Ирака, где среди местного населения тоже появилось много мусульман, хотевших видеть своим правителем халифа, а не императора, во многом стало неожиданностью для этих держав. Под знаменем Ислама арабы с головокружительной быстротой отвоевали половину территорий, принадлежавших Византии и сокрушили вековую «опору Востока» — иранскую империю Сасанидов, завоевав все ее территории, превратив Иран в одну из провинций новой — религиозной, империи. И затем, пополнив боевые ряды принявшими Ислам другими народами, продолжили свои завоевания дальше на восток и запад, создав огромную державу, вошедшую в историю под названием Арабского Халифата — территорию, на которой вплоть до нашего времени твердо укрепился Ислам, распространились исламские духовные ценности и культура. Однако мусульмане, расширяя границы своей державы, активно заимствовали культурные и технические достижения народов, покорившихся халифу, в том числе персов и византийцев. В свою очередь, как уже говорилось, Ислам отменил многие древние арабские обычаи и элементы культуры. Поэтому исламская культура несет в себе лишь часть, причем сравнительно скромную, культуры Древней Аравии.

Юрий Ключников

СУФИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ ИЗ СБОРНИКА «КАРАВАН ВЕЧНОСТИ»

В московском издательстве «Беловодье» в 2016 году вышла в свет книга Юрия Ключникова «Караван вечности: Переводы суфийской лирики VIII–XX века». Этот сборник вольных переводов и подражаний суфийской поэзии принадлежит перу Юрия Михайловича Ключникова (Новосибирск), известного русского поэта, эссеиста, путешественника, переводчика, автора 20 книг стихотворений, переводов, прозы и публицистики.

Книга включает вступительную статью автора переводов, более 500 стихотворений наиболее выдающихся суфийских поэтов Ирана, Турции, Средней Азии, Индии, творивших с VIII по XX вв., их краткие биографии, авторское поэтическое переложение их прозы, статью издателя и сына поэта, психолога Сергея Юрьевича Ключникова «Солнечный свет суфийской поэзии», стихи-подражания и посвящения суфийским поэтам самого Ю. М. Ключникова, а также творческую биографию поэта.

Автор вольных переводов предлагает оригинальную трактовку творчества суфиев, утверждая, что все они принадлежат мистическому «Ордену Суфийской Поэзии» со своим самостоятельным путём к Богу.

Сегодня, когда ислам стал важнейшим фактором мировой политики, переводы суфийской поэзии приобретают особую актуальность. Раскрытые в книге темы: жизнь и смерть, любовь к женщине как ступень любви к Богу, поиски Бога в себе, дружба и вражда, красота мира, отношения поэта и власти, а также неповторимый восточный юмор делают сборник интересным для широкого круга читателей, сохранивших любовь к восточной мудрости и подлинной поэзии.

Литературный редактор этого издания — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН, почётный профессор Шанхайского университета иностранных исследователей, член правления Союза писателей России С.А. Небольсин. Научный редактор — кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ, поэт-переводчик европейской и персидской поэзии В.Н. Зайцев.

На сайте и в печатной версии журнала «Исламская культура» мы знакомим читателя с текстами из этого сборника. В предыдущем номере журнала опубликованы краткие вступления о поэтах и их стихи — от Рабии до Омара Хайяма. А сейчас предлагаем вашему вниманию продолжение. Завершим чтение Хайяма и пойдём далее...

ОМАР ХАЙЯМ

(продолжение)

В плен не поймаешь шустрого ручья,
Струя его и чья-то, и ничья.
Но вдоволь чистой влагой насладишься,
Когда наступит очередь твоя.

Шейх блудницу срамил: «Вся в грехах,
как в шелку!»

Та ответила: «Да, я такая, не лгу.
Ну а ты-то каков, если скинешь чалму
И откроешь те мысли, что прячешь
во лбу?»

Дуновения горного ветра свежи.
Соловьиные песни в тиши хороши.
Но лишь в светлой оправе очей твоих
ясных
Те подарки природы — блаженство души.

Тюльпан прохладе дрожью нежной
мстит.
Трава под ветром робко шелестит.
Любуюсь я, как роза на рассвете
Слезой-росой задумчиво блестит.

Всё видимое — видимость одна
От женщины прекрасной до вина.
А потому довольствуйся неглавным.
Суть главная Всевышнему видна.

Простёрт не для печали свиток дней.
Тоскливых дум и слов в него не лей.
И радость принимай простосердечно.
Не думай, что ты Господа умней.

Осою не падай на сладкую лесть.
И в чашку любую как муха не лезь.
Уж лучше Хайяму пропасть с голодухи,
Чем с сукиным сыном за трапезу сесть.

Пиши о вине, о красотках пиши.
Но в меру расходуй запасы души.
Когда твой наступит черёд пробудиться,
Все прежние свечи желаний туши.

Прекрасно на розе сверканье росы.
Пьянят на подушке любимой влады.
Забудем вчерашние беды-печали
Во имя сегодняшней светлой красы.

Если хочешь изведать любовную суть,
Всё пожертвуй любимой: и силы, и путь,
И чины, и здоровье, и дом, и наследство,
Ну, а главное, жизнь подарить не забудь.

Я в любви уж давно целый лес перерос.
Сколько выдержал ветров, морозов и гроз.
Дуб даёт себя даже на зубья разрезать,
Чтобы гребнем коснуться любимых волос.

Как жаль, что жизнь твоя бесплодно
протекла,
Что не украсили её ни чувства, ни дела.
Увы, ни Богу, ни тебе, ни даже бесам
бедным
Она ни горсти пользы не дала!

Ты учишь: в местожительстве ином
Утешимся любовью и вином.
Зачем же мне лечебница за гробом,
Когда владею ей в краю родном?

* * *

Все мы куклы на нитках, которыми
ведает Бог.
Держит пряник в руке, а в другой
здоровенный батог.
Выпускает на сцену любого из нас
ненадолго,
После скопом кидает навечно
в бездонный мешок.

* * *

От красоты любой посыл приму,
Хоть сразу непонятный моему уму.
Творец прекрасного не может ошибиться;
Когда-нибудь я дар Его пойму.

* * *

Две лодки мутят мир: добро и зло.
То первой, то второй, случится, повезло.
Вот только не поймёшь, которой
помогает
По большей части Господа весло.

* * *

Невольником не будь земных щедрот.
И яд земной прими спокойно в рот.
Всё преходяще, даже купол звёздный
Когда-нибудь на землю упадёт.

* * *

Мир этот так налёг на грешных нас.
Такие перегрузки в сотни раз,
Что если в сердце нашем покопаться,
Отыщешь в нём ты не один алмаз.

* * *

Мудрец одеяло тянуть на себя лишь
не станет.
И жадность к наживе его никогда
не достанет.
Он всё, что имеет, на доброе дело отдаст,
Но не обнищает, из бедности тотчас
восстанет.

* * *

Жизнь — лужа от безвременной Реки,
А мы в ней дождевые пузырьки.
Набух на миг — мгновенно растворился.
Куда? Зачем? Молчат об этом языки.

* * *

Что явь, а что сон — нам понять не дано.
Где духа напиток, где просто вино...
Спокойно прими, что судьба посылает.
Когда-то посылку поймёшь всё равно.

* * *

Я Бога о добре всегда просил
И сторонился всех враждебных сил.
Под старость наконец-то разобрался,
Что рай и ад в самом себе носил.

* * *

Минареты не видны
Из греховной чайханы.
Не учи меня намазу,
Где советы не нужны.

* * *

Всё в мире возникло по воле Аллаха;
Всё Им превращается в горсточку праха.
Зачем же нам, тварям, дрожать пред
Творцом,
Подобно овечке от вечного страха.

* * *

Жизнь земная была для познания мне
тесной,
Изучал я загадки орбиты небесной.
Наконец до пределов Вселенной дошёл.
Что узнал? То, что мне ничего не известно.

* * *

Мне тайну приоткрыл однажды мой
Господь:
«Не Я мучитель душ, не Я терзаю плоть:
Сам человек в жаровню ада лезет,
К грехам не в силах тягу побороть».

Наполню вновь, как в юности, бокал.
Сегодня он горчить немного стал.
Я не ропщу, довольствуюсь минутой,
Что веселить хотя бы не устал.

В дворцах, где грозные цари вершили
суд,
Теперь деревья и кустарники растут.
Считает одинокая кукушка,
Когда другие перемены смертных ждут.

Коран в руке, в другой хмельная чаша, —
Такие мы, судьба такая наша.
Аллаха дети — нынче, завтра — слуги
чёрта.
Иначе говоря, бесформенная каша.

Жизнь нескладна моя, и дела не как
надо.
Всё брожу до поры по предбанникам ада.
Поскорее бы в баню отправил Аллах:
Там грехи бы отмыл и добился улады.

Если славен в миру, станешь общей
мишенью;
Если сделался свят, скажут — тайный
мошенник.
Стань безвестным для мира во всех
отношениях —
И нигде не найдёшь состоянья
блаженной.

Коль хочешь летописцем стать земным,
Прикинься дураком незрячим и немым.
Иначе не дадут тебе увидеть
Всех наших дел тщегу и безрассудный
дым.

Хоть мудреца богатство не прельстит,
Безденежье ему порою мстит.
Фиалка бедная сгибается в поклонах,
Но роза в роскоши цветы свои растит.

Кто сухарём насытить может рот,
Кто в сене для себя ночлег найдёт,
Кто вовсе не нуждается в прислуге, —
Тот идеал житейский обретёт.

Во всех религиях священники подряд
Нахваливают рай, поругивают ад.
Но знающие скрепы Мироздания
Об этих заведениях молчат.

Бог наградил любовью тварь свою
из праха.
Зачем же порицать творение Аллаха?
Он разуменье нам вложил добра и зла.
А мы за это всё дрожим пред Ним
от страха.

Меня не манят ни чины, ни страсть,
И в алчность общую себе не разрешаю
впасть.
Но иногда желаньям позволяю
К вину забвенья от забот припасть.

Лежит бедняк нетрезвый и в пыли.
Он равнодушен к царствам неба и земли,
А также к наставленьям шариата.
Спаси его, Аллах, и похвали.

Пока живой, не обнажай меча
На друга, на врага, на палача.
Покой души не знает исключений,
Не терпит ветра ни одна свеча.

Почему нас такими Творец сотворил,
я не знаю.
Может быть, чтобы зло не попутать
с добром.

* * *

Нам четыре жены разрешил милосердный
пророк,
Чтобы вдовы солдат не попали
в распутный порок.
Муж, увы, лишь с единственной счастлив
супругой.
С возрастаньем количества жён он сильней
одинок.

МЕХСЕТИ ГЯНДЖЕВИ (1089 — после 1160)

Персидская поэтесса Мехсети Мехсети Гянджевим характеризуется в энциклопедиях как «яркая представительница мусульманского Возрождения». Сведения о второй после Рабийи великой женщине ислама тоже весьма скудны. Но творческое наследие Мехсети более или менее достоверно. Оно дошло до нашего времени благодаря дастану (свитку) «Амир Ахмед и Мехсети». Сегодня опубликовано свыше двухсот рубайев поэтессы. Именно в этом качестве, как мастер поэтического слова, она приобрела большую популярность на Востоке, тогда как Рабийя прославилась, как первый мастер суфийской поэзии.

Творчество Мехсети — прежде всего любовная лирика, но в рубайях поэтессы звучат также идеи равноправия женщины, свободы, борьбы с несправедливостью (не в западном, феминистском звучании этого слова,

но в ключе суфийского свободомыслия, независимости от «церковного шариата»). У всех поэтов-суфиев, как известно, были очень непростые отношения с исламским духовенством, также с эмирами, шахами и султанами. Разногласия нередко заканчивались трагически. Были свои сложности в этом смысле и у Мехсети. Но в целом её внешняя жизнь прошла относительно успешно. Прожила поэтесса более семидесяти лет. Пользовалась большой прижизненной славой, а после смерти стала ещё более знаменитой, особенно в современном Азербайджане, на территории которого в Гяндже она родилась. В ту пору город входил в состав Сельджукского султаната.

О Мехсети написаны в советском и постсоветском Азербайджане — пьесы, оперы, ей поставлены памятники, функционирует музей Мехсети.

* * *

Гляжу вокруг — охватывает страх:
Повсюду нынешний или грядущий прах.
Земля летит могильным камнем в небе,
А тучи — парусами на ветрах.

* * *

Влюблённая в земное бытие,
Я так ждала любви, звала её.
И в поисках единственного друга
Нашла лишь одиночество своё.

* * *

Я суть любви пойму когда-то вряд ли.
На те же в жизни наступаю грабли:
Любовный кубок выпила до дна,
Но он любви не содержал ни капли.

* * *

И небо надо мною поседело,
И чувство в сердце тоже охладело.
Я так люблю в себе и в людях смех,
Что срок пришёл вину вмешаться в дело.

* * *

Пусть чанг звучит, молитва помолчит,
Вина кувшин над чашей зажурчит.
Кто знает цену скуке лицемерной,
Тот осуждением нас не огорчит.

* * *

В молитвах о минувшем толку нет.
Зачем тревожить прошлогодний след?
И если гаснет луч надежд последних,
Как может сердце выбраться на свет?

* * *

18

Я сделалась, как жухлая трава,
Меня не лечат добрые слова.
Засохшему в людской пустыне сердцу
Помочь уже не может голова.

* * *

Болотный хвощ не украшает сад,
Репейник розе не сосед, не брат.
Был юноша так нежен, так приветлив,
Но сделался угрюм и бородат.

* * *

Устала я встречаться и прощаться,
Надеяться, смеяться, возмущаться.
Ты обещал мне радости в Гяндже.
И вот мы здесь, но где же наше счастье?

* * *

Не утолил тебя ни уст моих родник,
Ни к ласкам Мехсити ты не привык.
Боюсь, моим целителем не станешь,
Потомственный суфийский духовник.

АХМАД ЯСАВИ (1103–1166)

Выдающийся суфийский поэт и святой тюркского происхождения Ходжа Ахмет Ясави родился на территории современного Казахстана в поселении Ясы (ныне город Туркестан). Точно известна лишь дата его смерти, о времени рождения исследователи спорят. Есть мнения, что Ясави прожил 67, 80, и даже более ста лет. Общепринятая дата его рождения основана на заявлении самого поэта, сделанном в поэтической автобиографии, где он говорит, что не должен жить больше пророка Мухаммада.

В конце жизни Ахмад Ясави ушёл в заточение, в подземный монастырь, и там сам себя замуровал в келье. Могила Ясави сразу же стала предметом поклонения, поскольку при жизни затворник заслужил славу необыкновенного святого человека, творившего чудеса и равного по способностям самому Мухаммаду. Согласно легенде, Ахмад Ясави всю жизнь находился в мистической связи с Пророком и с первыми халифами-шейхами, которые правили после него (см. ниже стихотворение «Исповедь»).

При жизни поэта образовался суфийский орден его имени — тарикат Ясавия.

Во время монгольского завоевания могила Ясави была разрушена, но спустя два века, по распоряжению Тамерлана, над местом захоронения святого был воздвигнут величественный мавзолей. Он сохранился до

нынешнего времени, служит местом паломничества тюркоязычных мусульман, по существу, как бы «второй Меккой».

При жизни Ходжа Ахмад Ясави пользовался огромной популярностью среди широких масс кыпчаков. Простым людям Степи были близки его идеалы дервишеского служения Богу, презрения к стяжательству, доброты и милосердия. Если сопоставить суфийскую практику и тип её святости с православным старчеством, то Ясави по своему образу жизни и взглядам очень близок к образу высококочтимого русского святого-нестяжателя Нила Сорского.

Приведу ещё один необычный факт. Ходжа Ахмад Ясави был первым поэтом, кто ввёл в чагатайский (староузбекский) язык суфийскую традицию. Книга поэта, которая называется «Хикметы», что означает «мудрые мысли», до сих пор популярна в мире ислама, а стихи из неё распеваются как религиозные гимны. Спустя десять веков, в XX столетии, в Турции родился человек, завершивший суфийскую традицию в этой стране; его у себя называли «турецким Пушкиным». Звали этого человека Назым Хикмет. «Назым» переводится с арабского, как «поэт».

ИЗ КНИГИ «ХИКМЕТЫ»

Живущему гордиться не годится;
Тружусь и днём, и ночью, словно раб.
Мои хикметы, притчи и хадисы
Для тех, кто, как и я, душою слаб.
Я думал про себя, что я пророк,

Что святость Ясави вне подозрений.
Кинжалом воли гордость я отсёк
И сделался травы земной смиренной.

ИСПОВЕДЬ

Ушедшие мне предки силу дали.
В два года ангелы заметили меня.
В три года шейхи первые признали,
Приветствовали, мальчика храня.
В четыре года сам пророк Мухаммад
Прислал мне финик, ввёл в духовный сан.
В семь лет обременённого грехами
Принял в ученики шейх Арыстан.
Аллаха прославляя, принимаю
Его заветы, тяготы, труды.
Тружусь для мира, Небесам внимаю
В часы покоя и в часы беды.
Когда Господь невзгодами гнетёт,
Я их встречаю как благой подарок.
Небесные жестокие удары
Лишь ускоряют к ангелам полёт.
Я слаб и злоязычен, и лукав,
Нетерпелив бываю к иноверцу.
Виню кого-то, если сам не прав,
И часто не прислушиваюсь к сердцу.
Напитка под названием «Любовь»
До дна не выпил сужденный мне кубок.
Мне жажда покаянья сушит губы,
И в день Суда пролью, конечно, кровь.
Прости Мне Боже, горестные игры.
Стал дервишем я на исхода дня.
Твержу свои ежеминутно зикры;
Лишь Ты спасёшь греховного меня.
От искусов ушёл я в подземелье.
Отныне здесь мой свет и отчий дом.
Молюсь, забыв утехи и веселье,
Хочу прощенье заслужить трудом.

ЗНАЙТЕ, ЛЮДИ

Щедрость прежняя покинула народ.
От султанов сам он милостей не ждёт.
Отвергается Божественный завет,

Родился поэт, по одной версии в Куме (Иран); по другой, наиболее вероятной, в Гяндже (Азербайджан). С псевдонимом «Низами» связано несколько символических для мусульманского мира смыслов.

Во-первых, прозвище поэта происходит от арабского «низам» — «стабильность, порядок». Согласно хроникам, Низами большую часть жизни безвыездно прожил в родной Гяндже, хотя некоторое время находился при дворе персидского шаха. Но утомлённый дворцовыми интригами поэт предпочёл, как он сам говорил, творческую свободу вдали от власти.

Во вторых, «суфийская стабильность» Низами проявилась в его творческих объединительных стремлениях, которыми пронизано всё творчество великого поэта. В своих поэмах он как бы срастил исламский Иран с авестийским, включив в своё творческое пространство многообразные религиозные мифы всей древней истории Ирана. Эту традицию Низами продолжили другие поэты-суфии.

Наконец, весьма знаменательно происхождение поэта. Его отцом был перс, мать принадлежала к княжескому роду курдов — загадочной народности, которая сегодня насчитывает не менее сорока миллионов человек, но до сей поры не имеет собственной государственности. В наши дни курды вышли на авансцену истории, по крайней мере, истории ближневосточной. Загадочность курдов состоит ещё в том, что их нынешняя религия — ислам легла, (как у персов

на зороастризм), на один из древнейших мировых культов — малоисследованную религию езидов, которую до арабского завоевания исповедовали курды. В заключение отметим, что Низами в своём творчестве выступает и как глубокий знаток истории, и как исповедник единства религий и культур.

Данная идея наиболее ярко представлена в поэме «Искендер наме», посвящённой Александру Македонскому. Эту поэму Низами считал своим главным сочинением. В европейской исторической науке древнегреческий полководец представлен как великий завоеватель, человек чрезмерных амбиций, необузданно жестокий, властный и т.д. У Низами он трактуется как величайший мудрец, ниспосланный Высшим Силами для единения культур Запада и Востока. Кроме Низами, Александру Македонскому как божественному герою, воздавали славу в стихах Фирдоуси, Джами, Навои и другие персидские поэты (феномен, загадочный для европейской науки!).

Звезда моя, звезда ночей и дней,
Ты светишь мне холодными ночами.
А днями тайной прелести твоей
Молюсь с полужакрытыми очами.
Был некогда тобой я ослеплён,
Остался с той поры твоею тенью.
Взамен же, что без памяти влюблён,
Обучен только горькою терпенью.
Всю жизнь живёшь ты от меня вдали.
Я этот мир ради тебя оставил.

Известен тем, что лишь одну Лейли
Воспел в своих газелях и прославил.
И если не увижу никогда
Ни в жизни сей, ни в той, что ждёт
за гробом —

Останусь навсегда, моя звезда,
Твоей луной у Солнца и холопом.
И будет сниться сон мне каждый миг
В любое время дня и ночью каждой:
Бреду пустыней, впереди родник,
Я мучаюсь одной и той же жаждой.

* * *

Улыбаясь, стрелы мечешь, попадаешь
без конца.
Разбиваешь безнадежно даже львиные
сердца.

И в меня стрелу метнула, не спуская
тетивы,
И снесла в одно мгновенье с Низами
полголовы.

Ты меня околдовала, твой один
случайный взгляд
Влил в доверчивую душу навсегда
смертельный яд.

Так в тебя я нежно верил, столько
мучился и ждал;
Ты же каменной душою разбиваешь мой
кристалл.

О лукавый виночерпий! Не вино познанья
шлешь;
От тебя я вместо истин принимаю только
ложь.

Чую: никуда не деться мне от гибельной
тропы.
Низами, ты ищешь розу; принимай её
шипы.

* * *

Являешь лик — и лунный свет не нужен.
Лучи очей твоих всех солнечных не хуже.
Сжигаю сердце на огне любви.
Но взгляд твой на меня, как прежде,
равнодушен.

Мечтаю о тебе, не ведая покоя.
Любовь моя течёт весеннею рекою.
Не хочешь на меня глядеть и говорить,
Поддай надежду бровью, сделай знак
рукою!

Назначив, не пришла ты снова
на свиданье.

Насмешка это, скука или испытанье?
Ты знаешь, для меня такое — как ожог.
Скажи, за что подобное страданье?
Во мне ты замутила чувства, душу, разум.
Тобю Низами на рабство препоясан.
За локон, за улыбку, за нежный взгляд

один
Он всё тебе отдаст бестрепетно и разом.

* * *

Влюблённый слеп. Но от любви
не спрячешь
Ходов таинственных, что недоступны
зрячим.

* * *

Потворствуй верным, крепких уз не рви,
Тем более, на тропах веры и любви.

* * *

Слово, рождённое пламенем сердца,
Может зажечь и свечу иноверца.

* * *

Будь верен дружбе, за ошибку друга
не суди.
Поможет, если сам споткнёшься на пути.

* * *

На слово доброе не будь излишне скуп,
Но слову скверному не дай сорваться с губ.

* * *

Если что-то блестит, будь вдвойне
осторожней:
Через реку не ходят по лунной дорожке.

* * *

Страсть иногда не вспыхнет, не застонет:
Кровь посетит, но сердце не затронет.

* * *

О, Виночерпий! Дай вина; судьба подарок
принесла:

Земля проснулась ото сна, в саду моём
цветёт весна.

Я бросил в том саду зерно, зерно надежд,
что ты верна.

И вот Тобой взросло оно, Тобою жизнь
озарена.

Душа томилась и ждала, смятеньем
мыслей сражена.

Но ты, любимая, пришла — и воцарилась
тишина.

Вошла в судьбу мою, как царь; судьба
отныне решена.

Кладу её на твой алтарь, душа тобою
лишь пьяна.

Нежней блаженства не найти, пьянее
в мире нет вина.

Моя дорога впереди теперь тобой озарена!
Всё достояние возьми, все мои песни,

письмена,
О дочь Творца, у Низами отныне ты
теперь одна!

Хвала Царю царей! Весна и сад, и ты,
и времена —

Везде рука Твоя видна; всему Ты —
крыша и стена.

* * *

Ранен я в сердце, в кровавых слезах.
Отчего же?

Стрелы оттуда летят в меня, душу
тревожа?

Ты в ней одна до сих пор; мы душою
едины,

Но избегаем друг друга — Какие причины?
Тает любовь твоя, чувство моё не мелеет;

Чаша любви не весах покачнулась сильнее.

Чую, что впал у тебя я сегодня в немилость.
Где я ошибся? И что между нами
случилось?

Сердце тобой утоляло сердечную жажду,
Но для него твой источник закрылся
однажды.

* * *

Мир покоя, покаянья, мир души
в моей крови

Ты соблазном сокрушила, разожгла
вином любви.

Назвала себя Зухрою, как угодно назови —
Солнце силу потеряло от лучей твоей

любви.
Пожалей меня, молю я, снисхождение яви,
Не кромсай моих желаний ожиданием

любви!

Подарила взгляд лукавый из-под
бархатной брови,

Не заставь же грудь томиться
нетерпением любви!

* * *

Лунолика и прекрасна ты, творение
Хотана!

Кипарис напоминает молодая прелесть
стана.

С золотым свеченьем солнца из рассветного
тумана

Я глаза твои сравнил бы; нет и тени в них
обмана.

Розой палевой могла бы ты украсить сад
султана,

Но Аллах послал поэту свой цветок
благоуханный.

О, сокровище природы, о, подарок
первозданный!

Наслаждаюсь и люблюсь я тобою
неустанно.

* * *

Аллах не любит горя и нужды,
Аллаху наши радости нужны.

* * *

Свой каждый используй для радости
миг;

Дано бытие нам для счастья и игр.
Уныние знает пределы свои.
Позволь пребывать ему в небытии.
Счастливого слушай, молчать не учи.
Тому, кто тоскует, тоску излечи.
Свой разум, как лодку, по морю крови
Веди неизменно к причалу любви.

* * *

Кто в пламени смело сгорел мотыльком,
Тот может и в жизни служить маяком.
В огне оболочку теряя свою,
Мы суть обретаем в житейском бою.

* * *

Если ты тоской охвачен или болен
и в постели,
Не ищи иных снадобий — почитай мои
газели.

* * *

Как солнце людям бескорыстно служит,
Так будь и ты всему живому нужен.

* * *

Порой мне кажется, Аллаху я приятен,
Луне подобен в небе, но без пятен.
Порой же думаю: так много нагрешил,
Что и сковороды у сатаны не заслужил.

* * *

Душе не разрешай поддаться на каприз,
Будь в правде стоек, словно кипарис.
В искусстве не цени искусного обмана,
В словах не допускай ни капельки тумана.
И ложь твою случайную простят,
Сочтут за незначительный пустяк.

* * *

Араб и перс стихи мои поют,
Но знатоки меня не признают.
Кого винить, что сердце, а не чурку,
Бог подарил талантливому тюрку?

* * *

Слово «смерть» по значению связано
с мерой,
Значит, в благо посмертное твердо уверуй.

* * *

Не вырастим ни новых рощ, ни истин,
Пока от старых сердце не очистим.

* * *

О, сонный бык, ты изнемог в борьбе!
Взываю я отчаянно к тебе.
Доколе будешь продолжать свой сон,
Не ведая, зачем ты сотворён?
Свеча погасла у тебя в груди,
Пути не освещает впереди.
В смятенье ум твой, торжествует ад,
Ты прекратил свой внутренний джихад.
О ком я говорю, о чьей скорблю судьбе?
Я обращаюсь к самому себе.

Аблет Камалов

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ УЙГУРОВ

Аблет Каюмович Камалов — ведущий казахстанский учёный, уйгуровед, китаевед, профессор, доктор исторических наук. Является автором монографии «Древние уйгуры. VIII—IX вв.» (Алматы, 2001), которая была переиздана на персидском языке в Тегеране в 2002 г., и более 150 научных статей по истории тюркских и ираноязычных народов танского Китая, уйгуров Китая и Центральной Азии, по вопросам уйгурской и китайской историографии и источниковедения. Длительное время он также изучал русские, американские и британские архивные документы о политике великих держав в Синьцзяне в 1940-е годы, на основе анализа которых и м готовится монографическое исследование. В интервью для Central Asian Analytical Network ведущий казахстанский уйгуровед Аблет Камалов рассказывает о том, как проходят современные международные уйгуроведческие дискуссии, как изучаются взаимоотношения уйгурского этноса с китайским государством в исторической перспективе и на современном этапе, о потенциале радикализации в Синьцзяне и «новой» внешней политике Китая.

— Уважаемый Аблет Каюмович, совсем недавно Вы вернулись из Парижа, где участвовали в ежегодной конференции по уйгурской проблематике. Можете рассказать об этой инициативе, об её предыстории, с какой целью она проводится, а также в

целом по формату и участникам данной международной конференции?

— Инициатива проведения международных конференций по уйгуроведению принадлежит Центру по изучению Центральной Азии при

Университете Джорджа Вашингтона, которым руководит Марлен Ларуэль. Первая такая конференция состоялась в 2014 г. в Вашингтоне. Вторая международная конференция по уйгуроведению организована этим исследовательским центром в сотрудничестве с учеными Бельгии и Франции.

Она была проведена последовательно в Брюсселе и Париже в ноябре 2015 г. Конференция называлась «Вторая ежегодная конференция по уйгуроведению: история, культура и общество». Формат конференции, не ограниченной узкими рамками конкретной тематики, но открытой для обсуждения широкого круга вопросов по истории, культуре и современному положению уйгуров, напоминает советскую традицию проведения регулярных всесоюзных уйгуроведческих конференций. Такие конференции проводились на базе Отдела, а затем Института уйгуроведения в Академии наук Казахской ССР в Алматы в 1986–1995 гг.

Основной целью нынешних международных уйгуроведческих конференций является возрождение больших научных форумов по уйгурской проблематике. Её организаторы видят необходимость установления некоего моста между двумя академическими пространствами: интенсивно развивающимся уйгуроведением (синьцзяноведением) в западных странах и российским уйгуроведением, которое было достаточно развитой отраслью востоковедения в прежние времена:

огромный вклад российской науки в изучение истории и культуры уйгуров — общеизвестный факт. Поэтому и в Первой, и во Второй уйгуроведческой конференции приняло участие очень много российских тюркологов и китаеведов, занимающихся уйгурской проблематикой. В конференциях принимали участие и ученые из нашего региона, прежде всего Казахстана, который был центром советского уйгуроведения. В методологическом плане центральноазиатские исследования по уйгуроведению очень близки к традициям российской научной школы.

— **Какие вопросы были в центре внимания конференции, прошедшей в этом году в Брюсселе и Париже? Расскажите поподробнее, какие секции прошли в этом году, какое было тематическое разделение, содержание докладов?**

— В этом году уйгуроведческая конференция была проведена не в одной, а сразу в двух странах — Бельгии и Франции, в которых были организованы последовательные заседания, по два дня в каждой из стран. В Брюсселе в течение двух дней заседаний на обсуждение были вынесены в основном современные вопросы уйгурского общества и китайской политики в отношении уйгуров. О тематике рассмотренных здесь вопросов можно судить по названиям секционных заседаний: «Синьцзян в контексте глобальной политики Китая», «Безопасность и социальные измене-

ния в Синьцзяне», «Социальная эволюция в Синьцзяне и среди диаспор», «Китайская школьная система и уйгурская реакция», «Уйгурский способ сопротивления и устойчивость», «Живая уйгурская культура», «Региональные акторы и международные ответы». Парижская часть конференции была посвящена вопросам истории и культуры уйгуров. В общей сложности, в двух городах были заслушаны 45 докладов ученых из США, России, Франции, Германии, Великобритании, Бельгии, Турции, Израиля, Австралии, Швеции, Гонконга. К сожалению, как и в прошлый раз, в этом году конференции прошли без участия ученых из КНР. Однако отрадно, что в международных уйгуроведческих форумах больше стали участвовать уйгурские ученые, живущие в западных странах, особенно молодые исследователи, работающие в разных областях социальной науки.

Российскую делегацию ученых уже второй год возглавил известный тюрколог Д.Васильев, заведующий Отделом Востока Института востоковедения РАН, председатель российской ассоциации востоковедов. Доклады российских ученых охватывали широкий круг вопросов истории и культуры уйгуров, например, уйгурское манихейство в Южной Сибири (Д.Васильев), политика Российской империи в отношении государства Якуб-бека (А.Васильев), китайские источники по истории Западного края суйского времени (Д.Дубровская),

роль уйгуров в монгольскую эпоху (А.Кадырбаев), политические процессы в Синьцзяне в 1940-е годы и роль Советского Союза в создании Восточно-Туркестанской Республики (В.Бармин, В.Бойко), сотрудничество России с Синьцзяном через Алтайскую республику (А.Бондаренко). Доклады сотрудников Института Дальнего Востока (Москва) были посвящены энергетическим ресурсам Синьцзяна (А.Островский) и проекту экономического пояса вдоль Шелкового пути (Е.Баженова).

Дискуссии на конференциях были очень интересными и плодотворными. Обмен мнениями между уйгуроведами разных стран будет, вне всякого сомнения, способствовать развитию этой отрасли востоковедения. Очень хочется надеяться, что одна из международных конференций по уйгуроведению в будущем будет проведена в Казахстане, учитывая роль нашей страны в развитии этой отрасли науки и наличию самой крупной уйгурской общины за пределами Синьцзян-Уйгурского автономного района.

— В целом, как, по Вашему мнению, в каком состоянии находится так называемый «уйгурский вопрос» на данном этапе? Вы уже на протяжении долгого времени занимаетесь этими вопросами, и какие Вы можете выделить этапы или периоды развития «уйгурского вопроса» в Китае?

— Уйгуроведческие конференции в США и Европе созываются для

обсуждения самого широкого круга вопросов истории и культуры уйгуров, основная часть которых живет в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. «Уйгурский вопрос» не является главной тематикой этих научных форумов. Но прежде чем обратиться к обсуждению «уйгурского вопроса», давайте уточним, что мы под ним понимаем.

«Уйгурский вопрос» или «уйгурская проблема» — на самом деле это общее понятие, объединяющее ряд вопросов, связанных со сложными взаимоотношениями уйгурского этноса с китайским государством, в составе которого он развивается в последние столетия. Это — этнический сепаратизм уйгуров, различные формы сопротивления уйгуров китайскому правлению, тактика выживания как самостоятельного этноса в доминирующей китайской среде. Сразу хочу сказать, что уйгурский вопрос не сводится только к этническому сепаратизму и сецессии, то есть стремлению создать независимое от Китая государство. Однако если абстрагируемся от социальных составляющих «уйгурской проблемы» и будем говорить только о ее политическом проявлении, то есть об уйгурском сепаратизме, то нужно отметить, что другой стороной «медали» является реализация права на самоопределение народа. В этом отношении «уйгурская проблема» является порождением современной эпохи национализма, господства национальной идеи, когда всеохватывающей и движущей идеей

современных обществ является идея нации. В какой бы форме эта идея ни существовала — этнической, гражданской или официальной (государственной).

Интересно, что формирование уйгурской национальной идеи, то есть, идеи о существовании единой уйгурской нации (миллет), берет начало в Российской империи на рубеже XX в. Тогда национальный дискурс проник в Русскую Центральную Азию, в том числе в среду семиреченских таранчей. То, что формирование уйгурской идентичности формировалось в русском Семиречье является очень важным для понимания уйгурской идентичности вообще: в культурном и языковом отношении уйгуры осознавали себя частью Центральной Азии и тюркского мира, и, развиваясь в последние столетия в составе китайского государства, они так и не осознали себя частью «единой китайской нации» (кит. чжунхуа миньцзу). «Двойственная» сущность этнической идентичности уйгуров — культурная близость к тюркским народам российской/советской Центральной Азии и развитие в условиях господства китайской культуры, стала названием одной из уйгуроведческих конференций, организованной в Лондонском университете в 2006 г.: она так и называлась «Уйгуры между Китаем и Центральной Азией».

Что касается основных этапов и периодов развития «уйгурской проблемы», сразу хочу обратить внима-

ние, что любая попытка выделять периоды в историческом прошлом носит условный характер. Тем не менее, попытаюсь выделить разные периоды в сложных взаимоотношениях уйгуров с китайскими властями. К первому периоду я отношу достаточно большой отрезок времени, когда Восточный Туркестан входил в состав маньчжурской империи Цин, то есть период со времени подчинения Джунгарии и Кашгарии Цинской империи в 1759 г. до Синьхайской революции 1911 г., свергнувшей Маньчжурскую империю Цин и провозгласившую Китай республикой. Имперский (цинский) период не был единообразным. С точки зрения политического развития он включает нескольких неоднозначных этапов, а именно:

1) время вхождения Восточного Туркестана в состав Цинской империи в качестве завоеванной территории, на которой наряду с цинскими имперскими структурами сохранялись традиционные местные институты власти, прежде всего, институт местных правителей бегов (1759–1864 гг.);

2) короткий период в конце XIX века (1864–1876 гг.), когда на территории Восточного Туркестана в результате свержения цинской власти были созданы самостоятельные мусульманские государства — Кашгарский эмират (государство Якуб-бека) на юге, Дунганское ханство в Джунгарии (поглощенного государством Якуб-бека) и Таранчинский султа-

нат в Илийском крае, завоеванный в 1871 г. Российской империей;

3) период с 1884 г., когда после реставрации цинской власти Синьцзян получил статус провинций Китая, до Синьхайской революции 1911 года.

Я объединил эти три неоднозначных времени в один период, чтобы показать имперский характер того времени, когда восстания и войны уйгуров и других народов с цинским господством еще не приобрели национального характера. В то время люди еще не мыслили себя в национальных категориях: более важным была для них религиозная принадлежность. Хотя этническая идентичность существовала, но этносы еще не осознавали себя нациями. В настоящее время существует нарратив о национально-освободительной борьбе местных народов Центральной Азии против Цинской и Российской империй, однако многочисленные выступления и восстания тогда не носили еще национального характера, хотя имели этническую окраску.

«Уйгурская проблема» в ее современном виде возникает только в XX в. с началом национального строительства в Китае. Кстати говоря, в Синьцзяне была внедрена советская модель национальной политики. Это произошло в 1930-х годах, когда советское влияние здесь достигло такого уровня, что некоторые западные наблюдатели называли Синьцзян «полуколонией» Советского Союза. Именно в 1930–1940-х

годах Синьцзян стал объектом «большой игры» мировых держав, под влиянием и при участии которых были созданы Восточно-туркестанские республики на юге провинции в 1932–1933 гг. и в трех северо-западных округах (Или, Алтае и Тарбагатае) в 1944–1949 гг. Особенностью этнического сепаратизма того времени было то, что уйгуры принимали участие в борьбе с китайским правлением вместе с другими народами. Иными словами, тогда уйгурский сепаратизм был частью восточно-туркестанского сепаратизма.

Наконец, в период Китайской Народной Республики (с 1949 г. по настоящее время) сепаратизм в Синьцзяне приобрел чистое уйгурское «лицо». Благодаря древней политике «разделяй и властвуй», китайским коммунистам удалось расколоть союз уйгуров с местными народами. Достаточно привести в пример отношения уйгуров с китайскими мусульманами (дунганями). В цинский и республиканский периоды уйгуры неоднократно объединялись с дунганями в борьбе против цинских и китайских властей, однако китайским коммунистам удалось добиться лояльности дунган благодаря диверсифицированной политике в отношении двух мусульманских народов. Например, жесткие меры контроля религиозной практики в Синьцзяне применяются исключительно к уйгурам, в то время, как дунганам предоставляется большая свобода. Кстати, известный американский ученый Дру Глэдни

иллюстрирует такое различие в отношении к уйгурам и дунганам пожизненным заключением в тюрьму уйгурского ученого Ильхама Тохти за критику экономической политики китайских властей в Синьцзяне, в то время, в аналогичной ситуации критика властей дунганским автором не вызвала жестких мер.

Развитие этноса может вписаться в любое политическое пространство, если будут учтены его культурная специфика и интересы. В КНР, к сожалению, уйгуры оказались за пределами бурного экономического развития страны. «Благами» индустриального развития Синьцзяна, которые зачастую преподносятся как заслуга китайского государства, неочтенная неблагодарными уйгурами, пользуются в основном ханьское население района. Тем самым, «уйгурская проблема» в Китае сейчас — это социальный конфликт, вызванный исключением уйгуров из процесса экономического развития, ставших, по определению Гарднера Бовингтона, «посторонними на своей земле» (strangers on their own lands). Все остальные факторы, усугубляющие «уйгурскую проблему», по-моему, являются второстепенными.

— Недавно вышла новая книга известного казахстанского сиолога К.Л.Сыроежкина. В ней автором анализируются проблемные вопросы, с которыми сталкивается Китай, осваивая так называемую «мятеж-

ную провинцию» — Синьцзян. Автор приводит ряд причин, из-за которых в Синьцзяне происходит эскалация конфликта, который, по мнению К.Л. Сыроежкина, перешел с уровня уйгурское население против официальных властей на уровень уйгуры автономного района против ханьского населения. Как на Ваш взгляд, развивается ситуация в Синьцзяне в последние годы?

— С интересом прочитал книгу К.Л. Сыроежкина «Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана». В ней очень много интересного материала и анализа, хотя немало и того, что уже неоднократно им публиковалось в более ранних своих работах. Я бы хотел остановиться на общей позиции К.Л. Сыроежкина в отношении «уйгурского вопроса», которая определяет весь ход его рассуждений и логику изложения фактов в этой книге. Эта позиция очень близка к интерпретации китайскими властями исторического прошлого и современного положения уйгуров Китая. Возможно, такая близость к китайскому правительственному взгляду на положение в районе объясняется исключительной зависимостью автора от китайских публикаций и источников. Конечно, знание китайского языка и доступ к китайским материалам улучшает качество любого китаеведческого исследования, но некритическое отношение к китайским источникам и незнание местных источников приводит к односторонним толкованиям.

Как историку, прежде всего, мне бросается в глаза несостоятельность исторических построений, на которых строится анализ конфликта в Синьцзяне. Говоря об активизации этнического конфликта в районе, К.Л. Сыроежкин видит первую и чуть ли не главную причину его в «мифе об автохтонности уйгуров в пределах современного Синьцзяна» и утверждении о господстве уйгуров в Западном крае, как он вслед за китайскими авторами называет Синьцзян, и существовании здесь в прошлом уйгурских государств.

Позиция К.Л. Сыроежкина относительно родины уйгуров заключается в том, что уйгуры не являются коренными жителями Синьцзяна. Такое заключение автора совпадает с позицией официальной китайской историографии, которая рассматривает современных уйгуров как пришельцев на территории Синьцзяна. Как известно, китайские историки и политики отождествляют современный уйгурский народ с древними кочевыми уйгурами, создавшими известный Уйгурский каганат в VIII–IX вв. во Внутренней Азии с центром в современной Монголии, и рассматривают перекочевку уйгуров в 840 г., после падения их государства, в восточные оазисы Восточного Туркестана (Синьцзяна) как точку отчета для появления уйгуров на этой территории. Поскольку следы ханьской культуры обнаруживаются здесь в более раннее время, делается вывод о том, что ханьцы заселили Синьцзян намного

раньше уйгуров. Отсюда следует вывод о том, что уйгуры являются такими же пришельцами в Синьцзяне, как и ханьцы, которые появились здесь намного раньше уйгуров. Соответственно, уйгуры не имеют никаких права на те земли, на которых они живут.

К.Л. Сыроежкин приходит примерно к такому же мнению в вопросе об автохтонности уйгуров Синьцзяна, только в результате иных рассуждений. Следуя линейной интерпретации истории, используемой китайцами, он ссылается на те же отношения между древними и современными уйгурами, но в отличие от китайских авторов, отрицает связь между ними, но напрашивающийся при этом вывод «если современные уйгуры не являются потомками пришлых уйгуров, значит, они являются потомками автохтонного населения района» успешно преодолевается рассуждениями о том, что древним автохтонным населением «Сиюя» являлись индоиранцы, но не уйгуры.

Лишая целый народ, насчитывающий более 10 миллионов человек, права на автохтонность на своей земле, К.Л. Сыроежкин, почему-то не задается вопросом «если они не автохтоны, то откуда они пришли?». В мире очень мало народов, которые тысячелетиями жили на одной и той же территории, не смешиваясь ни с кем. Вся история Центральной Азии — это история миграций и смешений разных народов. Восточный Туркестан также не исключение.

Более того, учеными доказано, что в древности и средневековье Восточный Туркестан и Средняя Азия составляли единую этно-культурную зону, на территории которой происходили одни и те же процессы, а современные границы созданы только в период существования российской и цинской империй. При этом в древности все население Центральной Азии было индоиранским, но это не мешает утверждать об автохтонности всех современных тюркских наций в пределах своих нынешних территорий. Если следовать научной логике, то современные уйгуры как этнос сформировались на территории Восточного Туркестана на основе смешения древнего индоиранского субстрата и тюркского компонента. При этом и те, и другие субстратные группы не были однородными. Тюркский компонент в основном был представлен древними уйгурами и карлуками, в то время как индоиранскую основу составляли тохары и хотано-саки. Такова, в самых общих чертах, схема происхождения современных уйгуров.

Даже не вдаваясь в другие противоречивые рассуждения К.Л. Сыроежкина об истории уйгуров и их исторической родине, становится очевидным, что тезис автора о том, что автохтонность уйгуров Восточного Туркестана — миф, является не научным, а политическим построением. Как политический нарратив, он лежит в одной плоскости с уйгурским националистическим нарративом,

также не имеющим ничего общего с наукой.

Другие причины эскалации этнического конфликта в Синьцзяне, приводимые К.Л. Сыроежкиным, кажутся более приемлемыми, хотя и небесспорными.

Что касается наблюдения К.Л. Сыроежкина о том, что конфликт в Синьцзяне перешел с уровня противостояния уйгурского населения официальным властям на уровень противостояния против ханьского населения района, то это совершенно естественный и вполне предсказуемый результат массового переселения ханьского населения территории СУАР. Если в 1949 г. ханьцы составляли 6 % населения провинции, то в 2013 г. — уже 38 %. С дальнейшим увеличением ханьского населения района и с ростом ханьского национализма вероятность кровавых межэтнических конфликтов в районе усиливается. Очевидно, что китайские власти будут использовать ханьское население и ханьский национализм в борьбе с любой формой сопротивления уйгуров и других этнических меньшинств.

— **Нельзя не признать тот факт, что в Синьцзяне наблюдается радикализация позиций определенных групп, которые в стремлении противодействовать политике центральных властей все чаще прибегают к тактике террора. Как на Ваш взгляд, с чем это связано? И в целом, как Вы оцениваете перспективы «уйгурской проблемы»?**

— Прежде чем говорить о радикализации позиций отдельных групп уйгурского населения в противостоянии политике китайских властей и переходе к тактике террора, хотел бы обратить внимание на то, что не существует единой общепринятой дефиниции «терроризма». Один из исследователей терроризма А.Шмидт насчитал около 250 определений этого термина. Тем не менее, большинство аналитиков и исследователей опираются на «рабочую» дефиницию терроризма, принятую Специальным Комитетом по мерам искоренения международного терроризма» (1996 г.). Это определение не является совершенным и подвергается критике некоторыми международными организациями. У китайских властей существует свое определение терроризма, сформулированное в специальной резолюции ВСНП, принятой в октябре 2011 г. Согласно этому определению, любое насилие, угрожающее общественной безопасности, относится к акту террора. Однако, если исходить из другого определения, гласящего, что террористический акт — это акт насилия против гражданского населения, имеющий политические цели, то акты насилия, направленные против представителей власти или их сторонников, перестают быть актом террора, а могут рассматриваться как форма вооруженного сопротивления властям.

Например, в Синьцзяне есть случаи убийства уйгурских имамов,

скомпрометировавших себя в глазах населения прокитайской позицией. Этот пример показывает, насколько несовершенной может быть методика исследования терроризма, если она построена не на научных, а политически окрашенных определениях. В декабре 2015 г. высший законодательный орган КНР принял новый антитеррористический закон, в котором дается настолько широкое определение терроризма, что есть очень большая вероятность его применения для борьбы с инакомыслием и религиозными меньшинствами. Согласно закону, планируется создание единого центра борьбы с терроризмом, будут созданы антитеррористические силы, усилится контроль над телекоммуникациями и интернет провайдерами, полиции предоставляется право незамедлительного применения оружия, военные могут быть использованы для антитеррористических действий за границей.

Теперь о радикализации и росте террористических актов в Синьцзяне. Радикализации позиций уйгуров способствуют разные факторы, как внутреннего, так и внешнего характера. Однако во многом она вызывается политикой самого государства. Давайте посмотрим на то, как развивалась этническая политика Китая. Первое десятилетие КНР, в 1949–1957 гг., этническая политика характеризовалась плюрализмом, и китайское правительство старалось учесть интересы этнических меньшинств. Эта

политика сменилась в 1957 г. на агрессивную политику ассимиляции в отношении неханьских народов, в результате чего отношение последних к ханьцам изрядно «подпортилось». После 1976 г., с приходом к власти Дэн Сяопина, перекосы в этнической политике времен «культурной революции» были пересмотрены в сторону большей либерализации, что отразилось на формулировках о правах национальных автономий в Конституции КНР от 1982 г. Согласно Конституции, права национальных меньшинств на автономию состояла из трех компонентов: политического права (глава администрации должен быть из числа главного этноса автономии), экономического права (управление местной экономикой и финансами), прав на применение языка, на образование и развитие культуры (право применения своего языка и сохранения обычаев и традиций). К сожалению, автономия этнических меньшинств в Китае существуют только на бумаге. Особенно это касается Синьцзян-Уйгурского автономного района, который поделен на большое количество автономий других этнических групп, живущих в районе, вплоть до автономии уезда. Расчленение Синьцзян-Уйгурского автономного района на множество более низкого уровня автономий имело целью противопоставить уйгурам другие этнические меньшинства района. В этом, надо признать, китайская политика достаточно преуспела.

Этническая политика Китая изменилась в 1990-х годах, особенно после распада Советского Союза, который очень сильно повлиял на самосознание уйгуров Синьцзяна. Противостояние уйгуров китайской политике привело к трагическому уйгуро-ханьскому столкновению в Урумчи в 2009 г. Одновременно в Синьцзяне фиксируется увеличение актов насилия, трактуемых как террористические акты. Исследователями установлено, что радикализация связана с недовольством в обществе, и чем выше уровень недовольства, тем выше возможность совершения террористических актов. Недовольство уйгурского общества китайским государством описано К.Л.Сыроежкиным, но это описание является неполным. Поэтому еще раз вернусь к тому, что не устраивает уйгуров в Китае:

— рост ханьского населения в районе, которое не только меняет культурное пространство, но и ограничивает пространство уйгуров;

— дискриминация уйгуров на трудовом рынке: предприятия берут на работу в основном ханьцев, причем не только из-за низкой квалификации уйгуров, но из-за националистических предпочтений;

— большое различие между уровнем жизни в городе и селе, которая приобретает национальный характер, учитывая, что ханьское население в основном городское, а уйгуры составляют в большинстве своем сельское население;

— ограничения религиозной практики (причем эти ограничения очень строго применяются именно в отношении уйгуров);

— ограничения в области культуры (ликвидация образования на уйгурском языке в высших учебных заведениях, введение так называемого двуязычного образования);

— экологические бедствия, вызываемые индустриализацией (недостаток воды);

— освобождение крупнейших государственных предприятий от уплаты налога местному правительству Синьцзяна, что означает выгодность их деятельности только для центра;

— преобладание ханьцев в государственных структурах.

Кроме этого достаточно большого перечня недовольств уйгуров китайской политикой, радикализации в уйгурском обществе способствует политика насилия, которую ведет само государство в отношении уйгуров, то есть государственный террор. Жесткие меры, принимаемые правительством в отношении уйгуров, дают противоположные результаты. По сравнению с 1990-ми годами чрезвычайно усилилась религиозность уйгурского общества Синьцзяна. Очевидно, чем больше ограничивается религиозная деятельность, тем больше религия охватывает умы людей. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов влияние на уйгурское общество событий, происходящих на международной арене и в мусульманском

мире, прежде всего в Афганистане и на Ближнем Востоке.

— Было бы интересно узнать Ваше мнение как специалиста по Китаю, о новых подходах во внешней политике Китая. Распространено мнение о том, что сегодняшние власти в Пекине уже существенно изменили принципы внешнеполитической стратегии КНР. Часть экспертов полагают, что это естественный процесс и Пекин меняется в соответствии с изменением своего статуса как глобальной державы. Другие специалисты склонны полагать, что пришедшие к власти новые лидеры придерживаются реформаторских идей и это отражается как во внутренней, так и во внешней политике Китая. С чем связаны такие трансформации, по Вашему мнению?

— Внешняя политика в значительной степени отражает внутреннее состояние государства. У Китая есть не только внутренние проблемы, о которых мы говорил выше, но и огромные успехи в экономическом развитии. Страна, впервые накормившая свой народ только в 1980-х годах, за сравнительно короткое время превратилась в ведущую экономику мира. Такое изменение статуса Китая в мировой экономике не могло не отразиться на его роли в системе международных отношений. Китай когда-то довольствовался положением лидера «третьего мира», а теперь он приобрел статус глобальной державы. Все это не могло не привести

к формированию «новой» внешней политики Китая. О новой внешней политике Китая с трибуны ООН летом 2015 г. заявил Председатель КНР Си Цзиньпин, обратив внимание, что она отражает «политику крупного государства с китайской спецификой». Си Цзиньпин призвал руководителей всех стран перейти к международным отношениям «нового типа», основанных на сотрудничестве и взаимной выгоде.

«Новая» внешняя политика Китая связана не только с приходом нового руководства в стране, но и с появлением новых очагов международной напряженности, и с такими событиями, как украинский кризис, аннексия Крыма, гражданская война в Украине, обострение отношений между Россией и Западом, наконец, война на Ближнем Востоке с участием ИГИЛ (ДАИШ). Не случайно, поэтому Си Цзиньпин призвал к соблюдению принципа равенства и суверенитета в международных отношениях и в то же время обосновал многополярную структуру мирового порядка (в отличие от российского Президента В.В. Путина, ратовавшего за биполярность). Он также поддержал необходимость усиления роли ООН в обеспечение мира. За этими отнюдь не новыми идеями стоит стремление Китая быть одним из ведущих акторов международных отношений.

Некоторые аналитики считают, что ценности, проповедуемые коммунистическим Китаем, очень

напоминают конфуцианское миропонимание. Иными словами, современный Китай является некоей неоконфуцианской страной, которая использует коммунистическую риторику, но под ней скрываются конфуцианские принципы. Думаю, примерно то же самое можно сказать и в отношении внешней политики современного Китая. Анализ основных векторов внешней политики Китая может создать представление о ее эклектичности. Китай поддерживает взаимовыгодные отношения со всеми международными игроками. Уже то, что в отношении российско-американского противостояния Китай занял довольно гибкую позицию, говорит о том, что Поднебесная не идет на поводу меняющейся ситуации в международных отношениях, а сама старается задавать ему тон, с учетом своих интересов.

При анализе роли Китая в современной системе международных отношений мне вспоминается практика принятия решений в императорском Китае, когда император (сын Неба) наиболее сложные вопросы взаимоотношений с соседними странами и народами представлял на рассмотрение придворных советников, зачастую выражавших противоположные точки зрения относительно политики Китая. А затем принимал очень взвешенное решение, служившее интересам страны. С древнейших времен в арсенале Китая были самые разнообразные способы разрешения той или иной ситуации, одна-

ко очень часто свои главные приоритеты китайские правители связывали с долгосрочными интересами Поднебесной. Такую тактику Китай использует и поныне: в отличие от внутренней политики, во внешней политике он является сторонником политики «мягкой силы».

Говоря о политике «мягкой силы», я хотел бы сделать небольшое отступление, сославшись на один факт внешне мягкой, но по сути жесткой реакции китайских властей на деятельность западных ученых, занимающихся Синьцзяном. Я имею в виду реакцию китайских властей на издание в США в 2004 г. коллективной монографии «Синьцзян: мусульманское приграничье Китая» (редактор: Фредерик Старр).

Эта книга была результатом исследовательского проекта, в котором участвовали ведущие американские синьцзяноведы (в авторском коллективе был также один израильтянин и один уйгурский мигрант из Синьцзяна). Несмотря на то, что позиция авторов книги об истории и современной ситуации в Синьцзяне была строго научной, и они старались не поддерживать ни китайскую, ни уйгурскую сторону при обсуждении той же «уйгурской проблемы», тем не менее, китайские власти восприняли публикацию очень враждебно, увидев в ней угрозу безопасности Китая. Однако удивляет реакция китайского правительства, которое очень мягко, без эмоций и без резких выпадов, «расправилось» с авторами

книги: все ученые, участвовавшие в написании книги, были объявлены персонами нон-грата, и им был запрещен въезд в Китай. В условиях западной научной и университетской жизни эта мера оказалась суровым приговором для авторов коллективной монографии, так как западные страноведы должны не только знать языки изучаемых стран и народов, но и регулярно посещать их и обновлять свои знания. В результате, перед самыми известными американскими экспертами по Синьцзяню двери в Китай оказались закрытыми. По крайней мере, один из ученых потерял работу в университете, а некоторым пришлось менять специализацию...

Вернусь к вопросу о новых подходах во внешней политике Китая. Еще раз хочу отметить, что едва ли их можно рассматривать как реформы. Скорее всего, речь идет об изменениях, вызванных с превращением Китая в мировую державу, а также современными вызовами в системе международных отношений.

— В продолжение темы об изменениях в политике Китая хотелось бы узнать Ваше мнение относительно открытия Китаем военно-морской базы в Джибути. Это первый военный объект КНР в Африке и в целом в мире. О чем это говорит? Не угрожает ли рост военной мощи и политического веса Пекина на мировой арене для стран Центральной Азии?

— В 2015 г. Китай впервые открыл военно-морскую базу в далекой восточно-африканской стране — Джибути. Это событие может оцениваться двояко. С одной стороны, не только мировые державы, но и некоторые региональные державы, например, Индия и Пакистан, уже имели свои военные базы за пределами своих территорий (хотя и в очень ограниченном виде). В той же Джибути имеются японский, пакистанский, итальянский, французский и американский военные объекты. По объяснению китайской стороны, военно-морская база Китая в Джибути призвана обезопасить морскую коммуникацию в акватории Индийского океана, в которой орудуют морские пираты. В этом отношении, открытие китайской базы является не столь значительным событием.

С другой стороны, реальные интересы Китая, а не декларированные, в столь удаленной от него части Африки, настолько ограничены, что открытие китайской военной базы в Джибути можно рассматривать как один из признаков превращения Китая в великую морскую державу, принимающего меры для обеспечения своих интересов за рубежом не только мирными путями, но и с использованием вооруженной силы. Это становится особенно очевидным в контексте только что объявленных изменений в вооруженных силах Китая: Китай реформирует вооруженные силы с целью профессионализации по американскому образцу.

Новые вооружённые силы Китая должны отвечать статусу мировой державы.

Рост военной мощи и политического веса Китая на мировой арене едва ли угрожает странам Центральной Азии. Вовлечённость могущественного Китая в «большую игру» в Центральной Азии, наоборот, способствует сохранению баланса между основными мировыми игроками. Угрозу для национальной безопасности стран Центральной Азии может создать обострение внутренних проблем

Китая, включая проблемы межэтнических и межконфессиональных отношений.

Однако внутренняя стабильность Китая может быть обеспечена не подавлением недовольства этнических и религиозных меньшинств, а предоставлением им равных прав с ханьцами, выравниванием их социального положения с ханьцами, предоставления гарантированных Конституцией свобод и отказом от политики преследования инакомыслия в стране.

Андрей Андреев

ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ МЕЧЕТЬ ПЕКИНА

40

По воспоминаниям старожилков, когда-то в Пекине лошади были обычным зрелищем, как и караваны верблюдов, идущих из степей Центральной Азии. Давным-давно вместе с лошадьми и верблюдами с Запада пришли солдаты и торговцы, неся с собой свою религию — ислам.

Отдельные мусульмане поселились в Пекине и других китайских городах ещё в конце VII века. Со временем к ним присоединялись единоверцы — татары, монголы, киргизы и уйгуры, а также местные обращённые хуэйцы, и на сегодняшний день мусульманская община столицы составляет более 200 тысяч человек.

Всё больше теснимые высотными строениями и многоуровневыми автострадами, старые кварталы города называются хутонгами. Слово произошло от монгольского «колодец», но со временем его смысл расширился, и теперь это собирательное название квартала, образованного узенькими улочками с жилыми до-

мами, образующими нечто похожее на колодец. Это группы низких серых скромных домиков, и их названия обычно говорят о происхождении первоначальных обитателей, например: Мусульманский городок, Западный городок, Монгольский городок и др.

На краю одного из хутонгов, в южной части города, стоит старейшая мечеть Пекина Нюцзе, что значит мечеть на Воловьей улице. В 1644 году, в начале правления династии Цин, Воловья улица уже была важным рынком халяльного мяса — говядины и баранины, получаемых от животных, заколотых по правилам шарията.

Принято считать, что мечеть была заложена в 996 году, и тот факт, что она сохранилась до настоящего времени, кажется почти чудом, учитывая все события, происходившие в Пекине за последнюю тысячу лет, особенно в прошлом веке.

На первый взгляд Нюцзе мало чем отличается от других пекинских улиц, пока не начинаешь замечать детали. Арка, стоящая на входе, что характерно для многих пекинских кварталов, на каждом конце имеет маленькие купола и надписи на арабском, помимо китайского. На магазинах тоже встречаются арабские надписи: «халяль», «здесь подают только халяль» или «мусульманский ресторан» (хуэ минь фань дянь). В книжной лавке продаются каллиграфические тексты, здесь же стоят кувшины с кисточками для письма, разложены канцелярские принадлежности.

Если входить в квартал по главной улице, где живет около 12 тысяч пекинских мусульман, атмосфера понемногу меняется. Старики ходят в меховых шапках и отороченных мехом жакетах. Они заправляют брюки в ботинки, чего другие китайцы никогда не делают. Можно встретить молодых женщин с покрывалом на голове, что тоже характерно только для китайских мусульман.

Если не владеть китайским, то возле мечети Нюцзе легко пройти мимо, даже не поняв, что это за здание с изогнутыми крышами и шестиугольной «башней для наблюдения

за луной» — типичными элементами традиционной китайской архитектуры. С исторической точки зрения это неудивительно, так как во всем исламском мире при строительстве мечетей всегда использовались местные архитектурные стили. Отчасти это объясняется привычкой местного населения к определенным технологиям строительства, а также тем фактом, что это позволяет избежать чуждого стиля, подчеркивающего обособленность данной религиозной группы.

Кроме того, имеет значение эстетическое единство города, которое не многие решаются нарушать. Правда и то, что раньше и теперь многие китайские мусульмане сильно ощущают свою китайскую идентичность и не видят причин ограничивать ислам — религию для всего человечества — рамками определенного архитектурного стиля, присущего одному региону.

Итак, со стороны мечеть Нюцзе — типичный образец лучших традиций китайской архитектуры с затейливыми карнизами и изразцами. Со стороны фасада под карнизами друг над другом висят две надписи золотыми иероглифами на синем фоне. Та, что повыше — название мечети, нижняя гласит «благой путь в рай». Ко входу ведет неприметная дорожка с правой стороны здания, где обычно сидит слепой, он указывает путь, отвечает на вопросы посетителей, за что ему принято давать милостыню.

С левой стороны открывается внутренний двор, тихий и безукоризненно чистый. Справа стоит «башня для наблюдения за луной» — она выше соседних крыш, и ее используют для наблюдения за луной в преддверии рамадана. По другую сторону открывается главный молитвенный зал, где в будние дни собираются на намаз мужчины старшего поколения. По площади Ньюцзе меньше, чем прекрасная «Великая восточная мечеть» в Сяне, столице династии Тан (ее площадь составляет 12 тысяч квадратных метров), тем не менее Ньюцзе тоже вполне вместительна и может принять несколько сот человек одновременно.

Интерьер мечети представляет собой смешение стилей, довольно гармоничное. Отделка — резьба и роспись. Михраб датируется XIV–XV вв., период династии Мин, на первый взгляд он выглядит абсолютно по-китайски, с цветами и завитками, но вглядевшись, мы видим, что это только фон для традиционных текстов, написанных шрифтом, явно сложившимся под воздействием местного письма.

Во дворе много деревьев, но большие ухоженные бонсаи в горшках — очевидная дань китайской традиции, как и каменные фонари. Большой красивый бронзовый сосуд с надписями иероглифами — подобные есть во многих индийских мечетях — в нем готовят еду по праздникам или для раздачи бедным.

По-китайски выглядят и небольшое строение с каменными таблич-

ками в честь основания мечети и нескольких ее реставраций, в частности, в 1442 и в 1692 году при императоре Канси. На одной табличке написано:

«Расскажите в провинциях страны, что правитель казнит любого, кто распространяет ложь о мусульманах, и принесите мне отчёт».

История гласит, что когда императорские сыщики принесли ему новость, что под видом собрания по случаю большого праздника мусульманская община планирует восстание, он самолично пошел в мечеть и, убедившись в том, что это наговор, сделал заявление, высеченное на табличке. К тому же мусульманские отряды на службе императора имели большое значение для обеспечения стабильности в стране, и, возможно, он не хотел вызвать их недовольство.

Минарет мечети Ньюцзе квадратный, невысокий, явно построен так, чтобы азан могли услышать мусульмане, живущие в непосредственной близости от мечети, не дальше. Естественно, мечеть выходит на кыблу, то есть смотрит на запад. На востоке расположен внутренний сад с кипарисом и усыпальницей основателя мечети, которым считается арабский ученый Насруддин, а также могилами двух шейхов из Центральной Азии и Персии, побывавших в Пекине в XIII веке, вероятно, прибывших сюда по Великому шелковому пути приблизительно в одно время с Марко Поло. Надписи на могилах высечены тем же необычным арабским шрифтом

китайского вида — тулут. К сожалению, даты стерлись от времени, по видимому, очень давно.

Мечети Ньюцзе и Дунсы — конечно, не единственные в Пекине. Говорят, что их всего 68, рассыпанных по всему городу. Правда и то, что в пекинских пригородах постороннему трудно увидеть мечети, но это только потому, что в большинстве случаев внешне они не отличаются от традиционных китайских зданий, а значит, посторонние просто не подозревают об их существовании. Также правда, что на арке на входе в каждую мечеть иероглифами написано: «Храм чистого и истинного учения». Это мандаринское обозначение мечети, но неосведомленный посетитель с первого взгляда даже не поймет, что перед ним мечеть.

Культурная революция имела тяжёлые последствия для всех религий в Китае, но незаметно, чтобы мечеть Ньюцзе сильно пострадала. Хотя это до сих пор открыто не обсуждается, в этот тревожный период общине с огромным трудом удалось сохранить свои святыни, пряча или закапывая их. В любом случае теперь мусульмане возобновили контакты с внешним миром. При мечети снова открылась библиотека, которая пополнилась книгами, пожертвованными Саудовской Аравией.

В 1997 году официально отмечался тысячелетний юбилей этого памятника архитектуры. В целом, в своё тысячелетие мечеть Ньюцзе выглядела счастливой, и мы желаем ей мира и всего наилучшего ещё на тысячу лет.

Иван Китаев

ИСЛАМ И БОЕВЫЕ ИСКУССТВА: ТРАДИЦИЯ ХУЭЙЦЕВ

Хотя благодаря образам, созданным Брюсом Ли, Джеки Чаном и Джетом Ли в западной культуре прочно укоренилось представление о китайских боевых искусствах, мало кто знает об их связи с исламом.

44

Ислам в Китае имеет давнюю историю. Связи между Китаем и арабами начали налаживаться уже через 19 лет после смерти Пророка Мухаммада (мир ему и благословение).

Самой многочисленной мусульманской национальностью в Китае являются хуэйцы (хуэй, хуэйцзу, представителей этого народа в соседних тюркоязычных Казахстане, Узбекистане и Киргизии называют дунганами).

Известно, что уже в XIII веке мусульмане занимали высокие посты в армии Поднебесной, и это послужило толчком к формированию уникальной связи ислама с боевыми искусствами.

Уникальное сочетание арабского с китайским породило идентич-

ность, которая заняла особое место в исконно китайской культуре и до сих пор пропитана исламской традицией, проявления которой можно наблюдать в разных уголках страны, особенно в северо-западной части. В местных мечетях нередко можно увидеть, как наряду с исламскими науками здесь преподают боевые искусства.

Боевые искусства не только отвечали практической потребности защищать торговые караваны, но для мусульманских мастеров они были и инструментом духовного роста, так как требовали выдержки и самоконтроля, которые ислам считает весьма похвальными качествами.

С другой стороны исламская концепция самоконтроля служила опо-

рой для бойцов на пути физического совершенствования, этого второго важного аспекта овладения боевыми искусствами. Ислам всегда поощрял спокойствие и уравновешенность при принятии решения.

Суть исламского термина иджти-хад (усердие) тоже невозможно правильно трактовать, не опираясь на понятие о самодисциплине.

Традиционно в последние несколько веков китайские мусульмане практикуют такие направления боевых искусств, как силат и ушу, и другие, в том числе оригинальные, стили, например чжа-цюань и пигуа-цюань. Секреты этих и других стилей, зачастую разработанных военными, передаются из поколения в поколение.

Историю отношений боевых искусств с исламом невозможно себе представить без конкретных имен. Прежде всего, это имена таких мастеров, как Ван Цзы Пин (1881–1973) и Чан Тун Шэн (1908–1986).

Мастер Ван Цзы Пин был искусен не только в ушу, но считался и знатоком религии. Есть легенда, что он

поднимал тяжелые камни, читая Коран. Также в памяти китайских мусульман осталась история о том, как в Циньчжоу он помешал немецким солдатам снять двери мечети. Мастер Ван не хотел, чтобы потревожили мусульманскую святыню, он вызвал солдат на поединок по поднятию тяжестей и победил.

В совершенстве владея различными видами боевых искусств, Ван Цзы Пин вдохновлял не только мусульман, но и немусульман. За свою жизнь он одолел немало бойцов, оставил о себе память в сердцах преданных учеников и послужил делу распространения ислама среди китайцев.

Ислам и боевые искусства объединяет то, что оба являются средствами достижения более высокой цели.

Ислам в Китае проделал путь до самых восточных областей континента, при этом практический характер боевых искусств всегда помогал мусульманам защищать свою религиозную традицию — так возник тандем уникальности китайской культуры и совершенства религии мусульман.

Наиль Исмаилов

КНИГА-ПАМЯТНИК КАЛЛИГРАФА КАВАМА ЗУЛЬФАКАРОВА О МАВЛИДЕ

46

Дореволюционная татарская литература была всецело пропитана идеями, философией и нравственностью ислама. Вполне закономерно, что образ великого пророка Мухаммада широко отражен в многочисленных поэтических и прозаических произведениях. В них подробно описаны жизнь Пророка от самого рождения до смерти, его роль в распространении ислама, истории его сражений, сподвижники и все, что было с ним связано.

Кроме того, довольно широко были распространены и другие разножанровые произведения меньшего объема, описывающие отдельные крупные события его жизни, такие как, например, его джихад (борьба за установление религии), мирадж (вознесение на небо) и различные чудеса.

Наиболее распространенными в рукописных вариантах, а с середины XIX в. и в печатном виде, были сочинения, посвященные рождению Пророка (мир ему и благословение Аллаха) — «Мавлиду-н-наби». В этих книгах были переводы с арабского, персидского и турецкого языков, а

также собственные оригинальные произведения на татарском языке.

Среди них стоит выделить произведение турецкого автора Сулеймана аль-Барсуи «Мавлиду-н-наби», написанное еще в начале XV в. и состоящее из 45–47 страниц. Позже оно было переведено на татарский язык и, начиная с 1851 года и до начала XX в., было издано десятки раз многочисленными тиражами. Хотя книга и называлась «Мавлиду-н-наби», наряду с историей рождения Пророка в ней также были описаны и другие события из его жизни, связанные с началом пророчества, чудесами, ко-

торые он творил, а также мирадж и кончина Пророка.

Однако совершенно особый интерес для нас представляет литографическое издание Кавама Зульфакарова, составленное и написанное собственноручно самим автором. Эта книга, изданная в 1910 году и состоящая из 64 страниц, посвящена рождению Пророка (мир ему и благословение Аллаха) и самому празднику Мавлид. Она отличается художественным оформлением и неповторимым внешним видом. Особенно привлекает внимание и даже удивляет вариант этой книги, отпечатанный «золотыми» буквами и черным орнаментом.

Кавам кари (то есть читающий Коран наизусть) Зульфакаров (1870–1921) родился в селе Тогелбай нынешнего Алкеевского района Республики Татарстан. Он — каллиграф, переписчик книг и один из первых фотографов (!) среди татар. После окончания медресе «Мухаммадия» в Казани остался жить в городе. Обладал разносторонними талантами: рисовал шамаили (религиозные картины) и занимался художественным оформлением шаджаре (родословных древ, рисованных генеалогических таблиц в виде дерева). Также он известен и как составитель «Самоучителя по каллиграфии».

В книгу Зульфакарова «Мавлид-н-наби» включены прозаические и поэтические произведения различных авторов. Она открывается вступительной статьей имама-хатыба

Пятой Соборной мечети, редактора журнала «Ад-дин ва-ль-адаб» («Религия и нравственность») (1906–1917 гг.) и ректора медресе «Мухаммадия» Галимджана Мухамеджановича Баруди. В конце статьи Кавам кари указывает автора и дает ссылку на источник — журнал «Ад-дин ва аль-адаб».

Далее следует глава, где описывается облик пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха), а также его личностные качества. Продолжением служит глава (10–12 с.) с упоминанием родословной и перечислением ее членов. В отличие от предыдущей главы, она написана в стихотворной форме.

Потом автор приводит рассказ, также в поэтической форме, о молодом человеке, который устроил праздник с помощью одного флорина (денежная единица, золотая монета), доставшегося ему по наследству — в честь дня рождения Пророка (мир ему и благословение Аллаха), празднование которого он увидел во сне (12–17 с.).

Продолжая, автор поместил стихотворение некоего турецкого поэта из Стамбула, переведенное на татарский язык, в нем звучит приглашение к празднику дня рождения Пророка (мир ему и благословение Аллаха) (17–19 с.).

Далее следует ода, начинающаяся с «Бисмилла» и прославляющая существование, восхваляющая Величие и Единство Всевышнего.

Повествование продолжается упоминанием первых пророков и того

света, который был присущ им по воле Аллаха, а также об отражении этого света в пророке Мухаммаде (мир ему и благословение Аллаха). Далее следуют описания матери Мухаммада Амины, самого рождения Пророка, описание странных событий и чудес, сопровождавших его рождение. В конце стихотворения рекомендуется встать и произнести приветственную речь «Мархаба!» («Да здравствует!») по случаю рождения Посланника Аллаха. Далее описывается состояние матери Пророка Амины после родов, чудеса, сотворенные грудным младенцем, а также знаменательные события, происходившие у других народов в это время.

Потом приводится молитва, читающаяся после прочтения касыды «Мавлиду-н-наби» (39–43 с.). После молитвы приведено стихотворение на арабском языке, в котором говорится о чудесах Пророка (мир ему и благословение Аллаха).

Стихотворение продолжается произведением «Вайс аль-Карани», переведенным с арабского языка и читающимся специальным напевом (46–49 с.).

Далее следует лирическое стихотворение, посвященное пророку Мухаммаду (мир ему и благословение Аллаха), пропитанное глубоким уважением к нему и любовью. Автор произведения не указан.

Затем идет следующее, достаточное по объему поэтическое сочинение, призывающее к мусульманской нравственности — оно так и называ-

ется «Нравственность». (Известно о существовании экземпляра этого стихотворения в форме шамаила, написанного К. Зульфакаровым).

Для привлечения внимания читателя, пробуждения его волнения и интереса в конце книги автор приводит произведение с драматическим сюжетом «Кугарчен дастаны» («Поэма о голубе»). Читатель вновь убеждается в великодушии Пророка (мир ему и благословение Аллаха), крепости его духа и умения стоять на своем слове.

Книга завершается коротким стихотворным произведением «Нигъмату-н-Набийу-л-Карим» («Дары щедрого Пророка»). В самом конце автор указывает свое имя.

Как видно из вышесказанного, Кавам Зульфакаров в этой книге акцентирует внимание на одном важном событии — самом рождении и праздновании дня рождения пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха). Итак, книга, вобрав стихотворные произведения различных размеров с разнообразием рифм и переплетенная с прозаическими комментариями и рекомендациями, является своего рода пособием для празднования дня рождения Пророка (мир ему и благословение Аллаха).

Уникальность и привлекательность ей добавляют взятые для оформления изысканные стили каллиграфического письма — в основном это «наш» и «суль». Яркость и оригинальность всего издания во многом зависят именно от этого.

Сергей Маркус

ГАДЖИ ТАГИЕВ — ОТЕЦ НАЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНА, ПРИМЕР ДЛЯ ВСЕГО МИРА

Не правда ли, какие-то глубинные чувства вызывает сам образ Баку как «города нефти и огня»? Отсюда пошла современная «эра нефти» и здесь с древнейших времён почитали святыню той силы, что кипит внутри недр и согревает нас с небес. Да, здесь особая энергия. И особые люди.

Один из самых великих — причём, для всего мира — это человек, заслуги которого справочники сухо перечисляют вот так: Гаджи Зейналабдин Тагиев (1838 или 1821–1924 гг.) — выдающийся деятель Азербайджана, один из основоположников нефтяной промышленности страны, меценат, благотворитель, оказавший большое влияние на подготовку национальных кадров, помогал становлению и развитию образования, искусства и журналистики. Не правда ли — впечатляет? А ещё он был одним из самых известных и уважаемых нефтяных магнатов всего мусульманского

мира. Более того — его заслуги получили, как мы сказали бы сегодня, межконфессиональное признание — ибо исламское, русское, армянское и еврейское благотворительные общества дружно избрали именно его почётным председателем.

Поразительно, но сумел не только выжить в годы революционных обновлений после 1917 года, но заслужил почёт даже у новых властей жизни. Вот как большевистская газета «Бакинский рабочий» дала объявление о его смерти в 1924 году: «Кончина З.А. Тагиева. 1 сентября скончался в Мардакянах от воспали-

ния лёгких на 105 году жизни Зейнал Абдин Тагиев. Покойный был известен как один из крупных промышленников и финансистов и большой филантроп». После установления советской власти в Азербайджане, почтенному старцу, казалось бы, могла бы грозить или гибель или изгнание, но нет — ему предложили самому выбрать любое место, где бы он хотел жить. И он остановился на любимом своём доме в Мардакянах, где и прожил остаток дней.

Чем же заслужил он такой почёт — даже от людей, столь яростно изменивших ход мировой истории? Что за силу он нёс в себе? С 10 лет отец пристроил его учеником к одному из бакинских каменщиков — таскать кадки с раствором. С 12 лет он уже obtёсывает камни, а с 15 лет работает каменщиком. Вскоре становится строителем-подрядчиком. А Баку на глазах превращался в «нефтяное эльдорадо»... одних тут ждало разорение, других — огромные прибыли... В 1873 году Зейналабдин с двумя компаньонами арендовал землю в Биби-Эйбате, бурил скважины. Расходы росли день ото дня, а нефть не показывалась. Потеряв надежду, компаньоны продали свой пай. Гаджи стал единоличным владельцем земли...

Наконец, на одной из четырёх скважин забил фонтан. Сын бедного башмачника Таги, палчигчи-Зейналабдин, стал «миллионером Тагиевым». Сказочная история! Но, пожалуй, с этого началась не только

личная удача, но и общественное призвание, даже лучше сказать — служение. Главное, как всегда гооврили мудрецы Востока — в сердце человека, в его нияте. Разбогатев, он сразу же провёл шоссейную дорогу из города до своего промысла в Биби-Эйбате, а затем удлинил её до Биби-Эйбатской мечети.

С 1895 года за три года выстроил в центре Баку большой дворец. Архитектор Гославский использовал при строительстве европейский стиль «ордер», хотя некоторые элементы композиции, интерьеры залов навеяны традициями азербайджанского зодчества. Ныне здесь — что символично! — музей истории Азербайджана, одно из красивейших зданий Баку. Тогда на каждом из четырёх углов и у главного входа горел огромный газовый фонарь, заливая весь квартал ярким светом.

Каково же стало хозяйство, во что были вложены средства от нефти? Он был нефтепромышленником, владельцем мельницы, фабрикантом, крупным рыбопромышленником (почти все рыбные промыслы в окрестностях Куры и Каспия), торговцем и хозяином грузовых судов, владельцем больших лесов в Кубе, Евлахе, Атлыхане. В живописных окрестностях Энзели и Решта густые леса также принадлежали Гаджи Зейналабдину, и здесь он отстроил красивое имение, имел деловую контору. Подобные же представительства устроил во многих городах. В Иране ему принадлежало несколько караван-

сараев, да и в Москве построил четырёхэтажный дворец. Но если вы думаете, что список окончен — глубоко заблуждаетесь. Энергии бакинца хватало ещё на многие проекты!

Наступил 20 век — и он занялся и ткацким производством, построил крупнейшую в России фабрику по выработке ткани, основал «Хазарское общество мануфактуры». Для ведения торговых операций совместно с другими местными предпринимателями основал в 1914 году Бакинский коммерческий банк и был избран председателем правления этого банка. От азербайджанского берега Каспия до берегов Дагестана, Дербента и Порт-Петровска (ныне это Махачкала) на протяжении 300 километров раскинулись его рыбные промыслы. Здесь, в основном, занимались ловом сельди. А на куринских рыбных промыслах брали лосося, осетра, белугу, севрюгу... В Банке Тагиев содержал завод по производству икры. Вся продукция отправлялась в Россию и Европу. Рыбные промысла на берегу Куры Тагиев арендовал у государства. Целая финансово-промышленная империя... Фантастика!

Но ещё более удивительно и в духовном плане похвально то, что немало средств Тагиев тратил на благотворительные дела: посылал талантливых молодёжь учиться в Москву и Казань, Петербург и в европейские университеты, строил здания для школ, оказывал материальную помощь и поддержку интеллигентам. Когда руководители наших госу-

дарств говорят сейчас о «социальной ответственности бизнеса» — вот с кого надо брать пример!

А вот ещё плоды его трудов и заботы, оставшиеся на века, известные всем азербайджанцам. В 1883 году он построил на свои средства здание Драматического театра. В 1893 значительно его расширил. В 1909 году реакционеры его подожгли... но Тагиев отстроил его заново. А в 1910 праздновалось тридцатилетие первой театральной постановки в Баку. В связи с этим Узеир Гаджибеков сочинил даже Торжественный марш. Когда Гаджи появился в театре, оркестр заиграл марш, артисты с уважением расступились, а весь зал, стоя, аплодировал щедрому меценату. Разве можно представить себе развитие азербайджанского театра без него! Помогал он и служителям пера: «Надир-шах афшар» Наримана Нариманова, как и сочинения Солтана Меджида Ганизаде были опубликованы благодаря ему.

А вот знаковая история с величиной мирового уровня, химиком Д. И. Менделеевым. Когда тот приехал в Баку, Гаджи устроил торжественный обед в своём доме. Потом уже в кабинете Тагиева, на столе, стояло памятное фото Менделеева с автографом. А в словаре Брокгауза и Эфрона, который считался в то время самой обстоятельной энциклопедией Европы того времени, Менделеев в разделе «Нефть» посвятил ему тёплые строки, отметив заслуги в развитии бакинской нефтяной промышлен-

ности. Крупнейшим проектом века был и нефтепровод «Баку-Батуми» на 800 километров, через который бакинская нефть открыла широкую дорогу на международные нефтяные рынки... бизнес выходил подлинно на мировую арену.

Но — не будем забывать! — постоянно велась и работа на благо общества. Оба процесса шли рука об руку. В 1901 году Тагиев открыл первую в Баку женскую школу. Она находилась на Николаевской улице, а сейчас здесь размещается Институт рукописей Академии наук Азербайджана. Но и на этом не остановился нефтяник-меценат — его энергия вызвала ряд важнейших прорывов за пределами Азербайджана. Немалы его заслуги перед Российской империей: он способствовал развитию просвещения и культуры, претворению в жизнь многих полезных начинаний. Поэтому по высочайшему Указу ему было присвоено звание Действительного статского советника, которое равнялось званию генерала, контр-адмирала и обер-прокурора, и давало большие полномочия.

Но человек, достигший таких высот и в бизнесе, и в социальном служении, обладал также богатым внутренним миром. Вот, к примеру, был у него старинный топор, который служил ему верой и правдой ещё в бедной юности, в бытность его каменщиком-строителем. Он специально подвесил его на внутренней стене одного из двух огромных сейфов, напротив двери, чтобы всякий раз, открывая

её, вспоминать о превратностях судьбы и никогда не кичиться нажитым богатством...

А похоронить себя завещал у ног известного бакинского ахунда Моллы Абутураба. Понять внутренний мир Тагиева можно, взглядываясь в облик его духовного наставника. Мирза Ахунд окончил высшую духовную школу в Багдаде, в совершенстве владел арабским, фарси, тюрки и русским языками. Он выступал с многочисленными статьями в азербайджанской прессе, был автором книг по истории и философии религии, в частности, такого известного в мусульманском мире исследования, как «Причины раскола ислама», где подверг резкой критике разделение верующих на суннитов и шиитов. Он был поборником просвещения и приветствовал любые прогрессивные начинания в этой области. По его инициативе в родном селении Амираджанах была открыта первая женская моллахана, а также первая русско-татарская светская школа, где он сам преподавал математику, географию, естественные науки. Гаджи Зейнабдин очень уважал Ахунда Абутураба, прислушивался к его советам и наставлениям. А про его завещание ходят несколько легенд. Вот одна из них:

«Тагиев сам рассказывал, что ехал как-то в роскошной карете на свою дачу в Мардакяны. Настроение, мол, у меня самое было весёлое, дела ведь шли преотлично. Вдруг вижу из окна: едет Ахунд Абутураба-ага в своём

стареньком фаэтоне. Я остановил карету, приказал извозчику пригласить Ахунда пересесть в мой экипаж. Едем мы с ним и мирно беседуем о том о сём. Я тут и спрашиваю: «Ага, как ты думаешь, богатство может выскользнуть у меня из рук?». Абутураб-ага отвечает: «Гаджи, ты ездил в самую Мекку, совершил паломничество, Хадж; тебе небезызвестны превратности судьбы. Если Аллах пожелает, Он в мгновение ока лишит тебя всего состояния. Так что больше думай о вечном...». Когда в двадцатые годы, после национализации моих фабрик, промыслов и дворцов, я переехал на постоянное местожительство в свою мардакянскую дачу, я вспомнил о словах незабвенного Абутураб-аги и понял: то, что знал его мизинец, не знает и моя голова. Потому я и завещаю похоронить меня у его ног!».

Да — вот каков был внутренний дух, какое смирение пред Создателем у человека, несметные богатства которого, казалось бы, могли бы лишит его здравого рассудка. Не секрет ведь, что нувориши (те, кто внезапно выбился «из грязи да в князи») не способны справиться с многочисленными искушениями, которые приносит земное богатство... Примерами такими полна мировая литература, да и за новейшими примерами далеко ходить не надо — они вокруг нас. О чистоте помыслов и правильном расходовании материальных средств неустанно говорит Коран, передавая из века в век высшую мудрость.

Итак, советская власть лишила миллионера нажитых им огромных сокровищ. Но из уважения к той огромной работе, к тому вкладу в развитие промышленности, в просвещение, в искусства, которые он сделал — по сути — для всего народа Азербайджана, ему предоставили возможность спокойной старости. Гаджи в Мардакянах тихо прожил остаток земных дней... А потом уже на месте захоронения Ахунда Абутураба, возле которого пожелал упокоения Тагиев, Муртуз Мухтаров воздвиг прекрасный мавзолей. Однако, увы, пришли ещё более жёсткие времена, и люди оказались беспамятны... могила великого азербайджанца, столь много сделавшего и для своего народа, и для всей России в 20 веке, могила Тагиева была разрушена, а мавзолей пришёл в запустение.

А ведь, несмотря на смены политических эпох и идеологий, нельзя не признать, что фундамент благополучия и успешного развития Республики Азербайджан — и это особо хорошо видно с позиций нашего дня! — заложил неутомимый труженик, щедрый меценат, добрый мусульманин Гаджи Зейналабдин Тагиев. И недаром многие считают его «отцом азербайджанской экономики». Ведь были у него не только заслуги до революции — в 1918 году он направил Нариману Нариманову план восстановления экономики в Азербайджане, который позже был принят новой властью на вооружение. А в конце XIX — начале XX века его денеж-

ные вложения в развитие экономики Азербайджана действительно были весьма значительны. Это бакинские судовой верфи, нефтяные заводы, первая конно-железная дорога, пожарное депо, бакинский водопровод, первые банки-синдикаты, первый хлопчатобумажный комбинат, школы, медресе, мечети (в том числе и на территории России!), больницы, театры открывались и развивались с подачи и на деньги одного человека... Честь ему за это и хвала! И наша благодарная сыновья память. Гордость за Азербайджан.

...Но вот на этом история Тагиева не кончается — его потомки живы и проявляют порой такие таланты, что уместно сказать: нет, кровь Тагиева не остыла, она пульсирует и творит! Его потомки продолжают его дух и дела. Вот лишь некоторые примеры. Праправнучка Инесса Керимова завоевала в Римини (Италия) главный приз на конкурсе стоматологов. Она руководитель частной стоматологической клиники Dental salon в Баку, правнучка Сары-ханум, мужественной дочери Гаджи Тагиева. Родилась в Ашхабаде, куда её бабушку Сафию-ханум (дочку Сары-ханум) выслали из Баку в начале 1940-х лишь за то, что она была дочерью капиталиста Зейналбека Селимханова. Никакого другого «криминала» преследователи «врагов народа» ни придумать, ни выискать не смогли.

Унаследовав от великого прапрадеда любовь к знаниям и трудолюбие, Инесса успешно прошла обучение на

стоматологическом факультете Туркменского мединститута и с 1990 работала в поликлинике Ашхабада. Вскоре создала семью и единственного сына с благословения Сафии-ханум назвала Зейналом. А уже когда Сафия-ханум, получив реабилитацию в 1989, смогла вернуться на историческую родину, за ней потянулись дети и внуки.

В 1996 на землю предков впервые ступила и Инесса. Первоначально устроилась работать в хозрасчётную поликлинику, а потом открыла свою стоматологическую мини-клинику. На стене приёмной повесила фотопортрет знаменитого прапрадеда.

— Я счастлива, — признаётся Инесса, — что слово «Азербайджан» достойно прозвучало на столь представительной конференции «Ультрадент» в Италии. Буду надеяться, что это не в последний раз. На конкурсе «Техника и качество пломбирования зубов», проводимом в рамках конференции, необходимо было продемонстрировать знания, способности, качество работы. Мне удалось применить свои знания и показать практические навыки.

Но так легко вспоминать все эти истории в наши дни. Однако, в советские времена всё было иначе. Эстафета памяти была подлинным подвигом. Так, главным делом своей жизни Сара Тагиева считала возрождение доброго имени отца. Она понимала, что пройдут забвение и отчуждение и сначала пусть близкие, а потом и все в Азербайджане будут знать Тагиева

как «эль атасы» — «отца нации». Она стучалась во все двери, обходила редакции и комитеты не для того, чтобы пожаловаться, что у её семьи отняли всё — знаменитый тагиевский дворец, поместье в Мардакане, нефтепромыслы, автомобили, драгоценности, столовое серебро — её приданое... Она не роптала и на то, что её мать — красавица Сона-ханым, дочь генерала царской армии, также с молодости занимающаяся благотворительностью, так несправедливо закончила жизнь, умерев от голода прямо на улице — на Торговой, а младший брат Мамедгияс, сломленный последовавшими одна за другой трагедиями, скончался в психиатрической больнице. Сару-ханым заботило только одно — защита доброго имени своего отца.

Младшая дочь Гаджи родилась 20 мая 1899 года. Получила европейское

образование: помимо родного языка, в совершенстве владела немецким, французским и русским языками, прекрасно играла на рояле, декламировала стихи. А Корану её, как и других детей, по требованию отца обучал молла из Ичери-Шэхэр. Рассказать о ней отдельно — тоже получилась бы целая повесть. Но главное всё же не в деталях. Главное, что «эль атасы» относительно имени Гаджи Тагиева это не только красивая метафора. Это его суть, он — подлинный отец нации. И Азербайджану с таким наследием есть чем гордиться и что показать всему человечеству!

...А мемориал Пир-Хасан в Мардакане, где покоится прах семейства Тагиевых — пусть станет местом нашей вечной памяти об этих великих людях...

Абдульазиз Давлетчин

КУЛЬТУРА ПРИВЕТСТВИЯ В ИСЛАМЕ

ءَيْشِلْكَ لِي لَعْنَاكَ هَلَلَا نِيَاهُ دُرُّ وَأَاهُنْمَنْ سَحَابٌ أَوْيَحْفَ ةَيَحْتَبِ مُتَيُّحِ اذْإَوْ
أَبِي سَح

56

Когда вас приветствуют, отвечайте ещё лучшим приветствием или тем же самым. Воистину, Аллах подсчитывает всякую вещь (сура ан-Ниса, 86 аят).

В этом аяте Священного Корана Всевышний Аллах рассказал о приветствии и ответе на него. В до исламскую эпоху арабы приветствовали друг друга такими словами как «да продлит жизнь твою Аллах» или же «да обогатит тебя Аллах». Ислам же научил людей приветствовать друг друга словами «ас салямю ‘аляйкум». Смысл этих слов таков: «да сохранит тебя Аллах от всех бедствий и несчастий».

Ибн ‘Араби (рахматуллахи ‘аляйхи) в своей книге «Ахкамуль-Коран» говорит: слово «Салям» одно из пре-

красных наречий Аллаха, «ас салямю ‘аляйкум» означает — «Аллах твой защитник (попечитель)».

Приветствовать по исламу лучше

Каждая традиционная конфессия учит приветствию между собой. Оно состоит из выражений любви и уважения.

Ибн ‘Араби (рахматуллахи ‘аляйхи) своей книге «Ахкамуль-Коран» приводя слова Ибн ‘Айни (рахматуллахи ‘аляйхи):

(يَنْمَنْ مَاتَنَا لَوْ قِي! مَالَسَلَا مَ يَرِدْتَا)

А знаешь ли ты, что такое «ас салямю ‘аляйкум»? Дающий приветс-

твие этими словами человек говорит: «Ты в безопасности от меня».

Приветственная фраза в исламе заключает в себе воспоминание Аллаха, и напоминание о Нем, и проявление почета и уважение к нему. Посланник Аллах (саяяллаху ‘аляйхи уа саллям) сказал:

(هذي و هنامن من نوملسملا ملس نم ملسملا)
هيلع قفتم

«Мусульманин — это тот, от языка и руки которого мусульмане в безопасности» (Сахихуль-бухари, Муслим).

Как было бы хорошо, если бы мусульмане приветствовали друг друга, произнося эти слова осознанно, и не ограничивались бы лишь «ритуальными» словами! Правильное приветствие может поднять все общество на ступеньку выше на пути к пониманию и уважению. Желая исправить ожесточенные сердца уммы, Посланник Аллаха (саяяллаху ‘аляйхи уа саллям) делал акцент на правильное приветствие среди мусульманской общины.

Изречения Посланника Аллаха (саяяллаху ‘аляйхи уа саллям) касательно «саляма»

يضر صاعلا نب ورمع نب مللا دبع نع
هيلع يلص مللا لوسر لاس لجر نا :امنع مللا
و ,ماعطلا مخطت»: لاق ؟ريخ ملسالا يا :ملس و
«فرعت مل نم و تفرع نم يلع ملسالا أرق ت
هيلع قفتم

‘Абдуллах бин ‘Амр бин аль-‘Ас (радыяллаху ‘анху) сказал:

— Один человек спросил посланника Аллаха (саяяллаху ‘аляйхи уа саллям): «Какое проявление ислама наилучшее?» Он ответил: «Лучшее состоит в том, чтобы ты кормил людей и приветствовал всех, кого знаешь и не знаешь». (Сахихуль-бухари, Муслим)

يبنلنا نع منع مللا يضر قريره يبا نع
هيلع مدا مللا قلخ امل :لاق ملس و هيلع يلص
رفن — كئيلوا يلع ملسف بهذا :لاق ملسالا
, كنيويحي ام عمدتساف — سولج فكئال مللا نم
مالسالا, لاقف .كئيرذ تيحت و كئيتيحت انهاف
و مللا قمحر و مكئيلع ملسالا اولاقف» «مكئيلع
هيلع قفتم «مللا قمحر و»: هودازف «مكئيرب

Абу Хурайра (радыяллаху ‘анху) говорит, что посланник Аллаха (саяяллаху ‘аляйхи уа саллям) сказал:

— Когда Всевышний создал Адама (‘аляйхи саллям), Он сказал ему: «Иди и приветствуй их», — имея в виду несколько ангелов — «и послушай, как они поприветствуют тебя, и от ныне это будет приветствием для тебя и твоих потомков». И он сказал им: «Мир вам Аллаха!», они же ответили ему словами: «Мир тебе и милость Аллаха!», — добавив к его приветствию слова — «и милость Аллаха!» (Сахихуль-бухари, Муслим)

يبنلنا نع منع مللا يضر قريره يبا نع
يتح فنجل اولخدت ال «:لاق ملس و هيلع يلص
مكلدا لوا ,اوباحت يتح اونمؤت ال و اونمؤت
مالسالا اوشفا ؟متبباحت هومتلعف اذا ئش يلع
ملمس هاور «مكئينيب

Абу Хурайра (радыяллаху ‘анху) говорит, что посланник Аллаха (саляллаху ‘аляйхи уа саллям) сказал:

— Вы не войдете в рай, пока не уверуете, а не уверуете вы до тех пор, пока не станете любить друг друга, так не указать ли мне вам на то, что приведет вас к взаимной любви, совершая это? Распространяйте приветствие «Салям» между собой! (Мус-лим):

يضرر مالمس نب لاللا دبب فسوي يبا نع
لاق ملس و ميلع يلص يبنلنا نع نع لالا
ماعظلا اومعظا و مالمسلا اوشفنا سانللا اهيا اي
ولخدت مابن سانللا و اولص و احارللا اولص و
نسح شيديح: لاق و يذمرتلا هوار «مالمسب ةنجللا
حيحص

Абу Юсуф ‘Абдулла бин Салям (радыяллаху ‘анху) говорит, что слышал, как посланник Аллаха (саляллаху ‘аляйхи уа саллям) сказал:

— О люди, распространяйте приветствие, кормите других, поддерживайте родственные связи, выстаивайте намаз, когда все остальные будут спать, тогда зайдете вы в рай с миром. (ат-Тирмизи, хадис хороший, достоверный).

Ответ на приветствие

В Коране четко сказано, что отвечать на приветствие следует лучше или хотя бы так же, как с ним поздоровались. Объяснение этого аята посланник Аллаха (саляллаху ‘аляйхи

уа саллям) сделал своим личным примером.

Однажды один из сподвижников поприветствовал посланника Аллаха (саляллаху ‘аляйхи уа саллям) словами «ас салямю ‘аляйкум», посланник Аллаха ответил, добавив к его приветствию одно слово «уа ‘аляйкум ас салям уа рахматуллахи». Затем пришел другой человек и поприветствовал его словами «ас салямю ‘аляйкум уа рахматуллахи», посланник Аллаха ответил, добавив еще одно слово к его «салямю», сказав «ас салямму ‘аляйкум уа рахматуллахи уа баракатуху». Затем пришел еще один человек и поприветствовал посланника Аллаха (саляллаху ‘аляйхи уа саллям) словами «ас салямю ‘аляйкум уа рахматуллахи уа баракатуху», посланник Аллаха ответил ему лишь одним словом, сказав «уа ‘аляйка». Этот сподвижник смутился, он задал вопрос посланнику Аллаха, почему вы отвечали на приветствия первых двух, лучше их приветствия, то есть добавляя слова к «салямю», а на мое длинное приветствие ответили «уа ‘аляйка»? На что он ответил ему: «Ты не оставил нам слова увеличить приветствие. Ты собрал все приветственные слова в своем саляме».

Этот риваят с различными санадами передают Ибн Джарир и Ибн Аби Хатим.

Из приведенного хадиса становится ясно, что отвечать на приветствие следует лучшими словами. То есть к полученному приветствию добавить еще одно слово. Например, если вам

говорят «ас салям» «аляйкум», то ответить следует так — «уа ‘аляйкум ас салям уа рахматуллахи».

Второй урок этого хадиса в том, что увеличивать число слов нужно, только до трех — это есть сунна. Больше этого сунной не является. Мудрость этого ясна. Приветствие должно быть кратким, ни в коем случае целью приветствия не является отвлекать человека от своей занятости. По этой причине, когда приветствующий человек в своем «саляме» собрал все три слова, добавлять к этому еще другие слова сунной не является. Об этом очень красиво сказал сам Ибн ‘Аббас (радыяллаху ‘анху):

متكربا ليلها يهتئنا دق ماسلانا

«Поистине, салям заканчивается на слове баракатуху» (Аль-музхири ‘аниль-багави).

Третий урок, который мы можем взять из этого хадиса таков, когда дающий приветствие собрал в нем все три слова, отвечать ему можно лишь одним, то есть сказать «уа ‘аляйка».

Достоинство приветствовать первым

Имамы Ахмад, ат-Тирмизи и Абу Дауд приводят хадис, который рассказывает Абу Умама (радыяллаху ‘анху), что посланник Аллаха (саляллаху ‘аляйхи уа саллям) сказал:

— Наилучший из людей перед Аллахом тот, кто (торопится) поздороваться первым.

Этот аудиторией этого хадиса являются те люди, которые встретили друг друга по дороге, потому что в этой ситуации они одинаковы в обязательности приветствия. Поэтому, кто из них будет первым, тот и будет достоин достоинства рассказанном в этом хадисе.

Другое дело, если первым поздоровался тот, кто пришел навестить или же проведать кого-то, в этом случае первому следует приветствовать пришедшему, о нем в этом хадисе речи не идет. Да, если же в этой ситуации первым поздоровался тот, кого навестили, тогда он получит обещанную ценность в хадисе, то есть быть лучшим перед Аллахом.

Обратите внимание на поведение друзей и сподвижников самого посланника Аллаха (саляллаху ‘аляйхи уа саллям).

Рассказывается, что ‘Умар (радыяллаху ‘анху) говорил:

— Есть три вещи, соблюдая которые, в обществе появится искренность по отношению друг к другу. Первое — это приветствовать первым, второе — это обращаться к человеку по имени, и звать его так, как ему нравится, а третье — это давать человеку место в каком-либо собрании с уважением и почетом».

Марат Башаров

ПРОСИ ВСЕВЫШНЕГО — И У ТЕБЯ ВСЁ ПОЛУЧИТСЯ

В Москве 29 января 2017 года покажут спектакль «Мавлид-ан-Наби: Утерянное завещание», созданный при поддержке Духовного управления мусульман России.

Главную роль в нем исполняет известный актер кино и театра Марат Башаров. Звезда фильмов «Сибирский цирюльник», «72 метра», «Граница. Таежный роман» и «Турецкий гамбит» рассказал в интервью РИА Новости, когда стал верующим человеком, что является самым страшным грехом и чем лично гордится больше всего. Беседовал Антон Скрипун.

60

— Марат Алимжанович, создатели «Утерянного завещания» неоднократно подчеркивали, что в постановке принимают участие верующие актеры. Вообще, сам проект реализуется на фоне ожесточенной дискуссии вокруг взаимоотношений религии и искусства. Хотелось бы задать компромиссный вопрос: а может ли вера вдохновлять? Если да, то как она вдохновляет вас?

— Конечно, может вдохновлять! Вы знаете, недавно мне задали вопрос: «Когда вы стали верующим?» Я даже не могу вспомнить, когда я вдруг стал верующим. Я всегда был верующим, пока себя помню. Первое мое воспоминание было об этом.

А вот про вдохновение я приведу такой пример. В детстве меня папа водил в старую Соборную мечеть Мос-

квы, в три года я сюда первый раз попал. И я помню, в школе, когда я не сделал домашнего задания (списать не успел), я сидел за партой и просил Всевышнего, чтобы меня не спросили. И меня не спросили.

В институте, когда из 20 билетов я выучил только два, то есть остальные были мне абсолютно неизвестны, перед тем как вытянуть билет, я молился и просил Всевышнего, чтобы мне достался тот билет — один, из которых я выучил. И мне достался тот самый билет. И так далее, и так далее.

Поэтому вера вдохновляет меня. Не на то, чтобы не учиться, а на то, чтобы верить. Проси Всевышнего — и у тебя все получится! Это не зазорно.

Если в детстве мне нужна была какая-то игрушка, машинка, я, прохо-

дя мимо «Детского мира», говорил: «Мам, я хочу вот эту игрушку». А она мне говорила: «Сынок, нету денежки». А я ей: «Мам, я хочу игрушку!» Она отвечает: «А ты помолись Аллаху, и Он подарит тебе такую игрушку». Я молился. Игрушка через неделю была у меня. Поэтому надо искренне верить. И просить.

— **Значит, лично у вас наверняка имеется рецепт, как не опускать руки, даже если все очень плохо и не осталось никакой надежды?**

— В первую очередь, конечно, нужно верить, что после черной полосы всегда будет белая, но только для этого нужно работать. Работа лечит от всего — и от недугов, и от невзгод. Нужно трудиться — и все.

— **Даже если нет мотивации?**

— Абсолютно. Воспитывать себя духовно. Почитай книгу, помолись, посмотри кино, займись спортом. От хандры очень много рецептов.

— **Какое кино является особенно вдохновляющим в таких случаях?**

— У каждого свое. Кто-то любит комедии, кто-то мелодрамы... Самая страшная болезнь — это когда у тебя

заболела душа и ты не можешь ее вылечить. Это самое страшное — когда ты бездуховен, когда ты хандришь. Испокон веков на Руси хандра — самый страшный грех.

— **А что бы вы сказали тем, кто рассматривает исламскую религию сквозь призму различных стереотипов? Эта проблема для них тоже достаточно актуальна?**

— Что вы называете призмой? Этих нелюдей, называющих себя мусульманами, которые взрывают, которые делают зло? Настоящие мусульмане так не сделают!

Вы знаете, меня во дворе — я вырос в спальном московском районе — называли татаринком, татарской мордой. Но ничего, я шел дальше.

А теперь — где эти люди, которые обзывали меня? Половина из них — у нас во дворе — отсидели, половины уже нет. Вот где они, и вот где я.

Я всегда гордился, горжусь и буду гордиться тем, что я мусульманин, что я татарин. И буду за собой вести, звать всех братьев, чтобы поддерживали нашу веру, рассказали всем, какие мы на самом деле. И чтобы народ, глядя на нас, радовался и гордился. Я буду стараться!

Рустам Батыр

«ЖЕНЩИНА — КААБА/КИБЛА МУЖЧИНЫ»

*Мусульманские теологи изначально пошли по пути описания Бога
через слова женского рода*

62

В целом на мусульманском Востоке принято уважать и почитать женщину, во многих исламских странах вы не встретите среди женщин официанток, уборщиц и тех, кто таскает шпалы на железной дороге, рассказывает первый заместитель муфтия РТ Рустам Батыр. В своем материале на «БИЗНЕС Online» он объясняет, что женоненавистничество, характерное для исламских мракобесов, противоречит канонам религии.

Созерцание Бога

Шейх Санаан из поэмы Аттара «Беседы птиц», помешавшийся от любви, на уговоры своих учеников от-

правиться в Мекку вместе с ними так объяснил свое нежелание ехать:

Моя Кааба — это девушка моя,
А Мекка — Храм, где с нею
счастливы мы будем...

В этих словах схвачена самая суть того, как в исламе относятся к прекрасному полу. Аттар недвусмысленно дает нам понять, что женщина — кибла мужчины. И этим все сказано. Более возвышенного эпитета придумать невозможно.

Для людей, мало знакомых с исламской культурой, добавим, что кибла — вектор сосредоточения молитвенных помыслов человека. Му-

сульмане молятся в сторону Каабы в Мекке, и в этом смысле она является их киблой. Но Кааба — не что иное, как дом Бога, место богоявления (таджалли). И вот здесь мы начинаем понимать, насколько глубока метафора, изреченная устами шейха Санаана. И это не богохульство, а богочитание.

Аттар в своих прозрениях далеко не одинок. Так, Ибн Араби писал, что через женщину мужчина может познать Бога. «Созерцание Бога в женщине, — добавлял он при этом, — есть наиболее великое и полное созерцание». И подобных интенций в исламской культуре огромное множество.

Инклюзивный язык

В Европе в последнее время стали появляться так называемые инклюзивные переводы Библии. В этих переводах предпринимается попытка отойти от языкового шовинизма мужчин. Ведь если Бог не мужчина и не женщина, то почему традиционно о Нем говорят исключительно в мужском аспекте? Инклюзивные переводы предлагают порвать с этой заскорузлой исторической традицией и говорить о Боге, избегая гендерной ангажированности.

В исламской культуре так вопрос не ставился. И все потому, что мусульманские теологи изначально пошли по пути описания Бога через слова женского рода. Так, понятие

самости, сущности Бога выражается в богословии ислама термином зат, а понятие атрибута, свойства Бога — термином сифат. Собственно, это основные термины, через которые строится богословское описание Бога. И оба они женского рода.

Гностики ислама, метафорически описывая Бога, также тяготели к женскому полюсу бытия. Именно поэтому женщина — Лейли — всегда была символическим олицетворением Бога в мусульманской духовной поэзии, в то время как мужчина — Маджнун (букв. «сумасшедший», «одержимый») — олицетворял собой лишь человека, этого Бога ищущего. Если вам доведется читать любовную лирику мусульманского Востока, знайте, что Лейли и Маджнун не аналог Ромео и Джульетты, а символическое описание поисков человеком Бога, описание «мистической» любви к Нему. И в этой паре Бог обозначается непременно через образ женщины.

То, что скрывает Бога

В свете вышесказанного мы можем понять внутреннюю логику многих аспектов исламской культуры, например хиджаба. Западные люди видят в нем исключительно инструмент порабощения женщины, внешнее выражение собственнических устремлений мужчин. Но изнутри ислама хиджаб воспринимается совершенно в ином ракурсе.

Все дело в том, что хиджаб — очень многогранное смысловое понятие. Его использование в отношении женщины всего лишь частный случай. «Воистину между мной и Им семьдесят завес (хиджабов) из света. Если бы ты увидел ближайшую из них, ты бы сгорел», — говорил Пророк, отвечая на вопрос, видит ли он Бога. Иначе говоря, хиджаб, завеса — символ трансцендентности Бога. Поэтому когда Пророк во время небошества встречался с Богом, то он беседовал с Ним через завесу — хиджаб. Другими словами, хиджаб — это то, что скрывает божественное.

Именно по этой же причине Кааба — дом Бога — завешивается черной тканью. С практической точки зрения покрывать целое здание тканевым материалом абсолютно нелогично. Однако здесь мы имеем дело с исключительно символическим явлением.

В этом же смысловом поле следует понимать и слово кашф («раскрытие»), которым обозначают в исламе процесс богопознания или, если хотите, просветления: имеется в виду раскрытие, срывание завес, хиджабов трансцендентности/непознанности между человеком и Богом. На Пути важно «стремиться приподнимать завесы, а не собирать книги», любят повторять суфии.

В силу этой же внутренней логики у мусульман женская, закрытая часть дома, как и территория вокруг Каабы, именуется одним и тем же словом «заповедная» — харам (в

русском, опошленном, варианте «гарем»). Ибо в обоих случаях мы имеем дело, так сказать, с местом пребывания божественного начала на земле. Возможно, хотя настаивать наверняка нельзя, что от этого же корня образовано и русское слово «храм» (равно как и слово «хоромы»).

Женская тюрьма

В целом на мусульманском Востоке принято уважать и почитать женщину. Во многих исламских странах вы не встретите среди женщин официанток, уборщиц и тех, кто таскает шпалы на железной дороге. Там немислимо, чтобы чья-то мать занималась подобной работой. Ее мужчины берут на себя.

И в то же время нередко мы встречаем случаи откровенной дискриминации женщин в странах ислама. Например, Саудовская Аравия лишь в 2015 году разрешила женщинам принимать участие в выборах в муниципальные органы власти. Кстати, там до сих пор женщинам запрещено водить машину. У многих мусульман в отношении женщин практикуется затворничество. Я лично знаю несколько турецких семей, в которых жены целыми днями сидят безвылазно дома и только раз в неделю, в выходной, могут выйти на улицу в сопровождении мужа.

Самое страшное, что в ряде исламских стран по до сих пор действующим законам средневекового ша-

риата позволяет выдавать замуж малолетних девочек. Такие дети быстро беременеют и зачастую бросают учебу. Исламские суды, как правило, стоят на стороне мужчины в делах по изнасилованию, ибо считают, что это сама женщина спровоцировала насильника на преступление. Излюбленной же темой некоторых деятелей ислама является тема избивания жен в целях воспитания.

Так, Мухаммед Камаль в своей книге «Женщина в исламе» поучает, что супругу стоит бить не слишком толстым прутом, поскольку удары должны принести ей в первую очередь не физические, а духовные страдания. Наносить удары он рекомендует по чувствительным частям тела: лицу, груди, голове. Увы, но все это средневековое мракобесие под видом норм ханафитского мазхаба сегодня встречается и в Татарстане — остается надеяться, что большинство татарстанских мусульман, живущих в модернизированной среде не первое поколение, невосприимчиво к подобным книгам и пропаганде...

Конечно же, лидером исламских мракобесов по женоненавистничеству является Саудовская Аравия, которую давно окрестили самой большой в мире женской тюрьмой, хотя и в других мусульманских странах есть немало мужчин-шовинистов. «Женщин в моей стране игнорируют отцы, третируют братья и оскорбляют мужа» — пишет в своей документальной книге «Принцесса. Правди-

вая история жизни под чадрой в Саудовской Аравии» Джин Сэссон.

«Мужчины верят, что они высшие существа, и ведут себя соответственно этому, — поясняет писательница. — Авторитет саудовского мужчины безграничен. Он казнит и милует, и его жена и дети будут жить, если только он этого пожелает. У себя дома он представляет высшую власть. С самого детства мальчикам внушают мысль, что женщина не имеет никакой ценности и служит лишь для удобства и удовольствия. Ребенок видит пренебрежение, с которым относится отец к его матери и сестрам, и начинает, в свою очередь, относиться презрительно ко всем представителям противоположного пола, что в дальнейшем делает невозможным дружеские отношения с женщинами».

Почему же многие мужчины так хотят запереть и унижить женщин и жутко боятся равноправия с ними? Почему мужчины отходят от действительно исламских ценностей в этом вопросе? Думаю, ответ кроется в их внутренней слабости.

Давно замечено, что сильный мужчина никогда и ни в чем не ограничивает свою женщину. Напротив, весь мир, который он смог завоевать, он складывает к ее ногам без каких либо условий и оговорок. И лишь слабаки вечно борются с женщинами, пытаются их задавить и ущемить, вместо того, что бы признать, что они избранницы Бога и великий дар для мужчин.

Бог прекрасен!

Подлинное учение ислама всегда возвышало женщину, считая, что именно в ней прежде всего раскрывается божественное присутствие. Возникает вопрос: почему именно в ней?

Во многом потому, что она исполняет на земле безо всякого преувеличения божественную миссию: творит жизнь. Бог — Творец, женщина — мать. Это единый смысловой ряд. По этой причине в арабском языке термин, обозначающий Божье милосердие (рахма) и соответствующие Его эпитеты (рахман, рахим), используемые, например, в популярной мусульманской формуле басмалы, вос-

ходит к понятию «материнской утробы», «женского лона» (рахм).

К тому же, как гласил Пророк, «Бог — прекрасное и любит красоту». Именно поэтому, Бог-прекрасное и есть объект «мистической» любви в исламе, которой отдался шейх Санаан и одержимый Маджнун и о которой мы говорили выше. Бог присутствует во всем красивом, «проявляется во всем любимом». Единая живая красота, разлитая в бесчисленных формах мира, с особой яркостью воплощается в женщине.

С праздником! — хочется сказать в этот день нашим соотечественникам. Чувствуйте себя и будьте любимыми!

Источник: Рустам Батыр, Казань, 8 марта 2017 года — <http://m.business-gazeta.ru/article/339232>

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР США: ИСЛАМ СТАНЕТ САМОЙ ПОПУЛЯРНОЙ РЕЛИГИЕЙ ДО КОНЦА ВЕКА

Американский исследовательский центр Pew Research Center составил прогноз, согласно которому ислам получит статус самой популярной религии в мире до конца 21 века.

По его данным, в 2010 году в мире проживали 1,6 миллиарда мусульман, что составляло 23 процента (против 31 процента христиан) общего населения планеты. В Pew Research Center полагают, что, если нынешние демографические тенденции сохранятся, то число сторонников ислама превысит количество последователей христианства до конца этого столетия.

Причинами такой ситуации представители Pew называют высокую рождаемость среди мусульман и, как следствие, относительно молодой возраст большинства современных последователей ислама.

Сейчас большинство мусульман (62 процента) проживает в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ожидается, что в 2050 году Индия будет страной

с самым большим мусульманским населением в мире с более чем 300 миллионами представителей религии, а в Европе не менее 10 процентов всех жителей будут исповедовать ислам, резюмируют в исследовательском центре.

В конце 2016 года американское издание International Business Times опубликовало социологическое исследование, авторы которого доказывают, что граждане некоторых государств сильно преувеличивают, рассуждая о числе последователей ислама в их странах. Так, например, жители Франции говорили о том, что доля проживающих на территории Пятой республики мусульман составляет 31 процент, когда на самом деле — 7,5 процента.

Джаннат Сергей Маркус

САДЕК-АБЗИ

Поэма

Бисмилла иррахман иррахим!

1

Молитва в пути

Скорее, душа моя, воду —
Воду живую найди,
И к родникам народным
С верой и знаньем иди!

Чтоб жить без нужды и страха,
Друзьями Аллаха стать,
С молитвой, с надеждой, с любовью —
Наставника будем искать!

Он явит своим примером —
Как к Богу прямо идти,
Заступник в молитве, поможет
Нам не свернуть с пути.

Скорее, душа моя, воду —
Воду живую найди.
И к родникам, к истокам —
В Овечий овраг иди!

Что за овраг Овечий,
Есть ли там Божья сласть,
Кто знает, укажет дорогу —
Как бы в обман не впасть?

2

Начало Мещеры

Мещерский юрт — здесь пограничье Степи
Смыкается с великим русским Лесом.
Здесь тюркское приволье, разбежавшись
От гор Саянских, вздыбило коня —
И он, вскрипев и пену гордо сбросив —
Вдруг, вздрогнув, встал. И в небо устремил
Свой взор с огнём. И ржанье, как рыданье,
Вдруг разнеслось — в нём счастье было, сила.
Как яблоко, оно катилось в небо...

Конь затих.

Мажары здесь извека расселились. Кипчаки
К оседлости пытались тут привыкнуть, землю роя.

Ни огороды здесь, ни пашни не возшли —

Рождённый Степью ввек не позабудет

Всю бездну скачек, космос вольный,

И запах сладко-яростной полыни,

Который дух батыра в Рай пригонит

Себя, и всю семью, и стадо и коня.

В таком народе много силы бродит,

Такому нраву нужен конь и вольность,

И лишь Аллаха он признал правленье

Над гордостью и вольницей своей!

Всевышнему с любовью поклонился,

Воздав хваленье за судьбу свою -

Сначала в юртах преклоня колени,

Затем мечети строя по земле,

К мечетям добавляя — для ученья —

В ауле каждом детям медресе.

Так созидалась Родина и слава

Мишарской удивительной земли.

3

Куй Суы — Овраг овечий

(на языке предков мишар мажаров — Кую, Кёсю)

Аул мишарский Куй Суы —

«Овраг овечий» означает слово.

Здесь мир библейски прост: овраг — основа

Для поиска живительной воды.

А ты и сам ведь назван пастухом:
Коран велит нам быть в семье опорой
Для тех, кто нас слабее, плачет в горе –
Веди их к родникам, укрой их в хлад и в гром.

Но жизнь изменчива — и вот ты сам... овца!
Не смейся и не плачь, но так бывает чаще.
По миру бродишь ты, как в стаде настоящем,
И плохо, если нет духовного отца.

Живой наставник — лучший Божий дар.
Ему внимаешь, следуя с любовью,
Он пастырь твой, духовной спаян кровью,
Не разлучит с ним смерть, не страшен зла удар.

Но есть наставники, ушедшие давно
В миры иные, но к родным забота
Влечёт их чрез века нам передать свой опыт.
Такой наставник — Вечности окно.

Приди в Овраг и пешим и босым –
Пусть травы и цветы ступни наполнят
Природной музыкой, кураем древних молний.
Земле воздай почтенье, словно сын.

Затем взгляни на Небо — «Тенгри-хан»
В старинных текстах, как «Аллах» прославлен.
Так лик Единого был нашим предкам явлен
И Он пророков дал народам в каждый стан.

Печать пророков — послан Мухаммад,
Ему Джibriл Писанье дал запомнить,
И красотой Ислама мир наполнить,
Чтоб человек был Божьим Светом рад.

Вот сквозь века, сквозь множество сердец
Сияет Нур в подвижниках — как много
Их в странах разных! Но спроси любого:
Есть святость среди вас? Ответят: есть отец!

Отец духовный, проводник Святого
Народу каждому был послан — так любим
Аллахом каждый род, и призван стать святым.
Чрез Абу Бакра Нур пришёл и тариката слово.

Его к мишарам нёс под сердцем с Бухары
Юнуса сын, Садек Абдулжалилов.
И с той поры аул, как куполом, покрыли:
Бахауддин — «чеканщик-накшбанди»,

И сам Садек — пастух, имам и алим.
За ними вслед — не вспомнить всех, не в счёт,
Скрывать их надо было в дни невзгод.
Но жив Овраг сейчас, и дух мишар не свален.

Родник овечий — таинство для тех,
Кто жаждет Божьему наследовать призыву,
Стать «другом Божьим», авлия красивым.
Мишарам данный, он открыт для всех!

4

Заступничество Садека-абзи

В каком высокогорье Духа, шейх блаженный,
Суфийский вождь мишарского народа,
Творите Вы намазы и моления?
Когда, куда Вас принял Всемогущий,
Откуда Вы творите нам добро?
Испросим мы в молении о чуде –
Но Вы, к Аллаху волю направляя,
Не станете потворствовать любому,
Желаний кто своих не знает цену:
На пользу ли они, или во вред?
Но слабый человек спрашивает Бога
Всего себе хорошего, не зная,
Что хорошо ему и что запретно,
И как пойдёт и сложится судьба...
Один Творец Сам знает почерк жизни,
Которая нас приведёт к воротам,
К истокам Райским, к водам без забвенья,
К веселию быть с Другом — авлия!

5

Зиярат — не музей

Тут зиярат, а не музей. Нужна не просто память,
Не блеск реликвий, золото и сталь.
Молясь, почувешь

Блаженство близости с избранником Аллаха,
Его молчанье тихое...
А если стать смиренным,
Салам душой принять — муслимом настоящим
Здесь станешь ты.
Вот суть в чём зиярата.

6

Уроки суфия-накшбанди Алишера Навои

Урок первый — эмблема тариката Накшбандия (Сердце с Именем Аллаха)

Заводишь речь — скажи лишь половину:
Навьёшь словес — и жалкий будет вид!
Когда паук накрутит паутину,
Он в ней и сам как пойманный висит.

Алишер Навои

(кыта в переводе Сергея Иванова)

72

Твой псевдоним «навои» — «мелодичный».
Всё же, как суфий, ты больше ценил тишину.
Многое надо народу сказать, но к себе — ироничным
Стоит остаться. А сердцу — открыть глубину.

Пусть в каждом вздохе — лишь тихого зикра сиянье,
Выше всех слов — нити тончайшей любви,
Кто же «чеканщиком» станет и «знаки» расставит со знаньем,
В сердце лишь «Имя Аллаха» вписав — только этим живи!

Урок второй

О Навои, перечеркни слова,
В которых нет дыханья Божества!

Алишер Навои

(перевод Сергея Иванова)

Сколько слов написано — но сколько надо сжечь,
Чтобы разум, чистоту земли сберечь?
Но, однако — кто отдаст приказ?
Ошибались судьи — и не раз!
Размышляя так, в бездействии сидим:
Сорняки сжирают Родину... Горим.

Когда стада бредут...

Для вас в них — красота, когда вы их
гоните на покой и когда выпускаете...
Коран, сура «Ан-Нахль» («Пчѣлы»), аят 6

Ты видел, как коровы поутру
Бредут навстречу Божьему лучу?
Ты знаешь, вечером, когда закат остынет,
Они наполнят мир теплом, а млеком — вымя.

Когда стада бредут — какая красота!
Понять язык её мешает немота.
Такое украшение природы
Понять и полюбить нужны не дни, не годы:

Проснись до зорьки, выгони коров
В росу и в солнце, на цветущий кров
В зелёный шум шмелей, травы, растений —
И всё поймѣшь за миг, в одно мгновенье!

Увидишь, как коровы поутру
Бредут навстречу Божьему лучу,
Узнаешь вечером, когда закат остынет,
Как наполняют мир они — теплом, а млеком — вымя.

Кто такой алим?

А ты узнаешь алима в толпе?
Он ходит — как и все,
Он дышит — как и все.
Чем отличить нам алима и где?

Читает много он — но кто же не читает?
Однако, он всё мудро различает.
Представьте, он так быстро отличает
Добро и зло, как будто сам всё знает!

Но умный человек — не тот, кто сам всё знает,
Он различение от Бога получает,

Его слова нигде не искажает
И людям понимать Коран он помогает.

Но скажешь ты — в Коране нет всего:
Наук, искусств, ремёсел и того,
Чего не знали люди при Пророке!
Ты прав — всему есть час и сроки.

Творец нам разум для того и дал,
Чтоб каждый постепенно постигал
Науки и Коран — единым знанием,
Умел владеть и чувством и сознанием.

Теперь узнаешь алима в толпе?
Он ходит — как и все,
Он дышит — как и все.
Он скромн и его найти нам где?

Читает много он — но кто же не читает?
Однако, он всё мудро различает.
Представьте, он так быстро отличает
Добро и зло, как будто сам всё знает!

Но умный человек — не тот, кто сам всё знает,
Он различение от Бога получает,
Его слова нигде не искажает,
Нам жизнь понять Кораном помогает.

9

Кто мёдом человека исцеляет?

И внушил Господь твой пчеле: «Устраивай в горах дома, и на деревьях, и в том, что они строят; потом питайся всякими плодами и ходи по путям Господа твоего со смирением». Выходит из внутренностей их питьё разного цвета, в котором лечение для людей. Поистине, в этом — знамение для людей, которые размышляют!

Коран, сура «Ан-Нахль», аяты 67–68

Кто мёдом человека исцеляет?
Пчела — как фабрика, в ней всё внутри вскипает,
Потом душистым варом наполняет.
Лекарств так много — мёд всё заменяет!

Но как же трудно уберечь пчелу,
Построить улья, пережить зиму.
Наука целая — за сотами следить,
На пасеке, как в храме надо жить!

Пчелы строенье хрупко: так легко
Ей повредить. Брось камушек в окно —
И разлетится вдребезги стекло —
Так тельце нежное пчелы. Оно

Для нас — знамение, так говорит Коран.
Знаменье — знак, он для раздумий дан.
Когда оближешь пальчики от мёда —
Благодари, хвали Творца природы!

Внушил Господь такой закон всем пчёлам —
Они теперь врачи, целители всем хворым.
На пасеке ещё учиться можно много:
Как дружно жить семьёй, благословляя Бога!

10

Чтение зикра

Кто глубоко копает — клады тот открывает.
Вот также и зикр читают — тысячи раз повторяют.
Священных имён немало — чётки возьми для начала.
Чтоб с главного разум не сбился — ритм с дыханием слился.
Следить за собой не надо — в зикре такая отрада!
Ничтожнее станешь, чем прах — к Себе вознесёт Аллах.

11

Зикр Садека-абзи

Ходит мишарин тихий по родному простору,
Кажется, что-то шепчет и чётки в его руках.
Нить того зикра не стёрлась, хоть время стирало горы.
Держись за неё с упорством — и станет имя «Аллах»
Дыханием чуткого сердца, кристаллом в нежных лучах.
«...Аллаху акбар... Бисмиллах...»

12

Мишарская сила

«Может ли мишарин без коня?» —
Я спросил у древнего огня.

«Без коня мишарин не бывает, —
Так огонь мне древний отвечает, —

Наш Создатель повелел им в бой
На коне умчаться за стрелой —

Обогнать горящую стрелу,
Проложить над звёздами тропу,

Совершить сто тысяч дел добра,
Чтобы Родина прекрасною была!»

13

Мишарский край богат

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Александр Пушкин

Кто знает, где, когда словам
Дано родиться точно и навеки,
И кто же их диктует человеку —
Смешно подумать, будто бы «он сам»!

Мишарский край богат: тут в Болдино летел
Нижегородскими полями да лесами
Сам Пушкин... Серафим молитвы пел,
Садек-абзи учил детей стихами.

Мордва и Русь, Мещера и Чуваш —
Чересполосица, узор ковра богатый.
Здесь церковь и мечеть прописаны в пейзаж,
У каждого свой лик, и свой язык — все святы.

Живём вдоль Волги, в чаше из земли,
Везде над нами — купол неба ясный.
Святые предки нам открыть смогли,
Насколько Божий мир прекрасен!

Дом простой — дом авлия

Чудо просто — приехать из шума столицы,
 В домик тихий войти и разуться в прихожей.
 Да зорко взглядеться: ну разве же это похоже
 На мавзолеи и храмы великих империй?
 Нет, здесь просто, как в самой обычной квартире,
 Что-то древнее есть — вещи из Хаджа, совсем их немного...
 Но — ты же видишь! — сюда не напрасно приходят
 Денег, славы искатели, бизнеса люди большие,
 Кто-то малый, больной и убогий, а кто-то преступник...
 Манит манка — и в «дом исполненья желаний»
 Превратили в невежестве люди жилище, что суфий
 Принял в дар от Владыки — молитвенной жизнью украсил.
 «Аль-Фуркан» — есть понятие в светлом Послании свыше,
 Означает оно «различение духов»: не всякому это под силу.
 Для того и дана в тарикатах цепочка-«силсила»,
 Чтобы дар передать чрез века — и пронзить поколенья.
 Стой! Зачем ты к Садеку святому приходишь? Подумай,
 Благ земных ты желаешь, не зная, что нужно, не нужно?
 И в молитве заступника Божьего просишь —
 Сам ты знаешь о чём? И какая от этого польза?
 Знай — здесь место познания Аллаха, смирения, мира,
 Здесь Садек научил поколенья мишар совершенству.
 Здесь же тайно присутствует дух Абу Бакра, Накшбанда —
 Всей цепочки великих мусульмов Хиджаза и Мекки,
 Лучезарной Медины и... Бухары, где Садек научился «чеканке».
 Создан в теле с мятущимся духом и страстью,
 Как алмаз человек — но нуждается в Божьей огранке.
 А иначе — подобно гниющему мясу, будь сожран землёю,
 Прахом был, век прожил — так и прахом остался...
 Позорно. Да, позорно прожить, не умножив себя,
 Не приметив, что в сердце твоём — словно капля,
 Точка есть, имя — Алиф, то Божие Имя. Аллаху
 Дорог ты — Он тебя к совершенству взывает, и «другом»
 Назовёт, как Садека-абзи — «авлия».

15

Книга и земля рода Бизаки

Потомственный имам из рода Бизаки,
Служителей мишарского народа!
Вы мударрисов долг несли через невзгоды,
Чтоб зёрна веры в детях проросли.

Когда не дали строить вам мечеть,
Когда прогнали мудрецов к Китаю,
Гуляла по плечам царёва плеть –
Вы приняли удар, Коран читая.

Без этой Книги выпал бы народ,
Как множество племён — из Свитка жизни.
Но тот, кто учит суры в род и в род,
Достоин чести жить в своей Отчизне.

Земля и вера, верность и любовь,
Как два крыла у птицы поднебесной –
Прославлен род ваш, и не сгинет кровь,
И мы поём о вас Аллаху песни!

16

Мударрис в медресе

Представить себе очень просто: если огонь погас
И в доме никто не учится — значит, народ угас.
Значит, ничто не радует и руки висят как плеть,
Божьему чуду жизни никто не умеет петь
Голосом, словом, поступками, живые цветы растить,
Близким и дальним людям улыбку и радость дарить!
Чтоб, не растрочены попусту, дни нашей жизни неслись,
Каждому нужен — и вовремя! — нужен святой мударрис!

17

Давай читать Коран!

Чуть нараспев читают неспеша
Арабские загадочные звуки.
И кажется: нельзя совсем дышать,
Но — только слушать сердцем чутко.

А ты сумеешь так же, неспеша
Читать Коран своим любимым детям,
Чтоб не напал на них и не сгубил шайтан,
Чтоб жизнь у них была светлее всех на свете,

Чтоб никогда они не впали в глухоту,
И сердце людям было бы открыто,
Чтоб Сам Аллах любил от них мольбу
И не был ни за что на них сердитым?

Так сядь же рядом, будем неспеша
Читать и петь загадочные звуки.
Тогда захочется смелей дышать
И сердце станет светлым, добрым, чутким!

18 Меджлис

Много людей собираются,
Вместе к Аллаху склоняются.
Как это всё называется?
Знаешь, там будет меджлис!

Самый начитанный молится,
Небо над нами раскроется,
Ангелы будто касаются
Тех, кто пришёл на меджлис!

Что ж ты о чём-то задумался,
Или о ком пригорюнился?
Если душой опечалился –
Нужно бежать на меджлис!

Сбрось с себя грузы сомнения,
Домыслы, угрызения –
Зикр повторяй в просветлении,
В райский взлетая междлис!

19

Инсан камиль — идеал совершенного человека — إنسان كامل

Инсан камиль — арабское созвучье,
Оно понятно древним мудрецам.
Но я ведь тоже быть хочу из лучших —
И разбираться в этом буду сам!

Я алимов спрошу, все книги перерою,
Ибн Араби поможет мне — читать!
Аллаха замысел в себе открою:
Трудиться, чтобы совершенным стать.

Иные есть пути, но все они — постыдны.
И всякий призван в мир для высшей Красоты.
Открой Её в невидимом и скрытном —
И душу очищай до Божьей чистоты!

20

Такбир (Аллах акбар!)

Лучшая печка — с высокой трубой.
С тягой воздушной взлетает над крышей
В небо просторное дым голубой –
Так и душа, что молитвою дышит.

Сколько бы в жизни ни встретить невзгод,
Сколько бы трудностей, горя и страха –
Сильные духом пробьются вперёд,
Делом и словом прославив Аллаха.

Имя святое твердить — как дышать.
Выдох и вздох — как любви упоенье.
Будем руками благое свершать,
В сердце Такбир пусть звучит восхищеньем!

21

Хождение в Мекку и в Бухару

Сегодня так легко промчаться в самолёте
В любой далёкий край, хотя бы в Бухару.
Представьте же себе, как путник одинокий
Шёл из Мишар сквозь жар в пустынную страну!

Он дважды в Хадж ходил, свершая столп Ислама,
В оазисах Хиджаза воду пить.
Спроси его: зачем, к чему все испытанья,
Не проще ли спокойнее прожить?

Но там, в Аравии — есть «корни нашей Веры»,
А в Бухаре — «Ислама полный плод»,
Накшбанда зиярат, цепь медресе. Стать зрелым
Муслимом может тот, кто здесь себя найдёт.

Чтоб дух собрать, отправь нас, Боже, в Мекку,
Как в центр Земли, к Каабе всесвятой.
Затем «инсан камиль» — к свершенью человека
Дай напитаться нам блаженной Бухарой!

22

В Бухаре зиярат Накшбанди

Знаешь *волшебное* место там — на краю Бухары?
Молнии духа сверкают, если молитвы чисты.
Здесь совершенству творений нет никаких границ,
Если в молчании с верой падаешь сердцем ниц.
Искренность поклоненья, что может быть нужней
В странствии духа земного в буре летящих дней?
Ум, будь всегда — у Бога, руки всегда — в труде,
Сердце — с женой любимой славь Аллаха везде!
Суть «накшбанди» в «чеканке» — в духе, в труде, в дуа —
Милостью Друга призван каждый — стать авлия.

23

Шейх Гудждувани — муршид Бахауддина Накшбанди

Десятый шейх цепочки Накшбандия
Великим стал в учении у Хизра.
Тот с головой его топил, давя дыханье —
Так тайному и сильному дал власть
Господствовать над тленной душою.
Когда-то также мощный Джабраил

Мухаммада заставил всё запомнить,
Что в Свитке с неба послано — «Читай же!».
Одиннадцать оставил нам заветов
Шейх Гудждувани — школу Тариката.
И чрез века пронзил блаженным Светом
Бахауддина сердце — тот «чеканкой»
Так овладел, что ветвью Накшбандия
Взрастает в человечестве Святое,
И Путь открыт! Желающий блаженства
Стать может авлия — так милостив наш Друг.

24

Ветвь Накшбандия

Усохла Ветвь среди мишар — иль нет?
Как страшен сам вопрос — кто даст ответ?

Жива — там в Дагестане, среди гор,
Среди узбеков, турок, где Лахор...

И «чистым» назван даже целый стан —
Тебе такое имя дали, Пакистан!

Но есть ли Ветвь среди мишар — иль нет?
Как горек сам вопрос — кто даст ответ?

Скажи, прошу тебя, Садек-абзи, скажи:
Взойдут ли семена из высохшей межи?

25

Абыз

Абыз — свет от слова «хафиз», тюркское преломленье.
Так величали стремящихся к познанию и к ученью.
В дни Грозного Иоанна почти всех мулл истребили
Ревнители самодержавья, грубой опричной силы.
Но спрятал народ под спудом, в аулах своих припрятал
Слово Корана, молитвы. В сердцах сила веры — не в камнях.
И каждый простак хотел бы, выучив, дать столь щедро
Людям святое Слово — чтоб в Рай привело соседа.

26

Угорский след

В названиях мишарского пространства
Есть много звонкого — знать, это угров след.
Вот Сабачай и Пешт: тут венгров явно ханство,
Ушёл к Дунаю от Мишар сосед.

В столице Венгрии язык им ведь понятен
Без словарей, названия — сродни.
Смешенье языков, скажите мне, проклятье
Иль благость и богатство для родни?

Творец нам дал такое разноцветье
Рас, языков, повадок и ума –
Познать их — в радость мудрецам и детям!
На это жизнь огромная дана.

27

Волга, Сура, Пьяна (песня мишар)

Волга, Сура, Пьяна — реки да луга.
Здесь родился дед мой, бабушка и я.
Здесь восходят к солнцу яркие цветы,
Здесь любовь мы встретим, смерти скажем «ты»!

Нам весёлый ветер принесёт в степях
Запахи полыни, предков плач и прах.
Нет конца у чуда — только пропевай.
Каждое дыханье славит Сурский край.

Волга, Сура, Пьяна — реки да луга.
Здесь отец родился, мать моя и я.
Здесь Садек молился — и Аллах был рад,
Здесь заложен свыше наш Мишарский сад!

28

Овечья вода

И вновь я, как овца, открою губы к Небу,
И вновь я пропою — открою горло к Небу.
О где мой Пастырь, я Тебя теряю...

Дороги сам не вижу, путь не знаю...
Сожгло мне губы... и живот схватило,
Нет сил идти, шепчу уже вполсилы...
Овечьей дай воды — но где найти колодца?
Чу!
«В сердце у тебя есть и вода и солнце!»

29

Старинные вещи в доме Садека-абзи

Не трогай вещей старинных в доме Садека-абзи:
Да, это так заманчиво — будто коснуться руки.
Но самой прекрасной материи ввек о душе не сказать,
Тайну общения в молчании надо в святыне искать.

30

Ихсан

Придумали ж сказать, как будто на бегу:
«Читать пора намаз, но скоро к вам приду!»
«Читают» ведь... журнал, письмо, газету —
Но Богу — молятся, намаз — свершают.
Где там
К формальности такой нашли фальшивый слог,
Огонь богообщения — задушить в песок?!
И вот — как много их, самодовольством сытых —
«Намаз читают» — не творя молитвы...

31

Ходжа Насреддин

Когда молитву превращают в «чтение»
И забывают искренность в моление —
Аллах нам посылает шутника
И он срывает маски: кто ханжа,
А кто мечети превратил в лабазы,
Меджлисы — в собрание алмазов...
Когда б не дервиши, успели б мы заснуть
Ислама свежесть превратили б в муть.

Медресе деда Абдулжалила

Великий дед Абдулжалил
Здесь создал медресе — гнездо,
Как много славных мудрецов —
Как будто бы птенцов-гонцов,
Вспорхнуло из него!

Каким он был, аул в те дни —
Стояло ль много изб?
Стать «академией мишар»,
Где учится и млад и стар,
Помог, быть может, Хызр?

Лучи невидимы, но тайна велика:
Далёк Дамаск, и Бухара, Азхар,
Но близко Свет нашёл, кого искал —
Абдулжалил был первый аксакал.
Зерно посеяно — познание Божий дар.

Род Алимовых — родня Садека-абзи

Про род Алимовых случайно я узнал
В горах Атласа. Южное Марокко
Прекрасно ночью — звёзды так близки,
Как будто на руке горят алмазы.
И кажется — летишь ты не в горах,
Уже на небе средь планет — вот чудо!
Потом я посетил, уже в Москве,
Наследницу алимовского рода,
Дочь Абрахмана Суфия-апу —
И от неё почувствовал веленье
Продолжить поиск родовых корней
Алимовых. Какие это люди,
Судите сами — перечислю их,
Имамов и ишанов и шахида.
Абдулжалил Биккинин — корень их,
Он там в Кусю взрастил ученья силу,
Построил медресе — вот кладёзь тех наук,
Которые Аллаха славят, род скрепляют,

Цепочкой света зикр передают –
Народ мишарский в испытаньях крепнет,
Гоненья и служенья — всё в прирост.

Юнус и Алим — два надёжных сына,
Юнусов сын — **Садек-ходжа**, абзи.
А вот от Алима пошла та ветвь, что в город
Их из Кусю — в столицы повела.

Так **Бедретдин** стал первым же имамом
Второй мечети, что открыл в Москве
Он вместе с Ерзиным, Агеевым, с общиной –
Стоит теперь Соборная мечеть,
Как памятник прошедшего столетья.
И даже рядом льющийся проспект
Был назван неслучайно «проспект Мира» -
«Салам алейкум — мир вам!» говорится,
Когда приветствует по вере брата брат.
И тот же Бедретдин вложил свой камень
В фундамент — дар эмира Бухары! –
В столичную мечеть Санкт-Петербурга.

А сын его, **Сафа**, наследовал отцу
И стал имамом во второй столице.
Саляхетдин остался там, в Кусю,
Там вёл приход, **Умяр** же сын — учитель.

Вдова имама Сафы — **Мершида**
Была хафизом и детей учила.
На женщинах таких стоит весь свет,
Они подобны дочери Пророка
И жёнам верным — матерям святых.

Абдурахмана путь повёл в Китай
Со старшим братом Сафой — к сбору знаний,
По древнему завету — хоть в Китай!
Для будущей мечети, где служить
Сам начал с минарета — муэдзином.
Он первым всю Мещанскую будил,
Взывая спящих на рассвет к намазу.
Потом, когда Сафу Аллах забрал,
Абдурахман возглавил ту общину –
И понеслись допросы ВЧК:

Зачем Китай и знает что про Мекку?
В Аравии учился он шесть лет,
Французские выписывал газеты,
Такой имам, что знанье единил
Корана и наук великосветских,
Опасен был для красного Кремля.
Ему сказали: как взойдёшь к минбару,
Скажи муслимам, что «Иман — обман,
И нет ни чёрта, ни богов на небе!»
Две ночи так продлилось, но рассвет
Он не увидел — разорвалось сердце.
И прах его несли открыто сквозь Москву
Муслимы в знак почтения к герою,
Который сам ни веры не предал,
И капли лжи сам не сказал ни слова!

Рассказ про род Алимовых — как песнь,
Что душу, разум и наш дух питает.
Скажи, Садек-абзи, всё ль знаем мы, что есть?
Мы память сохраним, вам в жизни подражая!

34

Пиала воспоминаний

Завари чайку зелёного из бухарской чайханы!
Вспомним молодость учёную, Мир-Арабовы сыны.
Под чинарой спит у ослика на его крутом боку
Бабочка — царица Савская — ну а я так не могу!
Мудрости безмерной алимов мы пришли сюда просить,
Но ушли пустыми с проседью — как ещё ума нажить?
Ох, бухарскими уроками наша жизнь теперь полна —
Научились со смирением мять мы нафсовы бока!
Сам шайтан потом выискивал к нам дорожку — но слабел,
Потому что чай наваристый в чашах наших зеленел,
Потому что знали дервиши, как обманщика спугнуть,
Шли накшбандии по улицам и спрашивали путь.
Тот, кто скажет, будто знания все теперь в его руках,
Очевидно — и смеялись мы — оставался в дураках!
Завари чайку зелёного из бухарской чайханы!
Вспомним молодость учёную, Мир-Арабовы сыны.
Под чинарой спит у ослика на его крутом боку
Бабочка — царица Савская — ну а я так не могу!

Ишан, вернись!

Ишан — вожак, старейшина, целитель,
А на фарси в одном лице — «они».
Так прозывался и Садек-учитель,
Ученики в почтении росли.

Где наш ишан сегодня? Мы — сироты!
Неужто измельчал так человек,
Что цепь мишарскую наставников ни йоты
Нам не дано найти — скажи, абзи Садек!

Мы слышим плеск ручья — он говорит «останься!
Испей воды и обнови свой век».
Ты можешь к нам прийти, как Хызр и как «увайси».
Приди же к нам, Садек! Вернись же к нам, Садек!

*Подмосковное село Сабурово, Рамадан 1432 года по Хиджре
(исправления 2017 года после конструктивной критики историка
Дамира Хайретдинова, автора монографии «Наследники Мещерского юрта»
об этногенезе нижегородских татар-мишарей)*

88

Краткая справка:

Садек-абзи Абдулжалилов (1835 ? — 1886) — суфийский шейх тариката Накшбандия, улем, философ, мударрис, просветитель мишарского народа, а также татар всего Поволжья, почитаемый ещё при жизни и особенно после кончины авлия, святой заступник и покровитель мишарского народа.

Овемчий Оврамг (ныне известна татарским названием Куй Суы, но первоначально имело мишарское, мажарское название Кусю, Кёсю) — деревня в Краснооктябрьском районе Нижегородской области, по соседству с сёлами (аулами) Уразовка, Большое Рыбушкино и Малое Рыбушкино.

Знаменитые люди из Овечьего Оврага: Бедретдин Алимов — первый имам Московской Соборной Мечети, Сафа Алимов — второй имам Московской Соборной Мечети, Умяр Дахер — профессор алтаистики и тюркологии Хельсинкского государственного университета, Финляндия. В наши дни в аул устремляются многочисленные паломники, чтобы совершить зиярат в дом Садека-абзи (Изгеляр йорты/Абзилар йорты), а на кладбище — к его захоронению.

Никита Голобоков

УГРОЗА КУЛЬТУРЕ — ТОТАЛЬНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ СЛЕЖКА

Руководство ведущих стран мира и крупнейших транснациональных корпораций призналось, что изучает, но пока никак не может оценить данные о том, что ЦРУ использовало для слежки едва ли не любой из продуктов Apple iPhone, Google Android и Microsoft Windows, а также телевизоры Samsung. Свидетельства об этом обнаружил ранее портал WikiLeaks. Тем временем в руководстве ЦРУ и АНБ «рвут и мечут».

В среду ЦРУ США отказалось комментировать опубликованный ранее на сайте WikiLeaks новый блок документов о шпионаже, осуществляемом американской разведкой. «Мы не комментируем подлинность или содержание этих разведывательных документов», — цитирует «Интерфакс» его представителя Джона-тана Лю.

Но это официальный ответ ЦРУ. Однако неофициально, сообщает Reuters со ссылкой на источник в разведке, в штаб-квартирах ЦРУ и

АНБ «рвут и мечут». «Информацию в течение долгого времени собирали и передавали WikiLeaks», — отметил источник. Портал BuzzFeed пишет о «панике» среди сотрудников разведки. Один из них на условиях анонимности признал, что последняя утечка «хуже Сноудена».

«Это все равно что передать наш самый большой киберпистолет каждому, у кого есть интернет», — сказал он. «Документы, опубликованные WikiLeaks, чрезвычайно опасны. Они не только ставят под угрозу текущие

операции, но и раскрывают детали наших подходов и методов работы, о которых не должны знать наши противники», — добавил собеседник издания.

Накануне WikiLeaks опубликовал 8761 документ, причем предупредил, что этим только начал серию публикаций утечек из ЦРУ под кодовым названием Vault 7. Документы позволяют оценить размах программы по взлому различных устройств и продуктов. Так, ЦРУ может взламывать продукцию Apple iPhone, Google Android и Microsoft Windows, телевизоры Samsung. Взломанный аппарат с помощью вируса превращается в подслушивающее устройство. Далее «зараженная» техника могла отправлять в ЦРУ данные о местонахождении пользователя, открыть доступ к разговорам и обмену СМС-сообщениями. Удаленно можно было активировать микрофон и камеру.

Пять текстовых скрытых серверов, используемых, согласно опубликованным документам, американской разведкой для прослушивания по всему миру, носят ироничное кодовое название PocketPutin.

Находящийся в посольстве Эквадора в Лондоне, где ему предоставлено политическое убежище, шеф WikiLeaks Джулиан Ассанж тоже заявил, что эта утечка — крупнейшая в истории и по объему превышает даже утечку секретных материалов от Эдварда Сноудена.

Безрассудно так, «что не выразить словами»

Сам Эдвард Сноуден оценил документы как подлинные, написав в своем Twitter о том, что в тексте присутствуют названия фирм и офисов, знать о которых мог только доверенный человек ЦРУ. «Отчеты ЦРУ показывают, что правительство США развивает уязвимость в американских продуктах, а затем намеренно держит дыры открытыми. Безрассудно настолько, что не выразить словами», — посетовал он.

Кроме того, благодаря этой грандиозной утечке рассекречены коды, которые использовали хакеры ЦРУ, а значит, по мнению Сноудена, теперь любой посторонний хакер в любой стране может использовать установленные ЦРУ лазейки в безопасности для того, чтобы взломать любой iPhone в мире.

«Русские хакеры» могут курить, сидя в трусах

Кроме того, в документах содержатся сведения о программе Umbrage — обширной библиотеке наступательных технологий.

Благодаря этим технологиям ЦРУ способно устраивать хакерские атаки под «ложным флагом», выдавая себя в том числе и за легендарных «русских хакеров».

В феврале уже сообщалось о том, что из-за раздутой американскими медиа истерии хакеры-мошенники

по всему миру намеренно используют русский язык для имитации «русского следа».

При этом WikiLeaks сообщает, что в свою тайную хакерскую базу ЦРУ превратило американское консульство в немецком Франкфурте-на-Майне, откуда могут вестись кибератаки на Европу, Ближний Восток и Африку. Представитель МИД ФРГ Себастиан Фишер только что и смог в среду днем осторожно заметить, что Берлин воспринимает информацию сайта WikiLeaks всерьез и остается в постоянном контакте с Вашингтоном по этому поводу. Тем временем на другом конце мира южнокорейская компания Samsung тоже пока осторожно заявила, что изучает опубликованные данные.

Однако, комментируя публикацию WikiLeaks, глава комитета сената США по делам вооруженных сил Джон Маккейн все равно опять заподозрил во всем Москву. «Я не могу этого утверждать, но очевидно, что WikiLeaks была связана с Россией», — цитирует сенатора ТАСС.

На вопрос, считает ли он, что Москва может иметь отношение к утечке из ЦРУ, Маккейн ответил метафорически: «Нет, конечно, нет, это был кто-то сидящий в подвале своего дома в одном нижнем белье, куря сигареты». По мнению сенатора, если хакерам удалось взломать ЦРУ и получить доступ «к важнейшим засекреченным материалам», значит, никто в мире не защищен от подобных атак. Маккейн выразил

обеспокоенность киберугрозами и призвал сделать все для их предотвращения.

И роутеры тоже

Главный архитектор программного обеспечения компании Juniper Networks Крейг Додс, комментируя публикацию на своем аккаунте в LinkedIn, добавил: ЦРУ также использовало для глобальной слежки роутеры компании Cisco. Как передает «Царьград ТВ», соответствующие модули были установлены разведкой на шесть моделей роутеров производства этой американской транснациональной компании.

В свою очередь представитель Apple заявил ресурсу TechCrunch о том, что данные из утечки WikiLeaks отчасти устарели. «Наши продукты и их программное обеспечение разработаны с целью быстрее обновления систем безопасности. Почти у 80% пользователей установлена новейшая версия iOS. Предварительный анализ показывает, что большинство опубликованных уязвимостей уже закрыты, но мы продолжим работу по их выявлению и немедленному устранению», — цитируют представителя компании «Ведомости».

Контрразведка США готова к «охоте на крога»

В другой американской спецслужбе — ФБР, в свою очередь, намерены устроить «масштабную охоту на кро-

та». Как сообщает Washington Post со ссылкой на источник, знакомый с ситуацией, ФБР начало активную подготовку к поискам источника, «слившего» документы ЦРУ WikiLeaks.

Как сообщает РБК, пока не известно, отправил ли ЦРУ в минобороны США отчет о возможном ущербе национальной безопасности. Такое формальное действие необходимо, чтобы ФБР начало свое расследование. В ЦРУ и ФБР, в свою очередь, отказались от комментариев.

Кстати, сенсационное разоблачение совпало с новостью о том, что еще в понедельник председатель спецкомитета сената Конгресса США по разведке Ричард Бурр и сенатор Джон Корнин (оба республиканцы) посетили штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли, где получили необработанные разведданные, которые якобы подтверждают желание Москвы повлиять на выборы в США в пользу Дональда Трампа, передает РИА «Новости». Корнин признал, что им дали «четыре больших папки» с информацией, которую нельзя публиковать. Таким образом, США по-прежнему не предоставили общественности никаких подтверждений своим обви-

нениям о «вмешательстве» России в выборы.

Слушания о деятельности «российских хакеров» начнутся скоро в обеих палатах парламента США: в спецкомитете палаты представителей по разведке 20 марта состоится открытое заседание, в Сенате «в ближайшие дни и недели» — закрытое.

За несколько часов до сенсационной публикации WikiLeaks стало известно, что в США погиб уже не мифический, а реальный российский хакер — специалист по информационной безопасности, программист и журналист Николай Лихачев, который был известен как Крис Касперски. Он написал 13 книг, посвященных защите и восстановлению данных, с 2010 года работал в компании Endeavor Security в США, но в последние годы не раскрывал место работы. Как пишет News Journal, Лихачев неудачно прыгнул с парашютом.

8 марта 2017 г.

Сайт Взгляд. Текст:

Никита Голобоков

*«Кто-то сидящий в подвале
своего дома в одном нижнем
белье»*

Юрий Михайлов

ПОЧЕМУ РОССИЙСКИЕ ИМАМЫ ТАКИЕ БОГАТЫЕ?

Сегодня у нас в гостях у программы «Современный Восток» издатель Юрий Анатольевич Михайлов. Его издательство «Ладомир» выпустило несколько лет назад превосходное двухтомное издание жизнеописания Пророка Мухаммада, мир ему. А также и биографию самого спорного исламского богослова Ибн Абд уль Ваххаба.

И к кому, как не к издателю религиозной исламской литературы обратиться с такими вопросами.

— Правда ли, что чем более узурпирована власть, тем сложнее в этой стране существовать исламу?

— Что такое джихад?

— Почему российские религиозные деятели такие богатые?

— И почему нельзя перепрограммировать радикализм?

Хотите узнать — слушайте подкаст с Юрием Михайловым!

«Если вы не поощряете процесс приобретения знаний среди мусульман, но владеете капиталами и при этом строите здания, мечети и все,

что угодно, которые не наполняются знаниями, - я считаю, что это не совсем та позиция, которая проповедуется в Коране.

Там не говорится — строй бесконечно мечети, ты ЧИТАЙ — вот что главное. Первый аят к пророку был обращён. Этот процесс чтения сегодня не присутствует в повседневности», — говорит Юрий Михайлов.

Ислам никогда не пускал это на самотёк. Если взять золотой век ислама, то была следующая модель: приходил одарённый человек в мечеть, а в основном в мечетях были уни-

верситеты. Там работали кружки, и, когда преподаватель показывал, что он несёт благое знание, то, как правило, находились всегда спонсоры поддерживать преподавателя. Но, если ученик приходил способный, то ему всегда назначали стипендию.

Люди, которые выделяли эти деньги, прекрасно понимали, что с точки зрения ислама владение деньгами — это испытание перед Богом.

Подкасты — лучшие беседы о Востоке в вашем смартфоне.

Что такое подкаст?

Подкаст — это аудиозапись. На сайте «Медина» в таком формате подкастов мы выкладываем интервью с лучшими экспертами о современном Востоке, политике, вере, образовании.

Чем удобен подкаст?

Все подкасты хранятся на сайте центра «Медина» и в iTunes. И вы можете прослушать аудиозаписи, в любое время и в любом месте, когда вам это будет удобно: онлайн с нашей страницы или в режиме оффлайн, скачав подкаст на плеер, смартфон или планшет.

Слушайте записи в высоком качестве по дороге на работу в машине или метро, на пробежке или в спортзале.

Обменивайтесь самыми интересными подкастами с друзьями, легко пересылая аудиофайлы в мессенджерах или по почте. А для того, чтобы ничего не пропустить, подписывай-

теся на обновления и получайте свежие выпуски подкастов сразу после их появления.

Распространять ЗНАНИЯ!

И общество, обладая такими талантливыми учёными людьми, развивалось бы гораздо более эффективно. Ведь нормой ислама является представление о том, что это передовое учение, о том, что те, кто следует Богу — наиболее успешны.

Как пользоваться подкастом?

1) Подкасты можно слушать онлайн режиме прямо здесь, в браузере, нажав на кнопку play.

2) Можно зайти на ресурс SoundCloud в раздел «Современный Восток».

3) Хотите слушать на iPhone? Это можно сделать вот здесь.

Подписывайтесь на нас и уведомления о новых интересных интервью будут приходит к вам прямо на телефон.

4) Если вам понравился подкаст, оставьте, пожалуйста, отзыв вот здесь. Это поднимет нас в рейтинге и позволит донести информацию до большего количества людей. И мы будем бесконечно благодарны вам!

Полный текст подкаста читайте на сайте.

Источник: И все подкасты! — <http://medina-center.ru/pochemu-rossijskie-imamy-takie-bog.../>

Дамир Хайретдинов

МУСУЛЬМАНЕ РОССИИ МЕЖДУ ХУНВЕЙБИНАМИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

*Интервью с Дамиром Хайретдиновым провёл профессор кафедры
государственно-конфессиональных отношений Вильям Шмидт.*

Вильям Шмидт: Уважаемый Дамир-хазрат, благодарю за эту возможность обменяться мнениями по актуальным проблемам и поговорить о роли религии, религиозном факторе — какие из вызовов окажутся для нас, российского и европейского обществ и в целом, в мире, базовыми, а какие второстепенными и незначи-

тельными, что будет первостепенным для религиозной сферы в жизни общества, а что для религиоведения.

Значимо, что этот наш разговор приурочен к особому времени — Всемирной неделе гармоничных межрелигиозных отношений, которая установлена ООН еще в 2010 г. Отрадно, что и мы, в Российской Федерации,

Хайретдинов Дамир Зинюрович — кандидат исторических наук, ректор Московского исламского института; автор монографий, посвященных истории мусульман Москвы, научных и публицистических материалов, затрагивающих темы истории исламской цивилизации, прошлого и настоящего российских мусульман, исламского образования в России; редактор русского перевода смыслов Св. Корана (2007, 2015) и хадисов Пророка Мухаммада (в печати), ответственный редактор серии энциклопедических словарей «Ислам в Российской Федерации»; этнолог и исламовед, много сделавший для развития исламского образования и просвещения, включая издательскую деятельность — становление издательского дома «Медина».

все активнее входим в это международное пространство диалога, проявляя солидарность с силами доброй воли.

Дамир Хайретдинов: Мир вам! Полагаю, что мы живем в сложное время передела геополитического пространства и перестроения социального строя во многих регионах мира. За всю историю человечества такие события происходили неоднократно, хотя в нашей памяти отложились лишь несколько самых ярких; всякий раз они сопровождалась мощной активизацией религиозности (или антирелигиозности — как во время «левоокрашенных» революций). Массовый интерес к религии в кризисное время очевиден и вполне предсказуем, несмотря на все новейшие достижения в научной, технологической и информационной сферах, потому что только религия может ответить на базовые вопросы человеческого бытия и человеческой морали — в первую очередь через призму рассуждений «для чего я пришел в этот мир?», «почему, с чем и как я должен его покинуть?».

Сегодняшний этап нашей истории — не исключение, а правило в этой череде трансформации человечества. Однако, разумеется, есть и существенные отличия от предыдущих кризисов. Например, Россия и сопредельные страны ярко помнят события в нашей истории начала 90-х годов XX в., а, допустим, в Северной Америке простые массы их по большей части даже и не заметили. На

этот раз трансформация социального строя затрагивает гораздо большие территории, нежели это было в период крушения Восточного блока, и носит, по большей части, глобальный характер. Поэтому в состоянии турбулентности оказывается весь Ближний и Средний Восток, вся Европа, Россия и бывшие республики СССР; не исключено, что и Китай окажется в состоянии резко обострившегося конфликта с США при новой американской администрации.

Для меня очевидно, что исламские сообщества, которые и ныне переживают весьма непростой период истории, в ближайшее время столкнутся с совершенно неординарными вызовами, в том числе геополитического характера. Для религиозной сферы мусульман (да и, наверное, представителей многих других религий тоже) наступает период, когда им придется находить ответы на вопросы, никогда не существовавшие в истории этой религии и в истории человечества в целом. Я имею в виду наступление нового, 4-го технологического уклада, с его робототехникой, нанотехнологиями, взрывными достижениями в научной и информационной среде. Кроме того, в связи с политическими потрясениями мусульманские общины, находящиеся в меньшинстве в странах Запада, будут вынуждены определиться с ответом на вопрос: «Кто мы в большей степени — представители нашей религии или граждане нашего государства?». Возможно, то же самое будет касать-

ся значительной части граждан СНГ, не исключая и россиян.

От религиоведов в этой связи я ожидаю не усугубления кризисных тенденций в развитии человечества и отдельных сообществ, а, напротив, слаженной и продуктивной работы с целью найти выход — совместными, с религиозными деятелями, усилиями — из мировоззренческого и догматического кризиса, который, увы, явственно проявляется во многих религиозных системах, не исключая и ислам.

В.Ш.: В последнее время, с учетом особой черты в русском характере — его эсхатологических акцентуаций, можно услышать много различных обеспокоенностей и даже толков в связи со 100-летием Социалистической революции. Мы уже более 25 лет живем в новой формационной реальности, но наш уклад жизни, наши установки мало изменились — наша социальность при всей ее технологизации и качественном росте скатывается в воспроизводство «совкового гражданина» и вульгарной феодализации, хотя, помнится тот же Столыпин дерзал: «Дайте мне двадцать лет покоя, и я реформирую Россию».

И если ещё 50 лет назад общество строило планы, мечтало и прогнозировало, каким будет светлое социалистическое/коммунистическое будущее, то сегодня у нас более сложная задача — 1) сделать/иметь комплексные, многофакторные выводы с учетом отраслевого разнообразия и 2) давать прогнозы и рекомендации

в части организации и обеспечения социально-политических процессов, с учетом контекста и уровня вызовов и задач по обеспечению стабильности общественно-государственного воспроизводства в новых условиях. В данном случае и этом контексте видится более уместной постановка вопросов с высоким уровнем категоричности — «а мы имеем более-менее четкое представление о том, в каких условиях, в какой реальности мы — российское общество — находимся и каким понятийно-категориальным аппаратом оперируем, чтобы это адекватно понять? Что это такое российское общество/государство в его само-ощущении/-идентификации, политико-правовой декларации и каковы его базовые параметры и характеристики?»

Д.Х.: В конце прошлого и начале нынешнего годов я как раз имел честь выступать на семинарах, посвященных этой проблематике. В частности, коллеги из Совета по внешней и оборонной политике поставили перед участниками одного из семинаров вопрос: «Нужен ли нам закон о российской нации?». Общими усилиями экспертов мы пришли к выводу, что законодательно вопросы национальной и гражданской идентичности невозможно решить, хотя бы это и предлагалось верховной властью. Советский опыт — тому яркий пример, когда неожиданно даже для политических и партийных элит вдруг оказалось, что никакой советской нации не существует, что это — мифологема

(даже не колосс на глиняных ногах, а просто «надутый пузырь»), не имеющая реального отражения в бывших советских республиках. Ядром так называемой советской нации были просто этнические русские, а вот определение всех остальных национальностей в этом геополитическом образовании (уникальном, безусловно!) зависит ныне от политического и идеологического курса независимых стран бывшего СССР. Часто, совершенно незаслуженно, русских рисуют оккупантами, а титульную нацию в той или иной республике — вовсе не равноправной частью «многонациональной советской общности», а колонизированной и пострадавшей национальной группой, пережившей чуть ли не этноцид.

Теперь заменим слово «советский» на слово «российский» и представим, что будет, если вдруг — не дай Бог, конечно! — Российская Федерация войдет в череду кризисов, аналогичных периоду конца 80-х — начала 90-х годов XX в. в СССР. Титульные национальности республик в составе РФ могут вспомнить, как несправедливо с ними обходились в царский период; как их депортировали в советский период; как им запрещали, законодательно через российский Парламент уже в наши годы, перевод графики их родных языков с кириллицы на латинский алфавит... Навязывание, через закон, принадлежности к российской нации может рассматриваться в этом же ряду исторических несправедливостей.

И, наконец, самым опасным может стать неравноправие разных религий в российском обществе, будь то имевшее место в действительности или же придуманное мистификаторами.

Мы, разумеется, прикладываем все усилия к тому, чтобы Россия развивалась как великое, единое, развитое государство. Но для этого необходимо, чтобы все составляющие нашу страну республики, национальности, религиозные традиции и их конфессии, все основные группы нашего населения чувствовали свою причастность к этому процессу. Невозможно сохранить единство нации и страны, если значительные по численности группы чувствуют себя пасынками. В этой связи от всех участников процесса — политиков и политологов, религиозных деятелей и национальных активистов, экспертов и чиновников — требуются крайне осторожные, взвешенные подходы к этим тонким сферам бытия. Увы, мы этого совершенно не видим. Напротив, очень часто складывается впечатление, что участники процесса строят мононациональное и монорелигиозное государство. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться: в этом «строительстве» этнические и религиозные меньшинства, при самом благоприятном раскладе, будут просто стоять в стороне.

В.Ш.: Уважаемый Дамир-хазрат, если позволите — частный, уточняющий вопрос: какой урок и/или вывод из истории нашего Отечества в XX в. для Вас может быть главным и какой

второстепенным, второго или третьего порядка?

Д.Х.: Как историк я часто размышляю о той вопиющей несправедливости, в атмосфере которой жили российские и советские мусульмане. Сразу поясню: я основываюсь в своих суждениях не на эмоциях, в том числе разных авторов, а исключительно на документах — из архивов, из прессы, из мемуаров...

Мне четко видится, что в целом мусульманское население Российской империи в начале XX века рассматривалось в Санкт-Петербурге и губернских центрах как потенциально нелояльное к власти, не говоря уже о враждебном или подозрительном отношении чиновников (вплоть до министров) к отдельным активистам из числа мусульман. Последние хотели всего лишь добиться равноправия с православными в политических, культурных и религиозных вопросах, однако в документах той эпохи они сразу получали от чиновников и жандармов ярлык «панисламиста», «пантюркиста» с соответствующими мерами репрессивного характера: слежкой, высылкой из страны или ссылкой в Сибирь, поражением в правах. Хоть мы часто и повторяем, что не надо бы дважды наступать на грабли, сегодня в отношении любого мусульманского активиста мы слышим в прессе примерно то же самое, с навешиванием совершенно абсурдных ярлыков; вероятно, и в списках у чиновников и силовых структур эти мусульманские активисты про-

ходят под теми же лейблами. Самое же парадоксальное, что в развале Российской империи мусульмане не участвовали совершенно, и все эти подозрения чиновников и слежка жандармов за имамами и выдающимися мусульманскими мыслителями были абсолютно бесплодными — удар по империи нанесли совершенно другие силы.

Все то же самое мы видим и в советский период нашей истории. Не буду слишком подробным, но лишь скажу, что сегодняшняя апологетика Сталина, Берии и прочих «великих» — на фоне совершенных ими ужасающих преступлений против сотен тысяч граждан, среди которых были десятки тысяч имамов, уничтоженных по абсурдным обвинениям без суда и следствия — приводит меня в глубокое уныние.

Для меня главный урок из нашей истории — что ныне живущие не делают должных выводов из того, что слишком хорошо известно всем и каждому исследователю. Это печально и не позволяет с оптимизмом смотреть в будущее.

В.Ш.: Спасибо, да — есть этот момент. Если же мы попытаемся определиться с характеристиками (качествами) среды своего бытования, включая и средства (институциональные и политико-правовые), какими мы в этой среде оперируем, давайте попробуем выделить те противоречия, которые, собственно, и являются двигателем основных трансформаций в обществе — его сознании и на

институциональном уровне — в его структурах.

Обращая внимание на совокупность событий в религиозной сфере страны и шире — социокультурном пространстве, затронувшей по большей части её наиболее уязвимый сегмент — новые религиозные движения (НРД), как бы Вы определили происходящее — что это за явление? Как Вы полагаете, подобного рода практики — последовательная принудительная политизация/радикализация, а затем и криминализации религиозной сферы (что вполне может оказать серьезное влияние и на этнополитические процессы, и на сферу межнациональных отношений), не являются ли свидетельством иного, более сложного процесса — подготовки условий трансформации конституционно-правового строя России — перехода из федеративного, например, в конфедеративное государство? (Очевидно же, что гарантия федеративности покоится на политико-идеологическом плюрализме, основа которого — мировоззренческие свободы гражданина; ограничение их — отсутствие условий для ограниченного суверенитета субъектов в рамках единого государственного образования.)

Д.Х.: Трудно сказать, к чему приведут нынешние трансформации в чуть более отдаленной перспективе. Возможно, когда-нибудь будущие историки назовут современную внутреннюю политику нашей страны «охранительной», по аналогии с

соответствующим периодом царской России. Конечно, в вышеназванных законах и, что еще более важно — в тех самых политических дискуссиях и тенденциях — есть элемент защиты от НРД, от сект и экстремизма. Но чаще всего объективные эксперты рассматривают их как откат от либерализма, в том числе в религиозной сфере.

Дело в том, что наряду с эсхатологическими настроениями наше общество испытывает резко возросший алармизм, в частности, в отношении ислама. Причин тому много: это и турбулентность исламского мира, и терроризм, действующий от имени ислама, и тенденциозность СМИ. Та самая «охранительная» политика, проходящая в русле построения моноконфессионального и мононационального государства, также оказывает свое влияние (а может быть, даже является определяющей) в росте алармистских настроений, доходящих порой до массового психоза. Элементы последнего видятся мне в новых лексемах и фразах, как то: Москвабад, шахидка, «дело о хиджабе»... В реальности, конечно, каждый такой вброс в СМИ на тему ислама имеет как заказчиков, так и многочисленные инструменты тихого, бесконфликтного разрешения ситуации. Но мы вновь и вновь наступаем на те же грабли, громко вопием об опасности «исламизации» России, не замечая очевидные угрозы для безопасности государства в виде экономической стагнации, конфронтации со всем

миром, стремительно набирающего обороты атомизма общества.

Мусульмане Российской Федерации в своем абсолютном большинстве — лояльные, законопослушные граждане, любящие свою Отчизну и заботящиеся о своем доме (в широком смысле слова). Примеров тому не счесть. Не замечать этого, красить всех последователей ислама в однотонные цвета, обвиняя во всех грехах, или мечтать о поголовном отказе мусульман от своей религии в пользу другой (увы, есть и такие деятели, востребованные в ряде СМИ, причем в качестве крупных специалистов по исламу) — значит, работать на развал единого государства.

В.Ш.: Уважаемый Дамир-хазрат, в контексте означенных проблем, обращает на себя внимание, если можно так сказать, «бездействие» Межрелигиозного Совета России, в состав которого, как известно, не входят НРД, — можно ли полагать, что представители традиционных религий не видят за этой столь вульгарной правоприменительной избирательностью угрозы в ограничении хозяйственных свобод и статуса своих религиозных объединений, ведь недалек тот час, когда Верховные или Конституционный Суды дадут рекомендации по итогам обобщения судебной практики?

Д.Х.: Я хотел бы заметить, что мусульманское сообщество России никто особо не спрашивает о путях развития государства и общества; в последние месяцы, наоборот, мы час-

то оказывается уже перед готовым решением, которое было принято кулуарно в ущерб межрелигиозному согласию в стране. Приведу пример с введением конфессионально окрашенных учебных дисциплин в общеобразовательной школе. Мне лично приходилось участвовать в дискуссиях, в том числе в форме публичных круглых столов, относительно этого и других аналогичных вопросов. Оппоненты, как правило, говорят о том, что наша школа не должна быть атеистической. Я с этим согласен (между светскостью и атеизмом, что очевидно — огромная разница). Они также апеллируют к тому, что большая часть населения исповедует православие. С этим тоже никто не спорит. Но как быть с религиозными меньшинствами? А нужно ли учитывать сложносоставной характер Российской Федерации, ведь большинство экспертов не желают доехать до Махачкалы, Грозного, Магаса, Элисты, Кызыла, чтобы понять всю неоднозначность ситуации в этом, казалось бы, очевидном вопросе?

В этих условиях мусульмане развивают межрелигиозный диалог, исходя из своих возможностей и возможностей своих визави. Например, председатель Духовного управления мусульман РФ и Совета муфтиев России муфтий шейх Равиль Гайнутдин является желанным партнером по диалогу для лидеров традиционных конфессий нашей страны и республик СНГ, вне зависимости от их представленности в Межрелигиозном

совете. Речь идет о католиках, армянах, протестантах и др., а также ряде религиозных движений, которые трудно классифицировать однозначно (например, ко мне обращались руководители бекташитов с просьбой организовать для их лидера встречу с шейхом Р. Гайнутдином). Скажем, у мусульман сложились очень тесные взаимоотношения с протестантскими структурами: глава РОСХВЕ епископ С. Ряховский является нашим постоянным гостем, возглавляемые ими адвокатские объединения работали, в том числе, над решением сложных судебных вопросов, затрагивающих именно мусульман (дело о женских платках в паспорте и т.д.). Мы в Московском исламском институте взяли за правило приглашать ведущих деятелей разных конфессий в качестве лекторов на наших курсах повышения квалификации для имамов со всей России (проходят дважды в год). Во время этих курсов, к примеру, имамы посещают Еврейский центр и музей толерантности в Марьиной Роще в российской столице, это стало уже доброй традицией. Таким образом, полуофициальная стратификация российских религий на «представленные» и «непредставленные» в разных советах нас не очень затрагивает.

В.Ш.: Да, со своей стороны, мне отраднo отметить, что эта Ваша взвешенная и внятная позиция имеет свои позитивные последствия — я также неоднократно участвовал в Ваших мероприятиях и, надеюсь, эти

уважительные и обогащающие партнерские отношения будут только наращиваться.

Кстати, Вы случайно не обратили внимание на инициативы Его Святейшества, Папы Римского Франциска? Если еще год назад интенции его слов дали повод к заголовкам «Папа нового мирового порядка», то буквально вчерашние о создании «наднационального монетарного органа» — поставить вопрос «...и кто после этого скажет, что понтифик не обслуживает интересы сообществ, строящих тотальное царство, где всё на всех уровнях будет управляться из одного центра?», как это сделал в своей ленте протоиерей Всеволод Чаплин (член Общественной Палаты Российской Федерации), активно ставящий проблему «религиозно-ориентированного» банкинга. Хотелось бы понять, как Вы, специалист религиозной, гуманитарной сферы, понимаете и чувствуете в своей деятельности те интенции (векторы), которые обычно именуют «религиозным фактором» — что это такое для Вас и как это?

Д.Х.: В отличие от других религий для Ислама как раз характерно существование «религиозно-ориентированного» банкинга. Более того, иногда мне кажется, что это именно исламский банкинг послужил отправной точкой для дискуссий на эту тему в среде лидеров и спикеров Церкви. К великому сожалению, в России нет законодательной основы для функционирования исламских банков. То есть, несмотря на финансовые

санкции со стороны стран Запада (и их союзников в Азии), несмотря на финансово-экономический кризис в сегодняшней России, несмотря на множество предложений от богатейших государств (прежде всего стран Залива) и отдельных финансовых групп исламского мира, российские финансовые власти не стремятся заполучить многомиллиардные беспроцентные (это ключевая особенность исламского банкинга!) инвестиции со стороны исламских банков. Умом Россию не понять! — в том числе партнерам из богатых арабских и мусульманских государств...

В.Ш.: Да уж — это точно — «умом не понять»... Дамир-хазрат, можно небольшое уточнение? Если заметить в новогодне-рождественских действиях Понтифика закономерность, как Вы думаете — каким будет следующий, 2018-го года, шаг Его Святейшества — развития каких аспектов «социального богословия» ожидать и как они могут повлиять на мир и его регионы?

Д.Х.: Сегодня Ватикан довольно активно наступает на консерваторов, примером чему является не имеющая прецедентов отставка великого магистра Мальтийского ордена после его разговора с Папой Римским. Эта политика, видимо, будет усиливаться, чтобы массы верующих во всем мире, испытывающие давление со стороны либеральных идей и живущие в условиях победившего материализма (на эти процессы накладываются еще общая геополитическая

трансформация, финансово-экономический кризис, переход власти в руки правых популистов и националистов, а также серьезные моральные скандалы в лоне Церкви), не слишком далеко отделились от своего религиозного центра.

Для мусульман интересна, прежде всего, политика Ватикана в свете межрелигиозного диалога, причем самым главным нам видятся шаги в сфере изменения богословских взглядов. В частности, решения II Ватиканского Собора относительно ислама создали, впервые в истории, совершенно новую почву для такого диалога, где представители Католической Церкви понимают и частично принимают воззрения мусульман на природу Марии, Иисуса, Евангелия. Нам, в России, разумеется, хотелось бы движений в аналогичную сторону со стороны Православной Церкви... Но если это невозможно — а, по всей видимости, это и правда невозможно в нынешних условиях — то и шаги Ватикана в этом направлении мы будем рассматривать как шаги всего христианства в сторону диалога с исламом (потому что для рядового мусульманина принципиальной разницы между католиками и православными не существует).

В.Ш.: Дорогой Дамир-хазрат, хотел бы затронуть, если позволите, деликатную и напрямую связанную с контекстом этих уточнений проблему базовой дефиниции — что есть «религия», и даже не в аспектах развития «модных» концептов секулярности-

постсекулярности, постмодернизма и/или полионтологизма, «Бог умер» или «смерти автора» — нет. Очевидно, что религия, религиозное мировоззрение в широком смысле — это один из уровней мышления (сознания) наряду с мифологическим (эклeктичным) и сциентистским, а о ней, о религии как феномене, рассуждают как о субстанциональном... Но есть ли на деле то, что может лежать в основе того, что мы все еще именуем религией, и даже институционализировали?

Также очевидно, что такой феномен как вера, на основе которого покоится система, именуемая религией(ями), есть общее свойство/функция высоко развитого биологического вида — человека, без которого или вне которого последний не мог бы иметь ни своего статуса, ни того, что есть его субстанциональное — бытия.

Таким образом, перед нами открывается сложнейшая проблема базовых определенностей культуры — оснований и структуры бытия, с одной стороны, а с другой — достаточности оснований для установления статуса и видовых различий субъектов, участвующих в воспроизводстве социальности.

Перед нами открывается не просто конфликт истории(й) — логика и динамика смены формаций и порядков/практик установления форм правопреемственности институтов(ций), выразивших идею(и) и/или являвшихся её носителями, но и собственно

принципа(ов), который(е) полагае(ю)тся в основание модели бытия. И, похоже, как и 100 лет назад, Мир еще только у самого порога перед комнатой, где будет вестись дискуссия о принципах нового миропорядка.

Сегодня, в контексте этого разговора, как бы Вы, определили, что такое Религия и, если не учитывать политическую спекулятивность (вечные/общечеловеческие ценности, код культуры, «духовные скрепы»), благодаря чему или вопреки чему она сможет сохранить свое место (возможно — роль) в системе нового миропорядка.

Д.Х.: Дихотомия «религия — нерелигия», «религиозное — светское» является характерной чертой, прежде всего, христианского мировоззрения. Для исламского мировоззрения вопрос так не стоит в принципе. Вся культура любого мусульманского народа пропитана исламской религией, а все светские науки в истории исламской цивилизации были интегральной частью богословия. Собственно, как мы знаем, даже терминология ряда светских наук (алгебра, алгоритм, цифра и т.п.) происходит из арабского языка, мы пользуемся арабскими цифрами и названиями созвездий, достижения арабско-мусульманской медицины или географии в свое время доминировали по всему миру, хотя при этом большая часть нынешних обывателей не может назвать ни одного мусульманского ученого в области физики, химии, математики, астрономии и пр. Начав-

пись в эпоху Средневековья как дисциплины, объясняющие ряд сюжетов в исламском богословии или исламской космологии, в Европе они превратились в светские науки, никак не связанные с религией. В отличие от христианства религия, дин, для мусульманина является константой, из которой происходят все другие отрасли знания, включая современные научные достижения.

Другое дело, что материализм оказывает свое воздействие и на общественные процессы, происходящие в мусульманском мире, что чревато потрясениями по причине застоя в исламском богословии. Не секрет, что на протяжении последних столетий исламская богословская мысль (наверное, та же проблема касается и других религий, но для меня прежде всего важен ислам) по большей части выродилась в спекулятивный дискурс, посвященный формальным вопросам, в то время как глубинные размышления о Боге (что, собственно, и является ключевым предметом теологии) и Его творениях ушли на дальний план. Правда, время от времени те или иные мыслители пытались выйти за пределы границы дискурса, который сформировался в мусульманском богословии. Мне очень приятно осознавать, что российские мусульмане были одними из первых, кто на рубеже XIX–XX вв. сформулировал ряд идей, напрочь переворачивающих наши представления о богословии как о наборе застывших догм. К сожалению, в ту эпоху эти идеи

были восприняты в штыки — потому что опережали свое время на целое столетие, а впоследствии, в 20–30-е гг. XX в. мусульманская богословская мысль в России просто физически была уничтожена вместе со своими носителями. Но сегодня у нас есть шанс вытащить из небытия, описать и популяризировать наследие наших предков, одновременно пересматривая схоластические наслоения, в том числе наших современников — зарубежных консервативных улемов — в исламском богословии.

К примеру, сегодня мы говорим о кораническом гуманизме и выдвигаем вперед учение Мусы Бигиева (1874–1949) о всеохватности божественной милости. Рано или поздно, говорит этот выдающийся мусульманский мыслитель, даже великие грешники будут помилованы Богом и введены в Рай, и это положение касается последователей всех религий, ибо милость Божья опережает Его гнев. Развивая это учение, мы снимаем важнейший барьер на пути межрелигиозного диалога и, самое главное, преодолеваем такую серьезную проблему, как эксклюзивизм, который характерен для всех религиозных течений. Следовательно, отпадает богословская почва под теми экстремистскими воззрениями, которые ведут вооруженный джихад против представителей всех других религий и школ, включая и самих мусульман, не согласных с этим радикальным взглядом на мироустройство.

Думаю, обмирщение верующих — это естественный процесс развития христианства на современном этапе. Исламскому миру, если говорить о нем в глобальных масштабах, подобное пока не грозит.

В.Ш.: Уважаемый Дамир-хазрат, если позволите, опираясь на в веках сформированное наследие религиозных традиций Христианства, Ислама, Иудаизма, Индуизма, Буддизма, Синтоизма и множества других этно-культурных традиций, хотел бы затронуть еще одну не очень простую и, скорее всего, стратегического порядка проблему — о качестве социально-гуманитарной пространства России, о среды нашего бытования.

Как Вам хорошо известно, в настоящее время в общественном пространстве многих стран, и особенно в России, активно дискутируется проблема неартикулированной общественно значимой идеологии, что делает в целом уязвимой установки внутренней политики, а также неочевидности стратегии и политик в конкретных отраслях хозяйства, включая систему права. Частично эта ситуация преодолена за счет принятых Концепций и Стратегий, например, обороны и внешней политики, национальной и информационной безопасности, национальной и культурной политики и др. Но социальная сфера жизни общества имеет сложную структуру, а её целостность и единство обеспечивается не только идеологическими средствами, но

именно последними дискредитируется и вульгаризируется.

Как Вы полагаете, в условиях конституционного запрета на государственную идеологию, не будет ли конструктивным шагом создание рамочного документа, посвященного описанию структуры социального пространства — сферы, институты и процессы, стереотипы и трансформации, уклады и ценностные установки, инструменты и технологии, взаимодействие и солидарность — своего рода Стратегии (Концепции) развития социально-гуманитарной сферы страны? Будь такой документ, он вполне мог бы нести политико-идеологическую нагрузку — в нем могли бы найти отражение параметры тех идей (идеологем), которые можно формализовать в качественно-количественные показатели и увязать с основными динамиками по отраслям, если государство декларирует своей главной целью развитие потенциала человека (личности) в контексте развития качества среды его обитания и совершенствования средств (инструментов) и механизмов воспроизводства среды / культуры. Это — первая часть вопроса-проблемы.

И вторая. Как известно из опыта цивилизованных стран, реализация подобных проектов обеспечивается за счет освоения нового знания — трансформации отраслевых тезауросов (словарей, понятий), совершенствования технологий, формирования компетенций нового уровня [в III тысячелетии — это наукоемкие технологии,

человеческий (гуманистический) капитал] в целях удержания реальности нового типа. В отличие от большинства стран Старого Света, Россия до настоящего времени все еще не включена в воспроизводство тезаурусов цивилизационного типа на национальном языке — она все еще не имеет аналогов «*Patrologia Latina*» и «*Patrologia Graeca*» — полного свода нормативных (канонических) текстов религиозно-философского характера, хотя попытки их создать предпринимались давно, например, в православной традиции митрополитом Филаретом (Дроздовым).

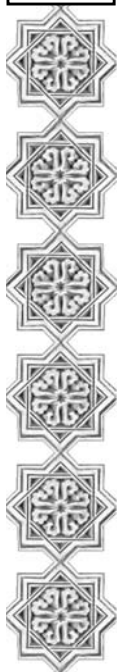
Д.Х.: Государство призвано, помимо всех прочих функций, соблюдать баланс и регулировать взаимоотношения между разными группами интересов — в частности, между разными религиозными традициями и конфессиями. Если мы возвращаем храмы или даже музейные комплексы только одной религиозной общине и реставрируем только их, игнорируя интересы всех остальных (более того: в Калининградской области, как известно, в адрес Православной Церкви были переданы храмы протестантов, что никак нельзя причислить к процессу восстановления справедливости или к процессу церковной реституции); если в регионах позиция губернаторов по вопросу землеотвода для строительства единственной мечети (на собственные, не бюджетные средства) зависит от местного архиерея; если без широкой дискуссии, втихую, вводим в школьную про-

грамму все новые и новые учебные предметы, рассказывающие только об одной из многих традиционных российских религий (конфессий) — значит, государство устранилось от своей функции регулятора между столь важными институтами общества, как религиозные организации. Более того, на взгляд рядовых российских мусульман, государство само проводит в жизнь (нарушая при этом принципы светскости государства и равноудаленности от всех религий) линию на построение монорелигиозного общества, что не может с их стороны не вызывать отторжения от этой линии. Самое опасное — если на основе какой-либо одной религиозной системы государство попытается сделать идеологическую платформу, как то было в Российской империи. Этот утопичный проект обречен не просто на провал, но и приведет к обрушению многих конструкций, все еще скрепляющих наш российский социум.

В нашем обществе, увы, сфера законоприменения очень избирательна, поэтому мусульманское сообщество в целом является всего лишь пассивным наблюдателем того, как создаются такого рода законы, концепции, стратегии. С нами не советуются при их составлении — в этом вся беда.

С понятийным аппаратом в среде российских мусульман много сложностей, потому что русский язык вплоть до Новейшего времени никогда не использовался в качестве языка общения мусульманских народов, соответственно, он не имеет того инс-

трументария, который необходим для объяснения разных восточных терминов. Например, слово «аят» — это значительно больше, чем просто «стих», ибо аят (кораническая фраза) переводится как «чудо». Трудно подобрать адекватные определения для таких сложных и политизированных конструкций, как «джихад», «шахид», «такфир», тем более эти слова уже вошли в лексикон россиян в резко негативной коннотации. Мы даже фразу «Аллах акбар» рассматриваем как девиз террориста, хотя ее значение никак не противоречит сознанию представителя любой религии: «Бог превыше всего».

Если мы начнем переводить абсолютно всю терминологию на русский язык, нас будут обвинять в прозелитизме и, пожалуй, привлекут к ответственности на основании одного из вновь принятых законов, который Вы упомянули ранее. Ибо исламский текст или дискурс, будучи полностью переведенным на русский язык, мало чем отличается от христианского, потому что на выходе мы получим: «Славься, о Боже, достойный, да святится имя Твое, да возвысится величие Твое, нет другого бога, кроме Тебя» (я перевел текст мольбы Сана, которая читается в начале каждой мусульманской молитвы). Правда, мусульманские молитвенники, переведенные на русский язык, уже запрещены как экстремистская литература!

Мусульмане России и без того на протяжении столетий развивались

довольно автономно от большинства населения, они испытали на себе весь груз гонений на их религию в период до 1905 г., затем российские мусульмане оказались одними из самых пострадавших от сталинских и хрущевских репрессий. В отличие от православных, у нас не сохранилось никаких образовательных институтов (в советское время они были только в Узбекистане), то есть была нарушена преемственность поколений в вопросе передачи богословских знаний. До 2000-х гг. наша молодежь получала религиозное образование в основном за рубежом, и не всегда эти знания было возможно применить в жизнь в российском обществе, а порой они приводили к экстремистским лозунгам — в одночасье привести все окружающее общество в соответствии с шариатом. С этим печальным историческим наследием нам еще долго жить, и по совокупности этих причин российские мусульмане еще длительное время будут сторонними наблюдателями в деле построения российской нации.

Но нам — религиозным активистам, представителям мусульманского религиозного истеблишмента (если можно так сказать), очень хотелось бы поменять эту ситуацию. Поскольку большая часть изменений в нашей стране приходит в регионы из столицы, роль мусульман-москвичей в деле социализации российского ислама трудно переоценить. Поэтому-то мы, сотрудники ДУМ РФ, Совета муфтиев, Московского исламского инс-

титута, являемся активными участниками всех более-менее значимых мероприятий в социальной, гуманитарной, межрелигиозной, иногда и политической сфере. Если в кругах интеллектуалов созреет идея о необходимости написания такой Концепции развития социально-гуманитарной сферы, мы всегда будем готовы принять в этой работе самое активное участие.

В.Ш.: Уважаемый Дамир-хазрат, спасибо Вам за эту четкую и позицию и развернутый комментарий — все эти озабоченности не только имеют место быть, но их, на мой взгляд, нужно как можно чаще артикулировать на всех уровнях.

Простите, а Вы не могли бы сделать уточнение: если обзреть год ушедший с учетом исторической значимости и потенциала, какие из его событий Вы определите как значимые и какие тенденции/противоречия было бы хорошо, если бы получили развитие и состоялись?

Д.Х.: Тенденций было много, причем они настолько противоречивые, даже если исходят из одного и того же кабинета, что сложно определить, куда же мы все таки движемся. Квазипатриотизм — одна из таких болезненных тенденций, когда стало опасно говорить правду относительно ситуации в обществе, без того, чтобы не быть освистанным толпой непонятно откуда взявшихся маргиналов. В прошлом году мы как раз увидели, как российские хунвейбины чуть было не сделались работни-

ками агитпрома, причем чуть ли не с подачи государственных сановников. На мой взгляд, органы безопасности государства, иногда медицинские работники должны были бы внимательно отслеживать, почему тот или иной сумасброд продвигается в качестве аналитика, и пресекать подобные попытки откровенно ангажированных, иногда неадекватных персонажей пропиариться на сложной, потенциально взрывоопасной тематике.

Буду рад, если государство и общество осознают пагубность попыток создания государственной идеологии, тем более втягивая в это религию; если журналисты перестанут кошмарить россиян своими фантастическими сценариями, а в качестве экспертов они будут приглашать настоящих ученых и авторитетных специалистов; если ответственные лица будут привлекать наиболее авторитетных мусульманских духовных лидеров России не просто как статистов, а для получения реальных советов в том или ином вопросе. От воплощения в жизнь этих постулатов во многом зависит здоровая атмосфера в нашем обществе, что на сегодняшний день можно рассматривать как уже большое достижение.

В.Ш.: Уважаемый Дамир-хазрат, если позволите, в завершение нашей встречи небольшая просьба, связанная с Международным днем философии и Всемирным днем религии и вот уже с началом Всемирной недели гармонизации межрелигиозных отношений.

В библиотеке РАНХиГС мы устроили собеседование у так называемого «философского камня», а по его окончании один из наших студентов, как это водится у молодых и жаждущих открытия полноты то ли бытия, то ли Истины, представил 10 вопросов с просьбой ответить на них.

Будем рады Вашему мнению в формате блиц:

1. Какова природа Вселенной?

Д.Х.: Вселенная состоит из галактик, между которыми — сообщающееся пространство, что-то типа всепроникающего эфира. Галактики классифицируются на 4-5 категорий, их можно было бы градировать и так: зарождающиеся, устоявшиеся, зрелые, старые, умирающие (квazarы); внутреннее пространство галактик состоит из того же разряженного вещества типа эфира. Вселенных может быть больше, чем одна, и в этом случае они тоже сообщаются между собой посредством этого космического пространства. Фотоны, нейтроны, электроны, позитроны, нейтрино, кварки и прочие частицы наполняют этот эфир; образуясь из разрушающихся галактик, они создают потом новые галактики, звезды и планеты.

2. Есть ли какое-то Высшее Существо?

Д.Х.: Вся Вселенная или все вселенные и есть проявления Высшего Абсолюта (мне не нравится слово «существо», поскольку в моем представлении принижает Его образ), Который

их создал посредством универсальных природных законов. Мы не знаем, где Он находится относительно планеты Земля — скорее всего, мы внутри Него, ибо Он объемлет всё и вся.

3. Каково место человека во Вселенной?

Д.Х.: Человек — одно из Его творений, в котором проявились наилучшие качества живого существа, первая из которых, согласно исламу — ответственность, то есть осознание своего места в мире (и во Вселенной, соответственно), относительно друг друга и относительно живой и неживой природы вокруг. Вне зависимости от того, сознают это верующие или нет, понимают это мусульмане или нет — ответственность перед всем и вся является ключевым элементом характеристики человека как сотворенного существа.

4. Что такое реальность?

Д.Х.: Жизнь, которой мы живем; а иногда — и идеи, которыми мы живем.

5. Что определяет судьбу каждого человека?

Д.Х.: Предопределение (в исламе — кадар). Я его определяю как программу, записанную на носителе; под последним можно понимать человеческий геном или ДНК.

6. Что такое добро и зло?

Д.Х.: Отвечу словами Пророка ислама: «Если ты чувствуешь в своем

сердце стыд за совершенный поступок — это и есть зло вне зависимости от того, что говорят об этом другие». Критерии добра и зла определяются человеческой моралью, и иногда то, что вчера рассматривалось как негодное, сегодня принимает другой статус; однако в сердце человека всегда должно оставаться место для различения добра и зла вне зависимости от изменившейся позиции общества.

7. Почему наша жизнь такая, какая она есть?

Д.Х.: Ее можно поменять — изменением своего отношения к жизни и к самым обычным явлениям и фактам вокруг тебя. Счастлив не богач, не правитель, не знаменитость — счастлив тот, кто чувствует себя счастливым вне зависимости от жизненных обстоятельств. В исламе есть соответствующее объяснение о состоянии верующего, который всегда благодарит Бога, даже если жизнь сложна и полна проблем.

8. Каковы идеальные отношения между личностью и государством?

Д.Х.: Независимая личность лучше патронируемой государством.

9. Что такое любовь?

Д.Х.: Любовь к другому человеку (обществу, родине и т.д.) есть проявление любви к Создателю.

10. Что происходит после смерти?

Д.Х.: Другая жизнь, на уровне тончайшей души, общающейся с другими ей подобными; или на уровне мыслеформ, или ноосферы, или вселенского разума — названия могут быть разными, но суть одна и та же.

В.Ш.: Дорогой Дамир-хазрат, благодарю Вас за эту увлекательную дискуссию. Пользуясь случаем, передаю Вам приветствия от наших коллег с кафедры гос-конфессиональных отношений и кафедры национальных и федеративных отношений ИГСУ РАНХиГС, которые высоко Вас ценят, а в Вашем лице — всем коллегам в Московском исламском институте и в Духовном управлении мусульман; мы будем рады дальнейшему плодотворному взаимодействию — спасибо.

Д.Х.: Спасибо!

Академик Андрей Смирнов

ФИЛОСОФИЯ ВСЕГДА ДОЛЖНА БЫТЬ НЕДОВОЛЬНА

КАК ЗНАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО КОГНИТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО МОЖЕТ ПОМОЧЬ ДОГОВОРИТЬСЯ С ИНОПЛАНЕТЯНАМИ

112

О современной российской философии в мировом контексте, о том, почему в России так любят французских философов, и о культурных кодах исламской и западной культур с ответственным редактором «НГ-науки» Андреем ВАГАНОВЫМ беседует директор Института философии РАН, академик, доктор философских наук Андрей СМИРНОВ.

Предлагаем вам сейчас часть их беседы, посвящённую исламской тематике: «Как мыслим, так и существуем».

— Мне бы хотелось немного поговорить о сфере ваших научных интересов. Вы специалист по философии исламского мира, автор оригинальной концепции возможностей понимания смыслов других культур, их языков. Совсем недавно вы выступали на Президиуме РАН с научным сообщением «Глобализация и арабo-мусульманская культура». Базовое понятие в вашей концепции — «кол-

лективное когнитивное бессознательное» (ККБ). Нет ли здесь пересечений с такими широко используемыми сегодня понятиями, как ментальность, общественное бессознательное?

— Конечно, пересечения есть. Пары понятий употреблялись давно: и «коллективное бессознательное» Юнга, и «когнитивное бессознательное» активно употреблялись и употребляются в психологии. Но три вместе

этих предиката — коллективное когнитивное бессознательное — не употреблялись вместе как одно понятие, насколько я знаю, до сих пор.

Это можно было бы назвать более просто — «интуиция». Какие-то вещи, которые мы не осознаем, но которые тем не менее руководят нами подспудно. Как режиссер: он же не появляется физически на сцене, но появляется в том смысле, что именно он поставил этот спектакль. Интуиция — это и есть такой режиссер, который «режиссирует» актерами, а именно — нашими смысловыми конструкциями, возникающими у нас в головах. Начиная с элементарной логики (закон тождества, закон исключенного третьего).

Вот пример, который я люблю приводить. Помните, в фильме «12 стульев» поднимается на борт судна Киса Воробьянинов, и руководитель агитационной кампании спрашивает Остапа Бендера: «Это что, и есть ваш мальчик?» А тот отвечает: «Кто скажет, что это девочка, пусть бросит в меня камень». Смешно. А почему смешно? А потому, что мальчик и девочка по логике языка, — но не с точки зрения формальной логики, — это противоположности. И здесь работает явно закон исключенного третьего: любой человек либо девочка, либо мальчик. Но смешно потому, что это не так. Языковая логика нарушает формальную логику. То есть в основе этого «смешно» лежит нарушение логической закономерности, которую мы интуитивно чувствуем.

Вот эту интуицию я и предлагаю называть коллективным когнитивным бессознательным. Когнитивное — это процесс переработки информации; бессознательное — мы, как правило, не осознаем, например, почему мы смеемся над тем или иным эпизодом.

— **Кстати, не случайно юмор тяжело переводится на другие языки.**

— Очень тяжело! Но он еще и тяжело анализируется. Когда мы его начинаем анализировать, мы его разрушаем. И это только один из примеров.

Моя идея заключается в том, что эти базовые интуиции могут быть разными у разных культур. Точно так же, как языки разные. Любый ребенок, когда начинает осваивать язык, может заговорить на любом языке, если у него соответствующее окружение. Но когда ты освоил один язык, следующий язык будет уже выученным, а не родным.

Мне кажется, точно так же коллективное когнитивное бессознательное универсально. Но культура, в которой мы растем, формирует определенным образом наши базовые интуиции, без которых мы не можем осознавать — вот что важно. Без этого не произойдет формирование субъективной реальности, не возникнет сознание.

— **И всё-таки, на ваш взгляд, что влияет на формирование коллективного когнитивного бессознательного?**

Может, это география, климат, религия — что?

— Вопрос, который интересно задавать, но на который я не знаю точного ответа. Точно так же никто не скажет вам, откуда взялся язык.

— А ведь было бы интересно попробовать воздействовать или как-то регулировать это ККБ...

— Это очень фундаментальные вещи. Я не думаю, что их легко регулировать. Разве что через систему образования.

Но интуитивное ощущение, что культура устроена как-то не так, как мы ожидаем, выражали очень многие востоковеды-исламоведы, представители других востоковедческих специальностей. Вот, например, книга Франсуа Жюльена «В обход или напрямик». Она переведена на русский язык. Автор пишет во введении, что пока не вник глубоко в устройство китайской культуры, он не понимал, насколько уникальна наша собственная, западная культура, та, которую мы унаследовали от греков и римлян.

Это значит, что какие-то вещи воспринимаются как сами собой разумеющиеся до тех пор, пока ты не увидел устройство другой культуры. И тогда основания твоей собственной культуры перестают быть тривиальными. Другие крупные культуры — китайская, индийская, исламская — это сложно устроенные зеркала, в которых мы видим не просто свое отражение. Мы способны в этих зеркалах

разглядеть то в себе, что мы не видим, пока мы находимся в пределах своей собственной культуры.

Это — как понятие универсальной силы в физике. Мы можем себе представить, что существует некая универсальная сила, которая все тянет вверх, включая приборы, которые она тянет вверх! Ее нельзя обнаружить. А вот другая культура — это такая культура, в которой некоторые из таких сил не действуют. И вот тогда мы их можем заметить.

В этом, как мне кажется, глубокий философский, эпистемологический смысл изучения других культур. В них мы обнаруживаем смысловое устройство, которое не обнаруживаем в своей культуре.

Сетевой ислам

— Я процитирую отрывок из резюме вашего выступления на заседании Президиума РАН. «ККБ лежит в основании системы ценностей, картины мира и нормативных систем, обеспечивая осмысленность жизненного мира человека. Вариативность ККБ объясняет нередуцируемую вариативность культур». То есть, скажем, мультикультурализм, политика экспорта демократии изначально были обречены? Получается, что мы пожинаем плоды того, что политики не прислушались вовремя к философам...

— Наверное. Что касается мультикультурализма, то это термин, ко-

торый приложим к западным странам. Попытка включить мигрантов в западное общество, сделать так, чтобы они бесконфликтно там существовали. Но это совсем не ситуация нашей страны, где многие века сосуществуют разные религии и культуры и где мусульмане, к примеру, вовсе не являются иммигрантами.

Что касается экспорта демократии. Я думаю, что идея здесь была общечеловеческая. Если человек — родовое существо, то любая культурная специфика подчинена общему, родовому. Эта идея — традиционная для западной философии. Универсальность человека подкрепляется здесь универсальностью разума. С точки зрения универсальных разумных истин очевидно, что более эффективное общество лучше, чем менее эффективное. И коль скоро западные страны на своем опыте показали, что они способны осуществить самое разумное, самое эффективное устройство общества (западная демократия, права человека, либерализм, разделение власти и т.д.), то теперь сама человечность требует распространить это на весь мир, чтобы все наслаждались этими благами. Но если это кому-то не нравится, можно немножечко поднажать...

Это, так сказать, идеологическая оболочка. А на самом-то деле за теми событиями, которые происходили и происходят в арабском мире, в Ираке, в Ливии, в Сирии, в Йемене, — за ними стояло совсем другое: попытка устранить очаг самобытности, ко-

торый не желал так уж легко принимать те стандарты, которые все страны, по мнению Запада, должны принять. Ведь, обратите внимание, перечисленные выше государства — это страны, в которых влияние США было минимальным. То есть те страны, которые пытались какое-то свое устройство общества сконструировать. Хорошее оно или плохое — другой вопрос. Оно, конечно, не было идеальным. Никто не говорит, что Саддам Хусейн соблюдал все законы. Но то, что сделали в итоге с Ираком, привело к стократ худшей ситуации. Все было сделано в интересах поддержания того миропорядка, который сложился в XX веке и который обозначают интересным словосочетанием — «лидерство США».

— А в ответ на это давление западный мир получил реакцию, которую условно можно было бы назвать «исламским взрывом», то есть **распространением ислама в мире?**

— С одной стороны, это так и есть. С другой — под этим лежат более фундаментальные причины.

Те крайне уродливые проявления этого «исламского взрыва», о котором вы говорите, в виде «Исламского государства» (запрещено в России. — «НГ») — это результат очень длительного процесса роста исламского сознания. Этот процесс, как мне представляется, начался еще в 20-е годы прошлого века. После окончания Первой мировой войны, когда распалась Османская империя, когда

возникла Турецкая Республика, был ликвидирован халифат.

Нормальное, традиционное исламское общество как бы расщепилось. (Как атом расщепляют на «плюс» и «минус».) В качестве «плюса» фигурировало то, что сейчас называют «культурный ислам». Идея такая: ислам должен уйти в область частной жизни, но он не должен вмешиваться в политику, не должен определять систему законов, не должен определять устройство жизни. Все это должно быть устроено на чисто рациональной основе — так, как на Западе. Именно потому, что она, эта западная цивилизация, уже доказала свою эффективность. Так и должно быть, чтобы возникла некая общечеловеческая глобальная цивилизация.

Но сразу же выделился и «минус» в виде «политического ислама». Сформировалось очень мощное общественное течение, которое стало доказывать то, что раньше и доказывать не надо было. Исламское общество должно быть устроено на других началах; в исламе нет разделения на светское и духовное, как это было в западном обществе и где можно было увести религию только в область частной жизни; халиф исполнял функции и земные, и небесные: заботился о земных интересах мусульман и об интересах их будущей жизни (то есть халиф не является ни светским, ни религиозным правителем — он осуществляет гармонию обоих начал). Короче говоря, утверждалось, что общество надо конструировать

на другой основе, чем западное общество.

В результате возникло стремление на уровне массовой психологии вернуться к традиционным нормам исламской жизни, начиная с одежды, внешнего облика, поведения (отказ от алкоголя), возвращения к обрядовости (праздники, пост и т.д.). Возродились соответствующие языковые формы, изменилось невербальное поведение.

Это все можно наблюдать и у наших, российских мусульман. Ведь дело в том, что исламский мир представляет собой нечто единое. Исламская умма (община) едина в рамках всего мира, несмотря на все внутренние деления. То, что происходит в одном уголке исламского мира, отдается в другом. И так всегда было. В этом смысле исламский мир всегда был глобален. Даже тысячу лет назад, когда средства коммуникации были совсем не такие, как сейчас. Это было глобальное культурное пространство. Трудно представить, но при тех средствах коммуникации рукописи, которые писали в Дамаске, были тут же фактически известны в Кордове. То есть то, что писалось на Востоке исламского мира (в Машрике), тут же читалось и воспринималось на крайнем Западе (в Магрибе). Мусульманское сознание привыкло к этой глобальности в пределах исламской культуры.

— Поразительно при этом, что нет верховного лидера у этих ислам-

ских волн, как папа Римский в католицизме например.

— Нет иерархической организации. Ее и не было никогда. Нет даже привычки культурной к иерархическому подчинению, во всяком случае, у суннитов.

А с другой стороны, это общество очень привыкло к тому, что сейчас называют «сетевая организация». А что это такое? Это коммуникация от «одного» к «другому». Для исламского мира, повторю, это культурная привычка. Это то, что компенсирует отсутствие иерархического управления.

НЛО и крестоносцы

— Немного снижая философско-политический пафос нашего разговора: если доводить вашу концепцию коллективного когнитивного бессознательного до предельного случая, то получается, что с инопланетянами и не существует даже теоретической возможности договориться?

— Как раз наоборот. Если мы поймем, что такое ККБ, тогда мы получим такую возможность. А вот если мы это не будем учитывать, тогда наш разговор будет сбиваться. Мы будем слышать от собеседника вещи — и он от нас, которые мы будем неверно интерпретировать. Мы будем понимать не то, что собеседник хотел сказать.

— **А в истории бывали такие ситуации?**

— Да, конечно. Вот, например, хроники крестовых походов. То, что

люди видели сами, якобы собственными глазами. Они утверждают, что в мусульманских мечетях стоят золотые статуи Мухаммеда. Им поклоняются, несут подношения из драгоценных камней и т.д. То есть описывается ритуал идолопоклонства. (Есть замечательная книга Светланы Лучицкой, в которой этот материал изложен.)

Откуда это берется? Может быть, это рассказывали не очевидцы, пересказывали чужие истории. Есть много конкретных причин, объясняющих, почему «очевидец» это написал и почему это попало в хронику крестовых походов!

— **Недаром говорят криминалисты: врёт, как очевидец...**

— Все так. Но есть для объяснения всего этого какая-то фундаментальная, а не конкретная для каждого случая причина. Заключается она в том, что европейское сознание, в данном случае христианское, обязательно ожидает иерархизации земного и небесного. Духовное должно стоять выше материального, земного. Обязательно. Это то, к чему мы привыкли, это — наследие христианской культуры. И дохристианской тоже, у Платона это уже есть.

А что видели рыцари в исламском мире? В исламском мире нет этой дихотомии, нет иерархизации земного и небесного. И когда сознание, которое этого ожидает, видит, что этого нет, оно решает, что на самом деле там перевернуты знаки, что

приоритет отдается не духовному, а материальному. А реальная картина в исламской культуре — это баланс двух начал.

Но если вы хотите непременно видеть иерархию, если вы не видите приоритета небесного над земным, то вы увидите — уже как «очевидец», так сработают ваши когнитивные механизмы, что есть приоритет земного над небесным. И это фундаментальная причина, почему эти басни

появляются в хрониках крестовых походов.

Поэтому если мы это знаем, если мы это учитываем, то, наоборот, мы сможем договориться с инопланетянами. Или друг с другом. Мы останемся разными, но мы сможем понять друг друга. А вот если мы фактически являемся разными, но думаем, что мы одинаковые, — неважно, исходя из каких побуждений мы так думаем, то мы будем неизбежно ошибаться.

Джамбулат Умаров

НЕЛЬЗЯ ПОЗВОЛИТЬ ТЕРРОРИСТАМ ИГ УНИЧТОЖИТЬ НАШУ ИСТОРИЮ

2 марта 2017 года Сирийская арабская армия при поддержке ВКС РФ завершили операцию по взятию Пальмиры. СМИ немедленно принялись тиражировать фотографии освобожденного древнего города, а аналитики — фиксировать на этих снимках новые следы разрушений.

Увы, варварское отношение к памятникам истории и культуры уже стало отличительной чертой сторонников «Исламского государства» (террористическая организация, запрещенная в РФ) на Ближнем Востоке.

Снесенная статуя «Лев Аллат», взорванные храмы Баалшамина и Бэла, разрушенные римские погребальные башни в Долине гробниц, взорванная Триумфальная арка эпохи Древнего Рима — символ античной Сирии... Это неполный перечень тех потерь, что понесла от рук террористов только Пальмира. А ведь имеется

еще уничтоженный археологический музей в Мосуле, превращенный в руины минарет Сельджукия в Алеппо, десятки, если не сотни иных материальных свидетельств древности, буквально превращенных в пыль на территории Сирии и Ирака.

Почему же ИГ так поступает? Чем вызвана эта, как кажется, совершенно необъяснимая в XXI веке вспышка варварства? За ответом на эти вопросы Федеральное агентство новостей обратилось к Джамбулату Умарову, министру Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации.

Историческое наследие под ударом

— Джамбулат Вахидович, вы профессиональный историк, стажировавшийся в Тунисе, получивший там дополнительную специальность «востоковед-политолог», а позже защитивший в России диссертацию на тему «Иностранные каналы влияния на проявление терроризма в современной России». Мне кажется, в новейшей истории мы не найдем примеров столь же массового и мало понятного, с рациональной точки зрения, стремления к разрушению памятников истории и культуры, как мы это наблюдаем сейчас в случае с ИГ.

Чем же вызван столь вопиющий случай отклоняющегося поведения? Ведь в основе ислама, постулатами которого якобы руководствуются джихадисты, полностью отсутствует какая-либо установка на «уничтожение прошлого».

— Начнем с того, что за этим медиапроектом, известным нам как ИГ, стоят, к сожалению, очень светлые головы. Это же совершенно гениальный по совокупности своих составляющих проект... Если, конечно, забыть про то, что глобальной задачей данного проекта на текущий момент является вовсе не торжество ислама, а его стирание как религии с лица земли. Памятники Пальмиры, древности Мосула, иные памятники Сирии и Ирака.

Памятники античные и наследующие им исламские святыни — только

их комплекс позволяет человечеству помнить об исламе как о колыбели великой культуры. Как о колыбели великого зодчества, поэзии, письменности, великих памятников архитектуры, математики, философии, медицины...

— Историческое наследие исламской культуры, безусловно, очень велико.

— Во многом именно благодаря исламской культуре средневековая Европа узнала о Платоне и Ибн Роще, более известном под латинизированным именем Аверроэса. Только опираясь на памятники исламской медицинской культуры, возникли такие гении как Парацельс или Эдвард Дженнер, а также многие другие светила, которые считали, что их духовным и научным учителем является Абу Али ибн Сина...

Стирание памяти

— Но как эти события далекого прошлого связаны с тем, что происходит в Сирии сейчас?

— Связь тут самая непосредственная. Дьявольские апологеты ИГ стремятся стереть с лица земли памятники великой исламской культуры. Для террористов очень важно добиться этого в первую очередь для того, чтобы не было возможности сопоставлений. В этих сопоставлениях мы находим общность человеческих цивилизаций, христианства, иудаизма, ислама. И вот тогда мы с вами

приходим к самому главному, к чему должны прийти — к пониманию и оценке общечеловеческих духовных ценностей. Этого общечеловеческое зло боится больше всего.

— Почему?

— Если человечество будет вовлечено в этот великий духовный океан общечеловеческих ценностей, то места войнам будет оставаться все меньше и меньше. Во избежание подобной тенденции террористы делают все, чтобы стереть нашу историко-культурную память.

Пока мы можем с вами обращаться к архивам этих исторических памятников, пока мы можем наглядно показывать подрастающему поколению Пальмиру, Бахчисарайский фонтан или, допустим, храм Тхаба-Ерды в Ингушетии — едва ли не древнейший христианский храм в Европе, мы не утратим связи поколений и исторической идентичности.

Если наше внимание ослабнет и будет утрачен акцент на наших культурных ценностях, мы с вами падём в Лету. Мы пропадем.

— Звучит страшно.

— Вот об этом и мечтают не только игиловцы, но также их вдохновители и спонсоры. Те, кто спровоцировал пожар войны на Ближнем Востоке,

кто потратил колоссальные ресурсы на дестабилизацию данного региона во имя получения еще больших прибылей. Вы упомянули ущерб, нанесенный игиловцами историческому району Пальмиры, его античным храмам и триумфальным аркам. Но начался-то этот «парад варварства» с другого.

— С чего же он начался?

— С зияратов, со взрывов подле мечетей и уничтожения минаретов!.. Какая уж тут «защита ислама»... Уверю вас, покончив с исламскими памятниками, террористы постараются, в конце концов, дотянуться и до памятников православных, до церкви Покрова на Нерли и Успенского собора. Ведь принцип действий игиловцев неизменен — уничтожение памятников материальной культуры ради стирания у людей исторической памяти. Сегодня террористы «Исламского государства» и их спонсоры пытаются решить задачу постепенного превращения нас с вами в некое подобие зомби, лишенных духовной, национальной идентичности, а затем и человеческого начала.

Вот к чему ведет этот страшный человеконенавистнический проект под названием ИГ. И вот против чего борется Россия со своими союзниками в Сирии.

Юрий Михайлов

МУСУЛЬМАНЕ — ПОТЕНЦИАЛЬНО НАИБОЛЕЕ УСПЕШНАЯ ЧАСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

122

В перерыве очередной мусульманской конференции я увидел своего давнего знакомого Юрия Анатольевича Михайлова, который является главным редактором научно-издательского центра «Ладомир». Мне всегда было интересно, как этот человек реагирует на изменения, которые происходят в мире и в особенности в исламской среде и, пользуясь моментом, я задал ему несколько вопросов.

— Какой Ваш прогноз на 2017 год? Исправится ли позиция Запада по отношению к России? Какие положительные/негативные тенденции Вы ожидаете?

— Пока диалог, основанный на желании понять друг друга и сделать шаг навстречу, не начнется всерьез, ничего не изменится. Внятных предпосылок к этому я пока не вижу. Язык взаимного запугивания, шельмования и отчуждения стал сегодня

определяющим. Милитаристским духом и игрой мускулами не отмечен разве что прогноз погоды.

Конфронтация вывела на авансцену орды политиков, соревнующихся в умении раздавать оппонентам оплеухи и закидывать перчатками с предложением немедленно начать дуэль, но — дуэль без правил, чтоб по законам уличной драки. На шаблонные обвинения звучат шаблонные ответы и встречные шаблонные же обвине-

ния. Никто никого не слушает, главное — орать громче всех и обрывать «собеседника» на полуслове, вешая на него всех собак и обвиняя во всех смертных грехах. Пропагандистская война в самом разгаре.

Там, где война, там и те, кто на войне наживаются, прикрывая свои аферы пугалами инородцев, на которые издревле удобно натравливать зомбированное население. Жертвами грызни национальных элит оказываются одуроченные остервенелой пропагандой народы. Теперь из-за каждого угла на вас смотрит скрытый враг. Он вас подслушивает, копит на вас компромат, взламывает вашу почту, разоряет ваш бизнес, вмешивается в ваши выборы, коррумпирует ваше правительство, подвешивает на крючок только что избранного президента, подрывает ваш суверенитет, угрожает вашему здоровью и семье, делает из ваших детей идиотов.

Чтобы отношение к России начало меняться в лучшую сторону, на Западе должны смениться политические элиты. У нас они обновятся, как мне представляется, после грядущих президентских выборов. Более того, первые шаги уже сделаны.

Хочется верить, что 2017 год войдет в нашу жизнь потеплением отношений с США и Евросоюзом, а теоретики неизбежности глобального вооруженного конфликта на планете утратят свои аргументы (на сегодняшний день довольно весомые).

Хочется верить, что силовая составляющая в борьбе с религиозно

окрашенным экстремизмом будет дополнена его профессионально организованной профилактикой, для чего должны быть разработаны ее теоретические основы и выведены методологические рекомендации по ее практической реализации. Что на смену стремительно разбогатевшим коммерсантам от религии придут те, кто в действительности озабочен ее судьбами, что аморализму, беспринципности, стяжательству и криминализации, поразившим конфессиональную жизнь, будет дан самый решительный отпор.

Я не сомневаюсь, что человеческая цивилизация претерпит фундаментальные изменения, когда к руководству в ведущих странах придет поколение, родившееся в эпоху глобализации и тотального Интернета.

— Каким Вы видите развитие российской уммы в ближайшем будущем?

— В исламском братстве нашей страны наблюдается фундаментальный многолетний застой.

Властями делаются отчаянные попытки преодолеть явления радикализма через «ремонт» обветшавших, отживших свой век структур. Открыто множество учебных заведений в отсутствие отчетливого понимания, как мобилизовать колоссальный ресурс мусульманского вероучения в интересах российского государства (в случае православия крепнущая симфония последнего с властью очевидна).

Соответственно, нет адекватного комплекса учебной литературы и правил сертификации выпускников этих заведений. Не удивительно, что многие из них не находят работы по профессии.

Хотя звучит множество деклараций и рапортов, обосновывающих расходование сотен миллионов рублей, так и не началась подлинная реализация «уфимских тезисов» В.В. Путина. Без создания конкурентоспособной национальной богословско-правовой школы, к чему призвал наш президент почти четыре года назад в Уфе, не может быть и речи о перспективах искоренения из жизни уммы социально опасного радикализма.

Для создания указанной школы необходимо вернуть в жизнь общины интеллектуализм. Двигаться вперед невозможно, если вы всё время обращены назад. Наблюдая за некоторыми многошумными деятелями, возлюбившими созерцать себя вещающими на многих трибунах, не могу отделаться от сравнения, запечатленного в Коране: они напоминают мне ослов, навьюченных книгами (62:5), — старательно сыпят цитатами, подчас одними и теми же, не озвучивая ни одной собственной мысли, и, словно гипнотизеры, добиваясь, в конечном счете, лишь одного — погращения аудитории в глубокий безмятежный сон.

В последние годы всё громче стали заявлять о себе некоторые молодые мусульмане как о будущих перспек-

тивных лидерах. Зазвучали интересные идеи. Но пока — в отсутствие необходимого финансирования, когда основной объем распределяемых средств «расписан» по заранее известным «пайщикам» и их кураторам — эти идеи не могут найти практического воплощения. Более того, «пайщики с кураторами» их старательно блокируют.

Я возлагаю большие надежды на С. В. Кириенко, которому предстоит нелегкая задача вычистить авгиевы конюшни от чиновного балласта, тормозящего перемены в лучшую сторону.

— Какие главные проблемы понимания Корана у современного общества? Есть ли какие-то специфические моменты среди российской аудитории?

— Как известно, Коран — это прямая речь Бога, это живоговорящая Книга, с которой каждый, кто обращается к ней с верой во Всевышнего, выстраивает индивидуальный диалог.

Наука диалога с Кораном не может быть предметом изучения в медресе, университете либо духовной академии, поскольку диалог ведется сердцем. В учебных заведениях вам могут преподать опыт осмысления Священного Писания мусульман за многие века, причем опыт словесно оформленный, но этот опыт не может заместить ваш собственный опыт налаживания взаимоотношений с исламским Откровением.

Коран — это надвременное обращение Бога к людям, а потому данное послание всегда актуально и свежо. Общение через него Бога с одним человеком не может быть копией общения Всевышнего с другим человеком. То есть нет и никогда не было в истории ислама двух лиц, восприятие которыми Корана полностью совпадало бы. Этот диалог всегда строго персонифицирован, личностно окрашен («Сколько людей, столько и путей к Богу», — назидал Ибн аль-Араби).

В силу этого прочтение Откровения из века в век имеет свои особенности, как в целом на поколенческом уровне, под углом национальной традиции, так и в плане субъективного восприятия. Коран постепенно открывается людям.

И если вам кто-то предлагает тафсир XVIII века, заявляя, что это и есть наиболее актуальное прочтение Корана и что именно этим толкованием следует сегодня ограничиться, такой горе-наставник лишает вас возможности вступления в прямой диалог с Богом, отодвигая вас по шкале времени в далекое прошлое.

Если говорить в целом, то в XXI веке человеческое общество не располагает социальной доктриной ислама, отвечающей задачам современности. Этим надо специально заниматься.

Мусульмане по праву претендуют на то, чтобы быть наиболее успешной частью человечества. Но этого нет по факту. И нет давным-давно. Иными словами, не налажен современный диалог с Кораном, нет актуального осмысления сунны Пророка.

А отсюда и множество проблем, о которых мы постоянно слышим в новостях. Отсюда то мракобесие, что олицетворяет собой пресловутое ДА-ИШ, умело выпестованное антиисламскими и ретроградными силами.

Чем больше я думаю о Коране, о той роли, которая в нем отведена человеку, тем тверже укрепляюсь в мысли, что общество будущего, предсказанное в этой величайшей Книге, имеет черты того самого постиндустриального общества, о котором так много говорят в последние десятилетия крупнейшие социологи мира. Это общество, на порог которого человечеству предстоит еще только взойти, но первые шаги в этом направлении уже сделаны.

Короче говоря, тенденции мирового развития крайне благоприятны для мусульман. Проблема — в непонимании этого отдельными лидерами уммы и, соответственно, неспособности выработать позитивную программу действий.

*Беседовал Анар Рамазанов —
журнал «Мусульманка», Москва*

Константин Казенин,
*старший научный сотрудник РАНХиГС
и Института Гайдара, Москва*

ГРАНИЦЫ ДЛЯ ХИДЖАБА: ПОЧЕМУ СОБЛЮДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ НЕ ДЕЛО ВЛАСТЕЙ

Споры о ношении религиозной одежды в школе часто сводятся к вопросу, в каких регионах ее можно разрешить, а в каких нет. Такая логика основана на устаревших представлениях об устройстве мусульманских регионов России

126

Спор о праве на ношение в школе хиджабов разгорается вновь и вновь в разных российских регионах (не только в мусульманских). Однако шанса хотя бы приблизиться к решению серьезных проблем жизни страны, с которыми связан спор о хиджабе, пока, увы, не видно.

Реакция на сигналы

В 2012 году спор начался со скандала в одной из сельских школ на востоке Ставропольского края, где родители заявили, что их дочерям запрещают ходить на уроки в мусульманской одежде.

Тогдашнее руководство региона явно не было готово к тому, что история приобретет общероссийский резонанс, и стремилось свести к минимуму свою публичную роль в скандале. В результате дискуссия

велась в основном федеральными чиновниками и экспертами, которые быстро дистанцировались от региональной специфики и перешли к более глобальным вопросам о религии и школе.

О невнимании к той конкретной территории, на которой возник конфликт, как теперь ясно, можно только сожалеть. Произошедшие в последующие годы в восточном Ставрополье убийства мусульманских деятелей показали, насколько неблагоприятна ситуация в этой части региона, где проживает значительное количество как коренного мусульманского населения (ногайцев), так и мусульман — выходцев из Дагестана. Региональные власти с трудом справляются с местными проблемами, а быть может, и не всегда понимают их.

Тем не менее завязавшийся тогда в федеральных медиа спор был ценен

тем, что обозначил контекст, в котором проблему мусульманской одежды в школах, на мой взгляд, имеет смысл обсуждать. Среди прочего, это был спор о том, обречены ли культурные различия, включая различия в одежде, быть символом конфликта или признание права другого быть другим может стать основой для общественного согласия. Как, соблюдая конституционные права мусульман, не дать воспользоваться ими в своих целях адептам террора и насилия. Это был и спор о патриотизме — о том, возможен ли в нашей стране патриотизм, в основе которого не «зов крови», а уважение гражданина к Отечеству за то, что в нем он имеет возможность быть собой, не навязывая другим свои идеи и свою культуру и не испытывая ни от кого такого навязывания. Если коротко — это был спор о том, как обществу справляться с вызовами глобализации.

Новый раунд «хиджабной» истории мы наблюдали совсем недавно. Нынешний спор отличается тем, что в нем активно участвовали региональные руководители. Сначала в СМИ, считающихся близкими руководству Татарстана, появились публикации с критикой поведения мордовских чиновников — скандал разразился в школе села Белозерье в Мордовии. В защиту хиджаба высказался глава Чечни Рамзан Кадыров. И проблема, конечно, не в участии «регионалов» как таковом — оно как раз было бы естественно и необходимо, а в том, какой вариант решения проблемы стал

рассматриваться общественностью в качестве основного.

Вариант этот сводится к признанию права быть разными — но не граждан России, а ее регионов. Что можно, якобы, где-то запретить, а «у Кадырова» или «у Минниханова» — разрешить. И именно такой вариант был воспринят многими как наилучший.

Такая логика опасна, потому что исходит из неверных представлений о сегодняшнем устройстве общества в регионах, где значительную часть населения составляют мусульмане. Кажется, что там руководители могут взять на себя роль «отца» населения, определяющего для него и за него границы возможного. Мол, если главы каких-то субъектов решили, что у них можно, то пусть там так и будет — «под личную ответственность» главы. Дело в том, что такую «ответственность» главы большинства регионов сегодня на самом деле нести не способны: общество давно ушло в своем развитии от той стадии, на которой подобные патриархальные практики были возможны.

Начальство не справится

Посмотрим хотя бы на возможности региональных лидеров влиять на происходящее в местной исламской среде, поскольку вопрос о хиджабах в любом случае связан с религиозной ситуацией в регионах.

Чечня, действительно, отличается жестким контролем властей за религиозной (и не только религиозной)

жизнью региона, явной «смычкой» республиканской власти с одним из течений местного ислама. Но если взглянуть даже на ближайших ее соседей, то окажется, что там ситуация уже совершенно иная.

Например, в Ингушетии с ее долгим конфликтом между региональным Духовным управлением мусульман и оппонировавшими ему имамами глава республики Юнус-Бек Евкуров временами берет на себя роль критика Духовного управления, временами стремится быть медиатором, но явно не видит для себя возможности «указующим перстом» определять, что для местных мусульман хорошо, а что нет.

Что касается Дагестана с его крайне многообразным, полифоничным и конфликтным исламским сообществом, то представления о том, что там глава республики (не важно, нынешний или один из его предшественников) мог бы диктовать верующим, как им одеваться, поистине смехотворны.

Молодое и среднее поколение мусульманских регионов России в массе своей имеет опыт жизни в других частях страны и подключено к глобальным коммуникациям. В среде мусульманской молодежи в последние годы растет интенсивность межрегиональных контактов, в том числе с соплеменниками и единоверцами, живущими в мегаполисах.

Уровень «модернизированности» в этой среде значительно выше, чем

принято думать. И очень трудно ожидать массовой готовности, жертвуя правом на личный выбор, выстраиваться в одну колонну по мановению регионального вождя.

Впрочем, ничего удивительного в том, что в споре о хиджабах на первое место вышли подобные варианты решения, нет. И дело здесь даже не в устаревших образах мусульманских республик и народов в умах многих наших сограждан. Проблема проще и шире: одна из первых инстинктивных реакций человека, столкнувшегося с чем-то непонятным, — это, как известно, развернуться и убежать. В данном случае развернуться к архаике, где все «ясно и просто», все народы расставлены своими вождями по местам. К этой архаике не вернуться, даже если кто-то хочет ее восстановить, мысленно или на деле. И чем раньше это будет осознано, тем меньше времени будет потеряно для поиска реалистичных решений реальных проблем.

Разница мнений о проблеме религиозной одежды в школах, в том числе и среди крупных федеральных чиновников, показывает, что простого решения у этой проблемы не будет. Но для того чтобы не зайти в тупик, важно помнить, что эту проблему предстоит решить в современном обществе, где свобода выбора и ее границы определяются в первую очередь для человека, а не для родов, племен или земель.